

Нгуен Зы

**Пространные записи рассказов
об удивительном**
*Старинная
вьетнамская проза*

*Перевод с вьетнамского
М. Ткачева*

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ
НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
ХАНОЙ — 1983

Текст печатается по изданию:

НГУЕН ЗЫ

Пространные записи рассказов об удивительном
М., « Художественная литература », 1974.

ОБЛОЖКА И ИЛЛЮСТРАЦИИ
ДАНГ ТХИ КХЮЭ

Рассказ о дереве гао

Чинь Чунг Нго, пригожий собой юноша, родился в земле Северной реки (Бак-ха). Семья его была очень богата, и взял он себе обычай подряжать большую ладью и спускаться на ней к югу со всяким товаром. В плаваниях своих причаливал всегда у моста, именуемого Ивовый родник, а оттуда уже направлялся на торжище Южного благоденствия. И всякий раз он встречал на дороге красивую и милую девушку. Обычно она выходила из Восточной деревни, и с нею вместе была служанка. Разглядел он ее тайком и видит: красавица прелести несравненной. Но, не зная, кого бы здесь, на чужбине, расспросить о ней, он все сокрушался да печалился втайне.

Однажды Чунг Нго снова встретил девушку и совсем было приискал слова, чтоб познакомиться

с нею, а возможно, склонить и к свиданию, но девица, подобрав подол, прибавила шагу и сказала служанке:

— Помню, перепила я как-то весеннего вина и долго лежала без памяти. С той поры уж, пожалуй, полгода не гуляла я у моста, что зовется Ивовым родником. Не знаю, красиво ли там по-прежнему? Надо бы нынче ночью сходить поглядеть на привычные эти места, — а ну как развею тайную грусть. Пойдешь ли и ты со мною?

Служанка отвечала согласием.

Чунг Нго, подслушав их разговор, возликовал. Пришел он под вечер к мосту и затаился, набравшись терпения. Ждет он: поздняя ночь, вокруг ни души, вдруг видит — и впрямь подходит девица, а за нею служанка с двухструнным хо камом: Остановясь у самого моста, вздохнула девица и сказала:

— Горы и воды — все те же, ничто не изменилось, только люди иные, чем прежде. О, как изжить мне тоску и печаль?!

Присела она, опершись на перила, взяла хо кам и заиграла на струнах сперва напевы Южного дворца, затем — печальные Песни осени. Но потом отложила хо кам, поднялась и снова вздохнула:

— Думала я пением струн рассеять печаль. Увы, звук песен высок и чист, а смысл — далек и темен. Нет, видно, не суждено мне встретить сердечного друга, чтоб понял мою душу. Лучше уж воротиться скорее домой.

Тут Чунг Нго подошел, поклонился ей и сказал:

— Я и есть тот сердечный друг, которого ты ждешь.

Девушка всполошилась и воскликнула:

— Ах, и давно вы здесь? Не скрою, ваш облик запечатлелся в моем сердце, и всякий раз я о вас вспоминаю. Но встречи в пути мимолетны, не успеешь и допеть песню. То ли дело эта безлюдная ночь: гуляй — сколько хочешь, иди — куда вздумается. Вот уж не думала, что вы еще прежде меня окажетесь здесь, у моста. Не будь на то воля неба, не посчастливилось бы нам встретиться! Да только рядом с бесцельным жемчугом и нефритом кажусь я себе грязной и жалкой.

Спросил он ее об имени и доме. Она отвечала нахмуясь:

— Родом я из семьи Ни, а зовут меня Кхань. Довожусь я внучкой почтенному Хою, чьи добродетели и благодеянья ведомы всей деревне. Отец мой и мать умерли рано, и я осталась совсем одна. А недавно, покинутая мужем, принуждена была перебраться за деревенскую изгородь. Ах, ведь вся наша жизнь—вереница мечтаний и снов! Пределы и сроки ее определяет небо. Так будем же сами искать радости и утех. Кто хочет ранней смерти, кто пожелает уйти к Желтому источнику? Не лучше ль предаться счастьем взаимной любви! Но это невозможно, да и не в нашей власти.

Тотчас спустились они в ладью. И девица сказала Чунг Нго:

— Вот я таю и тлею, и смерть моя недалека. Долгие дни и месяцы, покинутая, обретаюсь одна я, и некому обо мне позаботиться. Уповаю, о совершенный душою и телом, — дух твоей мужественности повеет в темницу и жар твой согреет увядший росток, с багряных соцветий осыплются краски и — хоть тайком — прольется обжигающий свет весны. Мне тогда не на что будет сетовать в жизни.

Без промедления они предались любви, и наслаждение их было полным. Девица, желая запечатлеть свое счастье, сложила два таких стихотворения:

I

*Глухое безлюдье нас вместе свело,
весенняя страсть опьянила,
Смущенье и робость на смену пришли
отваге любовного пыла.*

*Отросток бамбука — нефритовый перст
ласкает узоры браслета.*

*Тесемки развязаны, обувь снята,
и ноги роса увлажнила.*

*Но сон над подушкой вспорхнет мотыльком,
смятеньем сменяется радость,*

*Болотная курочка поздней весной
тревожно кричит и уныло.*

*Не время еще нам уснуть навсегда,
но вместе почить мы желаем,
Чтоб не расставаться во веки веков,
пусть ложем нам будет могила.*

II

*Останется в сердце прекрасная ночь,
ее не забудем улад,
Шестнадцатиструнный в руках моих чань,
звонит его сладостный лад.
Высокой прически склонился пучок,
нефритовой блещет заколкой,
И шелковым поясом стянутый стан
изогнут, как спины цикад.
С ветвей дыонг ле опадают цветы,
но дерево полнится соком,
И дерево маи готово цвести,
теряя свой белый наряд.
Пусть пару достойную соединит
священными узами феникс,
Пусть ветер рассветный ей радость несет,
пусть лунные ночи пьянят.*

Чунг Нго, как всякий купец и корабельщик, был несилён в письменах и словесных тонкостях, так что девице пришлось объяснить ему смысл стихов. Тут Чунг Нго восхитился:

— Дар твой слагать стихи ничем не уступит дарованью И Ань, известной с давних времен.

Она же, смеясь, отвечала :

— Люди, родясь на свет, жаждут лишь утех и богатства. Экая важность — стихи ! Все преходящее, всему конец под могильным холмом. Бывали и прежде женщины искусные в стихосложении, вроде Бань Цзи или Цай Янь, но где они нынче ? Что все тени бывшего рядом с единым мгновением счастья ! Упьемся же радостью, чтобы не укорять себя после за бесплодно растраченную весну.

Лишь перед самым рассветом распрощалась она и ушла.

И так повелось из ночи в ночь.

Прошло более месяца, пока один из товарищей Чунг Нго по торговому делу, прознав обо всем, не сказал:

— Вы ведь в здешних краях чужестранец, не лучше ль блюсти себя и сторониться всего неведомого и неясного ? Стоит ли без оглядки заводить любовные шашни с неизвестною вам девицей, хоть лик ее и подобен цветку, а брови — листам ивы ? Что знаете вы о ней и ее намереньях ? Думаю, если она не причудница из убранных шелком покоев, то уж, верно, из тех, что угождают желаниям на галереях, украшенных пестрой парчой. Судите сами: после таких

упущений где уж вам что-нибудь скрыть ? Затеется дело — над вами простерты карающие законы, а рядом ни родичей, ни домочадцев, готовых прийти на выручку. Как быть тогда ? Вот вы ненароком спутались с этой девицей, отчего же вам не узнать, откуда она, кто такая, а там — или бросить ее, как некогда Чан-ли бросил Лючжи, или уж взять на себя бремя, как было у Ли Цзина с Хун-Фу ? Но только пусть все будет взвешено, продумано и надежно.

Чунг Нго, сочтя товарища правым, похвалил его и при первой же встрече сказал девице:

— Я — чужеземец и вдруг неожиданно-негаданно обрел здесь счастливый союз и любовь. Но дом твой, красавица, мне неведом и неизвестна семья. Вот мое сердце и наполняет тревога.

Она отвечала:

— Дом-то мой здесь, неподалеку. Но думала я, свидания наши — дело тайное. Ведь красота моя и без того уже стала жертвою пересудов и злобы, а ныне — сколько ушей да глаз следило б за нами! Не зря говорится: заденешь утку — страшишь ее селезня, подпалишь огнем орхидею — увянет лилия. Я и решила, зачем дорогому супругу лишние огорченья и хлопоты.

Однако Чунг Нго стоял на своем.

Засмеялась она и уступила:

— Я ведь стыдилась убогости и тесноты моего дома, думала их скрыть. Но коли так, будь повашему. Позвольте лишь указать вам путь.

Этой же ночью, во время третьей стражи, когда небеса были черными, а ночь непроглядной, направились они в Восточную деревню. Шли они долго и наконец вышли к какому-то месту, обнесенному бамбуковой изгородью, прорезавшей редкие купы засохшего тростника. Посередине стояла соломенная хижина, низкая, скособоченная, темная; стены ее и крышу оплели побеги вьюнка.

— Вот и дом мой, — сказала, указывая на хижину, девица. — Прошу, отворяйте дверь, входите, присядьте, пока я схожу за огнем.

Чунг Нго, нагнувшись, ступил под низкую соломенную крышу и присел на пороге. Время от времени ветер доносил до него тяжелое зловоние. Изумленный, не понимал он, откуда исходит запах. Но тут затеплился в дому огонек светильника. Заглянул он внутрь и видит : по левую руку стоит небольшая плетеная лежанка, на ней — красный лакированный ларь под красным покрывалом, а по нему серебром начертано: « Гроб с телом Ни Кхань » ; справа — глиняный истукан : девица с двухструнным хо камом в руке.

Разглядел все это Чунг Нго и похолодел от страха, волосы у него встали дыбом, и он опрометью кинулся прочь. Но едва выбежал он из дома, девица тотчас заступила ему дорогу и заголосила :

— Нет-нет ! Ты ведь пришел издалека, так зачем торопиться? Да и в стихах я назначила нам встречу после смерти. Так не лучше ли тотчас последовать друг за другом и поскорее исполнить, обет, успокоясь в общей могиле ? Каково мне лежать одинокой, покинутой всеми ! Почему я должна тебя отпустить ?

Бросилась она на Чунг Нго и ухватила его за полу. Благо, платье-то было ветхое, и он, рванув напроочь полу, бежал.

Примчался он к мосту, запыхавшись,—ни дух перевести, ни слова промолвить.

На другое утро пошел он в Восточную деревню; расспросил тамошних жителей и узнал, что у старого Хоя и вправду была внучка по имени Ни Кхань, но двадцати лет от роду умерла — тому уже с полгода. Тело ее лежит в гробу, а гроб — в хижине за околицей.

Вскоре свалил Чунг Нго странный недуг. А Ни Кхань все прохаживалась неподалеку, то остановится на берегу и зовет его голосом, невыносимым для слуха, то подберется к ладье и шепчет в раскрытое оконце. Чунг Нго всякий раз отвечал ей и

порывался идти за нею, но товарищи связывали его толстыми веревками. А Чунг Нго бранился и поносил их:

— Эй вы, мужланы ! У жены Нашей лучезарный дворец, там всюду пахучие цветы и благовоения. Вышло Нам время уйти к ней ! Жалкая эта жизнь — лишь красный прах, не боле! Как вы посмели связать Нас и удерживать силой!

Однажды ночью всех в ладье сморил крепкий сон. Утром проснулись — Чунг Нго простыл и след. Бросились они тотчас в Восточную деревню и нашли его: лежит бездыханный, обняв руками гроб. Там его и схоронили,

С той поры всякий раз, лишь выдастся ночь потемнее, люди видели их обоих: идут, взявшись за руки, когда плача, а когда и смеясь. И заставляли они поклоняться им и возжигать курения ; а придишь им что не по вкусу, насылали несчастья и беды.

Стало людям неумоготу терпеть злодеяния и бесчинства, разрыли они могилу Чунг Нго, разбили его гроб и вместе с останками девицы бросили в реку, чтобы течение унесло их прочь.

Поблизости, на берегу, стояла пагода, а рядом с нею росло древнее дерево гао, шла молва, будто ему более ста лет. Души Чунг Нго и Ни Кхань вселились в дерево гао и стали оборотнями. С

тех пор, если кто покушался на ветви его или листья, у тех ломались ножи и тупились топоры. Отрубить ли, отрезать малую часть его не было никакой возможности.

В год, когда в месяцеслове сошлись знаки Коня и Металла, и под девизом Распростертого великодушия царствовал дом Чан, некий даосский праведник решил заночевать в этой пагоде.

Когда опустела река, луну затянуло туманом и повсюду была тишина, праведник вдруг увидел двоих — юношу и девицу. Раздетые донага, они смеялись и предавались забавам, а потом подошли, громко стукнули в дверь и давай окликать — нет ли кого в пагоде. Праведник принял их поначалу за похотливых любовников, развлекающихся в лунную ночь, вознегодовал на такую распушенность, замкнул дверь, улегся и не отозвался ни словом.

На другой день он рассказал обо всем увиденном одному деревенскому старику, сетуя на повреждение нравов. Старик отвечал:

— Вам ли, почтенный, не знать: это оборотни, нечистая: сила: Вот уж который год обитают они в дереве гао. И все мы мечтаем изгнать их прочь.

Задумался праведник и молвил:

— Исконное дело мое и мой долг — помогать людям, выручать их из беды. Того, что увидел я

своими глазами, достаточно, чтобы помочь здешнему люду. Тут не дать ход чудотворной силе — все равно что бросить погибающего без помощи и попечения.

Праведник тотчас собрал всю деревню, и люди поставили жертвенный алтарь. Затем начертал он три магических знака; первый приколотил к стволу дерева гао, другой опустил в воду, а третий сжег под открытым небом. И, завершив все это, воскликнул:

— Слишком давно похотливые бесы творят свои козни! О всеблагие духи, искореняйте, гоните прочь нечистую силу! Заклинаю вас неотложным заклятьем — торопитесь исполнить приказ!

Вскоре нагрянули тучи, налетел неистовый вихрь и сделалась тьма. Люди, стоявшие рядом, не различали один другого. А на реке поднялись волны, бурлили, ревели, оглашая небо и сотрясая землю.

Спустя какое-то время ветер утих, просветлели тучи, и все увидели: дерево вырвано из земли с корнем, ветви его обломаны и содрана кора, — так обдирают стебли джута. Потом слышны стали в вышине удары бичей, горестный вопль и плач. Подняли люди головы и видят: шесть или семь сотен воинов с буйволиными головами волокут двоих — мужчину и женщину с колодками на шее.

Деревенские жители, исполненные благодарности, собрали даосу много денег и всякого добра. Но он взмахнул полами одежды и удалился в горы, не взяв даже самой малости.

* * *

Нравоучение. Увы ! Хотя люди в земном мире избавлены — и давно — от такой напасти, как оборотни и бесы, но разврат и невежество и нынче легко углядеть повсюду.

Чунг Нго, как всякий купец и корабельщик, разум имел непросвещенный, — его и корить не за что. Но праведник, искоренивший нечисть, взыскан был великою благодатью ; а стало быть, и в позднейшие времена мыслитель справедливый и беспристрастный должен о нем знать.

Пусть рассказ загадочен и туманен, это еще не повод считать его ложным ; и не следует, ратуя противу суеверий и вымысла, отвергать завлекательность повествования и его смысл, вдруг открывающийся в том, что совершенный человек предан другим людям.

Рассказ

о земном воплощении Разливателя чая

Некто из рода Зыонг по имени Так родился в округе Тхыонг-тин (Извечная вера), что в земле Южных гор — Шоннаме. Государь Хюэ Тонг из дома Ли поставил его надзирать за судами в Туйен-куанге — краю Возвещенного света. С великой проницательностью изобличал он тайных злодеев и очернителей, разбирая все тяжбы беспристрастно и по закону. Вот люди за милосердие и честность и прозвали его Дык конгом — Вершителем справедливости.

Пятидесяти лет от роду, не имея сына и наследника, он вдруг тяжело занемог и умер ; но долгое время спустя ожил и рассказал вот что :

— Пришли Мы к высоким черным стенам с железными перегородками и решили было войти

внутри, как Нам заступил путь служилый человек. Держась правой руки, повел он Нас мимо множества красных дверей с алыми таблицами. Приподняв длинные полы, вошли Мы в одну из них и увидали со всех сторон просторные помещения, где всюду стояли в ожидании люди — не менее ста человек. Посредине, у стола, какие-то сидят под алтари, сидели друг против друга двое мужчин в багряных одеждах. Подозвав взглядом служилого человека, велели они ему подать красную книгу семьи Зыонг, перелистали ее, переглянулись и молвили: « Поистине, нет ему равного среди живых ; скольким людям он спас жизнь ! Жаль, был недолг определенный ему век и некому будет продолжить его род. Но уж если такому мужу не воздать по заслугам, как поощрять прочих ? О нем мы должны доложить самому Вседержителю ». А пока пригласили Нас немного передохнуть в покоях восточной галереи. Прошло почти полдня, пока они снова прислали за Нами и, едва Мы приблизились, молвили: « Вы прославились добротой и честностью. Вседержитель вас хвалит, жалуется вам доброго сына и

продлевает вам жизнь еще на два срока по дню жине лет каждый. Возвращайтесь скорей воссиять и порадейте на стезе добродетели, чтобы достоинства ваши перешли к потомкам. И уж не говорите впредь, будто мы на небесах толком не знаем о ваших земных делах ». Потом велели они служилому человеку проводить Нас. Выйдя за дверь, Мы спросили его: « Что это за палаты ? Кто здесь начальник и какие вершатся дела ? » — « Палата сия, — отвечал он, — одна из двадцати четырех палат Небесной столицы ; здесь судят умерших. Тем, чьи имена в красных книгах, иногда посчастливится, они оживают и возвращаются на землю; но тем, кто в черных книгах, надеяться не на что. Если б вы издавна и по сию пору не творили от сердца добро, мудрено б вам было спастись ». Распрощались Мы с ним и словно проснулись от сна.

Тут супруга Дык конга открыла ему, что минувшей ночью, к концу первой стражи, в чрево ее внедрилась упавшая с неба малая звезда и сотрясла все ее естество. С той ночи она понесла и по истечении года родила сына. Нарекли его

именем Тхиен Тить — Небесное знамение. Тхиен Тить очень любил чай и сравнивал самого себя с Лу Туном и Лу Юем, известными в древности чаевщиками. Был Тхиен Тить ко всему одарен великим умом и талантом, постигал книжную премудрость, и не найти было сочинения — древнего или нынешнего — ему неизвестного.

Дык конг, глядя на него, радовался и говорил:

— О да, теперь есть кому продолжить Наш род !

Ревностно старался он преподавать сыну учение о справедливости и добре. Но двадцать четыре года прошли, и Дык конг, ничем до того не болев, умер. Тхиен, скорбя об отце, чтит его память в точности, как положено; и люди — близкие и чужие, — глядя на него, умилялись.

А когда закончились поминанья, он вернулся к учению, усердствовал с самого утра и не отлынивал от трудов. Семья их тем временем оскудела, и денег на прожитие не хватало вовсе. Стал Тхиен искать дома, где были дочки на выданье, и проситься в зятя, но никто не желал с ним родниться. Соседи и прежние знакомые, видя такую бедность, обходили его стороной.

— Отец мой, — посетовал Тхиен, — спас жизнь тысячам людей. А ныне никто не хочет помочь его единственному сыну. Какой же тогда смысл творить добро ?!

Не успел он умолкнуть — видит: стоит перед ним незнакомец в изысканных одеждах и шляпе. Гость назвался Советником из семьи Тхать, сложил на груди руки, поклонился и сказал:

— Некогда был я премногим обязан сиятельному Зыонгу, не знаю уж, чем его и отблагодарить. Есть у меня дочь по имени Хан Ань, примите, прошу, ее в свой дом и к себе на ложе. Уверуйте наконец в себя, и пускай бедность не лишает вас твердости духа.

Сказал и тотчас куда-то исчез. Тхиен изумился необычайно и записал его слова — для памяти.

Вскоре узнал он: в уезде Чудотворных хождений — Тиен-зу объявился просвещенный мудрец из рода Чан, собравший уже сотни учеников. Уложил Тхиен свои книги, тушечницу и кисти и отправился учиться. Жилье для себя снял он в деревне Голубого единорога. Был там богатый дом, принадлежавший семье Хоанг. Глава семьи,

заметив просветленный лик Тхиена, узнал о книжной его учености и о намеренье приискать жену, чтобы, как говорится, воссесть на восточном ложе.

И тогда он сказал жене:

— Семья наша вот уж которое поколение преуспевает в торговле и изрядно разбогатела. Добра и денег у нас вдоволь, нет лишь хорошего зятя. А у соседей как раз поселился школяр из семьи Зыонг по имени Тхиен Тить, личность, думаю я, знаменитая и достойная. Глянешь на него — и поймешь: из молодца выйдет толк. Дочь наша уже вошла в лета, пора ей и замуж, а лучшего жениха не сыскать!

Жена с ним согласилась. Приняли они Тхиена в свой дом зятем и, не постояв за деньгами, создали на свадьбу великое множество гостей.

Тхиен был доволен и счастлив. Но временами, сидя в одиночестве, погружался он в тягостные раздумья, листая свои книги. Жена заметила это и приступила к нему с расспросами.

Он отвечал ей:

— Когда-то явился мне дух и предсказал, что возьму я в жены девушку Хан Ань из семьи

Тхать. Само собою, я счастлив, став зятем в богатом и уважаемом доме. Но если пророчество духа, вышло ложным, значит, не стоит ждать и обещанных им успехов. Оттого-то я и печалюсь.

Жена, услышав его, залилась слезами и сказала:

— Это был мой отец. В детстве меня звали Хан Ань, а отец мой — Манг из семьи Тхать, правитель в Туйен-куанге.

Высшие сановники очернили отца безвинно. Всю нашу семью схватили и бросили в темницу, там мои родители умерли, и я осталась одна. По малолетству в ту пору я мало что понимала, но помнится, будто некий Зыонг Дык конг, сжался над моей невиновностью, пререкался и спорил с другими чинами, пока наконец не добился своего, не вызволил меня из темницы. Беспомощной и слабой, мне тогда повезло: добрые люди удочерили меня. Вот уже десять лет живу я в их доме, но по рождению я — дочь Советника из семьи Тхать.

Теперь уж Тхиен, изумленный, воскликнул:

— А я-то ведь сын Дык конга! Выходит, супружество наше было предreshено еще в прежних существованьях. Кто же посмеет теперь утверждать, будто бы письма на красных страницах — одна лишь игра красок да вздорный вымысел?!

Итак, он убедился: узы, соединившие их, чудесны. И оттого супружеская любовь стала еще

сильней. Тхиен, обрета надежный приют и не отвлекаясь боле заботами о пропитании, все свои помыслы и труды устремил к изучению словесности.

Он дважды отличился на испытаниях. Сперва ему дан был чин Доверенного письмовода, а потом он вознесся и до Законоблюстителя. По истечении двадцати лет Тхиен стал важным вельможей. Был он предан государю, нелицеприятен, неподкупен и оттого взыскан доверием при двух царствованиях, умея почитанье усопшего владыки обернуть уважением к живому, сидящему на троне.

Бедняком, в молодые годы, претерпев от людского высокомерия и корысти, старался он всем воздать за прошлое: кому благодарностью — пусть с неприметную шелковинку, а кому и ненавистью — хоть на волосок. Такова была единственная его слабость.

Однажды воздвиг он высокий алтарь, чтобы помолиться святым духам в мире и тишине. Он самолично встретил сотни даосских монахов в высоких шапках и широких одеждах, и стали они творить молитвы и возлагать дары, как вдруг следом за ними, ковыляя и покачиваясь, в рваном платье и развалившихся туфлях, притащился один монах. Страж у ворот не впустил даоса. Но тот стоял на своем и спорил, поэтому привратник

отправился к хозяину с докладом. А Тхиен разразился бранью и велел гнать монаха прочь. Даос побрел восвояси, горестно сетуя:

— Горе мне! Нашел старинного друга, а друг не приветлив и груб. Что же, выходит, быть беде в О-тоне! Нет, не станем более сами себе досаждать. Пусть только после не укоряет, будто я позабыл дружеские обеты.

Услышав это, Тхиен приказал вернуть монаха и сам сошел на крыльцо ему навстречу. Посидели они, как водится, за приятной беседой, и даос сказал:

— Вы теперь — королевский канцлер, заседаете во дворце, воздвигли себе хоромы. Куда ни пойдете — стражники перед вами расчищают дорогу, и над домом вашим — сторожевой колокол. Это ли не предел земных богатств и почестей! Оттого вы, наверно, и позабыли о прежних радостях на Пурпурной звезде.

— Радости на Пурпурной звезде? — переспросил Тхиен. — Ничего не пойму.

— Вижу, поток утех и страстей захлестнул вас, — ответил даос, — и вы утратили память. Позвольте, я расскажу все, а вы послушайте. В давние времена были вы Разливателем чая у святого Вседержителя, а я — Смотрителем винохранилища Звездных палат. Что ни день, мы прислуживали во дворце Пурпурной звезды и

состояли тогда в большой дружбе. Однажды, по окончании пира, Вседержитель спросил, обращаясь к небесным придворным: «Кто из вас согласен сойти в земной мир поразвлечься и прослужить лет десять или поболее королевским канцлером?» Придворные, уставясь друг на друга, не успели и слова промолвить, как вы, обрадовавшись, дали согласие. «Вот и отправляйтесь, — милостиво произнес Вседержитель. — Там у людей радостей и утех ничуть не меньше, чем в Звездных палатах; не думайте, будто земной мир так уж тесен и скучен!» Я стоял тогда неподалеку и все слышал и видел.

С этими словами даос дал Тхиену волшебную пилюлю. Тхиен проглотил ее, дух его просветлел, и он вспомнил все, что было в прежнем существовании.

Тогда он спросил :

— Теперь течение и истоки моей жизни мне понятны, но вы, как вы сами здесь очутились ?

Монах ответил :

— Я легкомыслен и болтлив, да вдобавок еще пристрастился к вину. За это Вседержитель и осудил меня, сослав на землю. Доживаю я здесь уже третье двенадцатилетие. Теперь мой срок вышел и я возвращаюсь к своей прежней должности в Звездных палатах. Но, помня нашу старинную дружбу, решил заглянуть к вам ненадолго.

Тхиен стал расспрашивать, что за беда разразится в О-тоне. Тут гость помрачнел, попросил удалить всех прочь и сказал :

— Лет через пять случится вам плыть морем, и, боюсь, ожидает тогда вас большое несчастье.

Тхиен спросил, за какую вину или грех он будет наказан.

Даос отвечал:

— Как королевский канцлер вы ни в чем не ошиблись и не согрешили. Но, стоя долгие годы у власти, вы были, само собой, благосклонны к одним, других — невзлюбили. А людская зависть и злоба ядовиты и жгучи; клевета и кривда растут и грозят близкой бедой.

— Что же мне делать ? — спросил Тхиен. — Как спастись от беды ?

— Не тревожьтесь, — ответил даос. — Запомните, мое имя Куэнг Фаунг — Светодарный защитник. Если вдруг я вам понадобится, сожгите благовонную палочку и позовите меня. Я тотчас явлюсь на помощь.

Решили они провести вместе и ночь.

— Вижу, — сказал Тхиен, — вы — настоящий друг. Не просветите ли, не откроете ли сокровенную тайну ?

Даос ответил:

— Знайте же: высоконравственность — основа добра и блага, богатство же — источник алчности

и распрей. Высоконравственность словно малый росток, — ороси одною лишь каплей влаги, и он поднимется и расцветет; а богатство как красное пламя, — брось в него кусок льда, и оно опадет и угаснет. И еще скажу: что прорастает само собою? Семя добра и зла! Чего всегда в изобилие безо всякого призора? Причин для счастья и бед! Безразличье, бездействие — вот что страшнее всего! Будьте почтительны к людям, старайтесь всегда и во всем следовать справедливости.

Потом заговорил Тхиен:

— Слыхал я, небесная добродетель беспристрастна, как весы или зеркало; знаменья ее подают божества и духи, а справедливая мера блюдется во всех превращениях. Сколько вещей ни поставь перед зеркалом, оно отразит их все разом; и сквозь сеть — хоть редки ее ячей — никому не пролезть. Истинный закон — это закон строгий и тайный, и человек не должен возмущаться или роптать. Но отчего увещанья часто приводят к путанице? Я вот не видел и не слыхал, чтобы благое, полезное дело принесло кому-нибудь счастье или чтобы лиходей попал в беду. Говорят, и бедняк, наделенный силою духа, достигнет успеха, да и вообще человек, пожелай он чего, всегда своего добьется. Но если так, откуда ж тьма книгоучив, что усердствуют всю жизнь, а никак не

пройдут испытаний? Почему иные семьи, роскошествуя вот уж которое поколение, все богатеют и богатеют? Конечно, никому не всучить сливу вместо рубина: однако многие, посадив тыкву, собирают бобы. Этого, по неразуменью своему, я не понимаю.

Даос ответил:

— Нет, вы не правы! Пусть содеянное добро или зло невелики, но они различимы прекрасно, а воздаянье — если и запоздает — будет велико и обильно. Когда добродетели, скрытые прежде, становятся явью, жди — и плоды добра созреют; но если счастливые приметы редуют и исчезают, знай: ростки зла взойдут высоко и надолго. Нам ведь случается, чтоб распрямить нечто, сперва изогнуть его в дугу или же приподнять вещь, прежде чем поставить ее на землю. Один добронравен, но беден — не в наказание ли за грехи прежней жизни? Другой жестокосерд, да богат — не в награду ли за благие дела бывшего существования? Но, как ни трудно познать всех и вся, высшая справедливость не отходит от истины ни на волос. И оттого не след судить обо всем однобоко и созерцать небо лишь с одной стороны.

Так говорил даос, изрекая тысячи слов, и в каждом скрывалось назидание.

Наутро, в канун расставанья, Тхиен принес десять слитков чистого золота — прощальный дар гостю.

Даос засмеялся и сказал :

— К чему это все ! Я прошу вас об одном : старайтесь творить добро, чтоб не пришлось мне снова к вам возвращаться. Вы и этим премного обяжете старинного друга.

А потом и впрямь Тхиен на докладе у государя стал противоречить ему, и государь отправил его в изгнание на юг. Когда проплывал он мимо залива Уста моря, вдруг среди бела дня нагрянули черные тучи, с юга налетел шумный вихрь и по морю заходили волны, высокие, как горы. Откуда ни возьмись примчались сотни чудищ и дьяволов. Они бесновались и вопили:

— Ага! Наконец-то наш враг сам к нам пожаловал ! Сегодня уж мы с ним разделаемся!

Кинулись дьяволы на ладью: одни топили корму, другие карабкались на нос. Ладья закачалась, готовая перевернуться.

Тхиен спросил у кормчего, что это за местность. Тот ответил: О-тон. Тотчас припомнил Тхиен слова даоса и без промедления выкрикнул его имя. Мигом появилась облачная колесница и остановилась прямо над ними. По обе стороны от нее выстроились рядами феи и духи.

Даос окликнул дьяволов и сказал:

— Эй вы, отродья, погрязшие в скверне ! Пред-
решенная цепь воплощений ваших тяжка и безысходна. При жизни вы нарушали закон и после смерти опять совершаете злодеянья ! Доколе ?— спрашиваем Мы. Почему не омоете вы от скверны нутро, не очистите сердце ? Отчего не вернетесь на истинную стезю ? Покайтесь, и Мы доложим о вас Вседержителю. Он освободит от вины ваши души !

Дьяволы, вняв его словам, возликовали, пустились в пляс, а потом исчезли — все до единого.

Тхиен захотел узнать будущее и стал приглашать колесницу с духами спуститься пониже, но они вдруг, в мгновение ока, растаяли без следа.

Ветер тем временем унялся, улеглись волны, и ладья благополучно пристала к берегу. Здесь Тхиен распростился с женой и детьми и скрылся неведомо куда.

Некое время спустя люди видели его на горе Восточной твердыни, и поняли: он постиг до конца учение и сделался духом.

* * *

Нравоучение. Увы! И добро, совершаемое людьми, и воздаяние свыше за это добро, и общение неба с людьми — как здесь все мудрено и неясно!

Дык конг, управляя судами, честно разбирал тяжбы и спасал безвинных людей. Оттого и ожидавшее его воздаянье небес было открыто ему заранее во сне.

Но вот перед нами муж, облеченный властью канцлера, повелевающий людьми, — тот, с чьей помощью Сын неба примирил противоборствующие силы, кто радел о всеобщем благе, чьи замыслы были обширны, а свершенья угодны земле и небу, кто познал всех и вся! Ему-то какое следует воздаянье?!

Прочие же дела Тхиена, вероятно, были следами влияния белого камня кхюе — всего лишь следами, но хорошо бы и их стереть и изгладить начисто.

Надеемся, мужи, служащие государю, узнают о Тхиене, и он станет истинным их зеркалом.

Рассказ о тяжбе в Драконьих чертогах

В уезде Винь-лай (Непреходящая польза), что в округе Хонг-тяу — Благой земле, обитало когда-то великое множество водяных тварей. И люди, поставив в их честь вдоль реки более десятка храмов, поклонялись им и приносили жертвы. Иные из тварей со временем стали всесильными духами; когда просили их люди о ясной погоде или молили о дожде — всегда обретали просимое, поэтому на алтарях не угасали курения, а народ боялся и чтил их все сильнее.

При государе Чан Минь Тонге некий муж из семьи Чинь, удостоенный звания Наместника, был послан на службу в Хонг-тяу.

Жена его, Зыонг Тхи — урожденная Зыонг — отправилась как-то проведать родителей, и на возвратном пути ее ладья причалила у одного из

тех храмов. Вдруг предстали перед Зыонг Тхи две неведомые девицы, подали ей раззолоченный ларец и сказали:

— Всеблагой повелитель велел отнести вам в подарок этот ларец, чтобы хоть подобной малостью открыть свои чувства. Рано иль поздно, но знайте — в краю вод и туч увенчаются любовные чаянья и вознесетесь вы на драконе.

Сказали и тотчас исчезли. Зыонг Тхи отомкнула ларец и видит: лежит в нем багряный пояс — знак соединенья сердец, а на нем начертано такое стихотворение :

*Красавица, в чьих волосах на заколке
зеленый зорит самоцвет,
Тоской по тебе переполнено сердце,
ему исцеления нет.
Прими же, избранница, этот подарок —
залог нашей будущей свадьбы
В хрустальных чертогах, где вскоре увидишь
светильников праздничный свет,*

В страхе покинула она ладью и со служанкою отправилась дальше пешком. Возвратившись домой, Зыонг Тхи обо всем поведала мужу, и Чинь, растревоженный, в свой черед, сказал:

— Водяные твари отныне станут тебя подстерегать и преследовать. Надо их всячески избегать. Не приближайся к пристаням, страшись подходить к берегу. А дождливыми, безлунными ночами придется до света нам жечь светильники и выставлять стражу.

Так они береглись почти полгода, но за все это время ничего не случилось. И вот настало полнолуние Середины осени. Видит Чинь: ночью на небе ни облачка, все стороны окоема чисты и прозрачны, сияет Млечный Путь, и луна со звездами светят ярко, как днем.

Обрадовался он и говорит:

— В такую ночь, когда луна светла, а ветер прохладен и тих, можно ни о чем не тревожиться.

Стали они угощать друг друга вином, опьянели и впали в беспамятство.

Вдруг неожиданно-негаданно грянул гром, сверкнула молния. Вскочил Чинь, и что же: ворота, двери и окна — все на запоре, а жены пропал и след.

Поспешил он к храму: речная гладь не шелочнется под холодной луной, лишь на берегу видны одежды возлюбленной жены. Стал тут Наместник из рода Чинь скорбеть об утраченной жемчужине и загубленном цветке — горя его не передать словами. Застыл под открытым небом,

не в силах перевести дух, не зная, как быть дальше.

Отчаявшись, бросил он службу и соорудил пустую гробницу у подножья Опорной горы. А сам укрывался рядом, в тесном жилище на возвышении. Глядело оно прямо на реку, где у самого берега темнели водовороты и омуты.

Чинь обычно поднимался к себе и, стоя у входа, любовался красивым видом. Всякий раз замечал он дряхлого старика с красным кошельком; по утрам старик уходил куда-то, а к вечеру возвращался.

«Странное дело! — думал Чинь. — На берегу, подле здешних омутов, — ни двора, ни деревушки. Откуда же появляется и куда уходит этот старик?»

Однажды обшарил он все окрест и убедился: повсюду нетронутые пески и никакого жилья, лишь редкий тростник да камыш колышутся над водой. Изумленный, Чинь решил обойти все ближние дороги и тропы и наконец отыскал старика. Тот сидел посреди Южного торжища и предсказывал будущее. Разглядев лицо старика, худое, но просветленное мыслью, Чинь догадался: если пред ним не книгознавец, ушедший от мира, и не мудрец, взысканный добродетелями, то уж конечно, бессмертный, сошедший в земной мир.

Подружился он со стариком и, что ни день, приглашал к себе. Они угощались вином, ублажали себя чаем, в веселии проводя время. Старик вроде бы полюбилось радушие Чиня, но на расспросы об имени и родне не отвечал он ни слова, а лишь усмехался, распаляя сомнения Чиня и его любопытство.

Как-то поднялся Чинь ни свет ни заря и спрятался в тростниках — высмотреть тайно, в чем здесь дело. Мокрый от росы берег заволокло туманом. И тут увидел он старика, медленно поднимавшегося из глубины вод. Подбежал к нему Чинь и пал на колени.

— Ну вот, — усмехнулся старик, — выходит, решили вы отыскать мои следы? Раз уж вам многое ведомо, открою все до конца. — Сиятельный господин, Белый дракон. Благо на нынешний тод пала великая сушь, я свободен и праздно провожу время. Но если бы Самодержец нефрита повелел нам творить дожди, разве сумел бы я предсказывать людям будущее?

— В старину, — сказал Чинь, — Лю И опускался в озеро Дунтин, и Шань Вэнь пировал в Драконьих чертогах. А ныне возможно ли мне, земному жителю, пройти по стопам древних?

— Что может быть проще! — ответил Сиятельный господин.

Концом своего посоха он провел по воде черту, река расступилась, и Чинь следом за Знатным драконом сошел в пучину. Не прошли они и половины зама, как увидел Чинь: земля и небо залиты светом, а впереди высятся чертоги, все — и жилые покои, и угощение на столах — такое, какого не водится у людей.

Сиятельный господин принял гостя с великим радушием.

— Вот уж не думал, — сказал Чинь, — что убогому бедняку доведется побыть в таких хоромах. Прежде постигло меня небывалое горе, а сегодня случилась небывалая встреча! Не значит ли это, что зло будет наказано?

Знатный дракон стал его спрашивать. Поведал Чинь о несчастье, случившемся с Зыонг Тхи, и высказал надежду, что Сиятельный господин величием своим и властью покарает бесчестную тварь. Ведь парусу, чтоб устремиться вдаль, нужен добрый ветер; и лис, желая возвыситься, ищет поддержки могучего тигра. Ах, если бы столь же полезной и благотворной оказалась и эта встреча! Так говорил Чинь.

— Хоть злоумышленники и не празы, но ведь Государь драконов облек их доверьем и властью, — сказал Знатный дракон. — Тем более каждый из нас — господин лишь в своих владениях, а над чужими не властен. Кто же дерзнет совершить

проступок, которому нет прощенья? Кто поднимет закованных в панцири воинов и перейдет речные пределы?

— А могу ли я при дворе Государя драконов подать жалобу и требовать правосудия?

— Дело ваше пока еще темное. Вы намерены — безо всяких улик — обвинить могущественного врага. Боюсь, долг вашей мести не будет заплачен. Не лучше ли сперва найти верного человека: пусть все узнает, отыщет улики, а там расправиться с лиходеем — проще простого. Жаль, некому из моих приближенных доверить такое дело. Но будем искать и приглядываться.

Тут подошла к ним девица в синем платье и говорит:

— Я прошу, поручите мне это дело.

Чинь отнесся к ней уважительно, поведал о всех своих бедах и дал ей — как знак доверия — шпильку с зелено-голубым смарагдом.

Девица направилась тотчас в Хонг-тяу, к храму, где почитаем был Дух Водяной змей. А там спросила людей и узнала, что и впрямь урожденная Зыонг (ей даровано званье «Супруга из земли Красоты») живет в лазуритовых чертогах посреди озера лотосов; ложе ее властелину дворца любезнее всех прочих, и она год назад родила сына.

Девушка возликовала. Но в огромный дворец ей было не пройти и она безо всякой пользы слонялась у ворот. А случилось все это в самый разгар весны, и цветы тыонг ви распускались повсюду, розовея на стенах, точно яркие блики зари. В притворном неведении девушка начала обрывать их, ломая ветки. Страж у ворот пришел в ярость. Но тут она сунула ему смарагдовую шпильку, как бы в возмещение ущерба, и сказала:

— Могла ли я подумать, что высокородный оберегает ползучие эти цветы? Вот и осмелилась их оборвать. Вина моя велика. Но слабому телу не вынести бичей. Прошу вас, возьмите мою шпильку и отнесите хозяйке Лазуритового дворца. Может, простят мне мою вину и не назначат побоев. Я буду очень вам благодарна.

Страж послушал ее, взял шпильку и отнес Зыонг Тхи. Долго разглядывала она вещицу и наконец, притворясь разгневанной, закричала:

— Экая невежа!.. Испортила мне всю розовую беседку!

И приказала связать девушку и доставить в сад. Улучив мгновение, когда вокруг не было ни души, Зыонг Тхи потихоньку приблизилась к ней со шпилькой в руке и сквозь слезы спросила:

— Откуда она у тебя? Вещь эта некогда принадлежала моему мужу, господину Чиню.

Девушка в синем платье открыла ей все как есть;

— Господин Чинь самолично и дал мне эту вещь. Сейчас он гостит у Сиятельного господина Белого дракона. Тоскуя по вас, утратил он вкус к еде и лишился сна: Он послал меня к вам, напомнить о верности нерасторжимым узам, когда-то соединившим вас.

Не успела она договорить, как вошла служанка и объявила: Дух Водяной змей требует супругу к себе. Зыонг Тхи поспешно удалась. Поутру она снова явилась, поговорила ласково с девушкой и, вручив ей письмо, сказала:

— Передайте, прошу, господину Чиню, когда вернется, что бедная супруга его в дальнем краю вод все время думает и горюет о нем. Пусть порадеет он и постарается, чтобы, как говорится, феникс мог снова взлететь в облака и конь воротился назад, к пограничной заставе. Пускай не обрекает меня томиться до старости в водяном дворце, среди туч.

Вот что говорилось в письме:

«Многие горы сулят и моря обещают, но, увы, ожиданиям нашим не суждено сбыться. Бьет нас ветер, секут дожди, переполняя жизнь бедствиями и горем. За десять тысяч загов, через горы и реки шлю немногие, идущие от сердца слова. Ах, как изменчива и ненадежна моя судьба, так истомлена и обессилена плоть! Двое любящих, соединенные небом, мечтали и после смерти быть

вместе, в одной могиле. Не думали мы, что в одну-единую ночь все рухнет и я буду ввергнута в бездну. Увы, как утаить сверкающую жемчужину? Где скрыть искрящиеся камни? Вот и должна я терпеть ненавистные ласки! Одежды мои осквернены, жизнь во мне еле теплится. Тоска моя беспредельна, как море; дни бесконечны, как годы.

О, сколько счастья — в беспросветном моем одиночестве — подарили вы мне своей вестью! Сколько я пролила слез при виде смарагдовой шпильки! Гляжу я на вестницу вашу, и сердце терзает боль. Пусть оступилась я, сделав неверный шаг, но ведь грешат—без вины — и полевые травы с цветами; а клятвам, что мы принесли друг другу навек, свидетели были высокое небо с огромной землей! Яшма по-прежнему нетронута, без изъяна, — бросайте от сердца золото на чашу весов и спешите ее выкупить »..

Девушка вернулась назад и обо всем рассказала.

— Теперь, — сказал Чиню Знатный дракон, — стоит затеять дело.

Тотчас оба они устремились к Южному морю, где и остановились у городских стен. Сиятельный господин вошел в город, оставив Чиню ждать за крепостными воротами. Вскоре увидел он человека, и тот отвел его во дворец.

Там восседал государь в багрянице, препоясанный жемчужным поясом. Цо обе руки от него теснились чины и царедворцы, и не было им числа. Опустился Чинь перед ним на колени и скорбным голосом изложил свою жалобу. Государь обернулся, подозвал одного из вельмож левой руки и приказал немедля доставить виновного. Тотчас же двое стражей отправились в путь.

Прошла половина дня, и они вернулись, ведя впереди себя дородного мужа, — черный его лик венчала алая шапка, а борода с усами торчала, как корешки бамбука из комеля. Достигнув середины двора, он преклонил колени.

Государь гневно возвысил голос:

— Слыхано ли, чтоб благородные званья венчали коварство и ложь? Нет! Высокие звания — награда за подвиги и добродетель! И закон существует не смеха ради, а на страх лжецам и лихоимцам! За былые заслуги отдали Мы под твою руку обширные владения, поручив тебе пещься о людях и быть им защитой. Но ты позабыл честь и предался алчности и любострастию! Что дал ты подданным, кроме нужды и горя?

Муж, доставленный во дворец, ответил:

— Человек, что меня обвинил, живет на земле, а ваш недостойный слуга — под водою. Каждому свое! Что же меж нами общего? Он возвел на

меня напраслину, очернил, оклеветал безвинно! Если Величество поверит его наветам, восторжествует несправедливость, царский двор будет запятнан ложью, а я пострадаю напрасно. Но поможет ли это упрочить спокойствие среди верхов и в низах ?

Тяжущиеся спорили и препирались без конца. Ответчик стоял на своем: он, мол, невиновен. И государь колебался, не зная, какое принять решение.

— Остается одно, — шепнул на ухо Чиню Сиятельный господин, — назвать имя и возраст Зыонг Тхи, чтоб ее вызвали для дознания.

Чинь так и сделал. Государь тотчас велел привести Зыонг Тхи.

День клонился уже к закату, когда воротились опять двое стражей и привели с Восточного моря красавицу в изысканном платье.

Государь спросил ее:

— Где твой муж ?

Зыонг Тхи отвечала :

— Вон тот человек в синей одежде и есть мой муж. А человек в красном — мой лиходей. Увы, на беду мою, эта тварь похитила меня силой и держит в плену вот уже три года ! Если милосердие, подобное солнцу, не озарит меня, дух мой

иссохнет и плоть увянет от мерзкого любострастия. Ужели обречена я терпеть его до конца дней, не смея и глянуть людям в лицо ? !

— О ! — воскликнул в ярости государь. — Мы и помыслить не могли, чтоб злодей был настолько коварен. Высокие речи, праведные слова и грязное, похотливое нутро! Да за такие дела не жаль и предать его смерти!

Тут выступил вперед человек в голубом придворном платье, — был он Главным письмоводом Судебной палаты, — и сказал :

— Я, недостойный, слышал: награды, что жалуют под наплывом чувств, незаслуженны, и кары, наложенные во гневе, чрезмерны. Как говорится, остра клыки и когти, не расколи кувшина и не порушь изгороди. Пусть осужденный виновен, но ведь были у него и заслуги. За преступление положено наказание. Но, будь он и десять тысяч раз достоин казни, не лучше ль оставить ему жизнь, чтоб милосердием Величества он смог искупить прегрешенья. Нет, не казните его, а бросьте в темницу.

Государь похвалил справедливое слово и тотчас же вынес такой приговор:

— Слушайте и внимайте: люди в этой жизни, как путники на дороге — один прошел, следом идет другой. Небеса не уклонятся от истины ни на

голос : содеавший благо—обретает счастье ; злодей — не находит успокоения. Закон издревле неизменен и ясен. Некогда, награждая былые заслуги, поставили Мы виновного правителем пограничного края. Ему бы творить чудеса добра! Он же выказал не благородство, обычное для драконов, а подлость и любострастие — свойства змеи. Безумства его и прихоти множились день ото дня. Закон — справедливомудрый — требует наказания. Горе ему, захватившему силой чужую жену себе на потребу ! Да будет тяжким возмездие — на страх всем злодеям и лихоимцам ! Женщина же, урожденная Зыонг, хоть и нарушила верность, но, став жертвой насилия, заслуживает сострадания. Пусть же она возвратится к своему первому мужу, а дитя, рожденное ею, оставит второму. Приговор Наш повелеваем исполнить без изъятий и промедленья!

Выслушав решение, Дух Водяной змей понурился и ушел прочь. Царедворцы, стоявшие по левую и правую руку от государя, взглядом подали знак удалиться и Чиню.

Сиятельный господин, вернувшись домой, тотчас устроил достойный пир и подарил гостям дорогие подарки из носорожьего рога и панциря черепахи. Супруги Чинь, благодарные безмерно, низко поклонились ему и возвратились на землю.

Дома рассказали они обо всем родичам и домочадцам, а те радовались и дивились чудным делам.

Спустя какое-то время оказались у Чиня дела в Хонг-тяу. Проехал он мимо- старого храма и видит: стены его какие совсем покосились, а какие и рухнули, каменные плиты с письменами треснули и поросли мхом ; одно лишь дерево гао возносит в лучах заката белые цветы. Расспросил он древних стариков и старух и услышал:

— Год назад среди бела дня из ясного неба вдруг хлынул дождь, по реке заходили волны, и объявился огромный змей в десять чыонгов длиною, с синими плавниками и красным гребнем. Змей устремился на север, а следом за ним вереницей плыли сто или больше змеенышей. С той поры в храме чудеса совсем прекратились.

Сосчитал Чинь время по пальцам и понял: случилось все это в тот день, когда разбиралась его тяжба.

* * *

Нравоучение. Увы ! Чтобы выстоять против насилья — поклоняются духам и приносят им жертвы ; желая избежать беды — поклоняются и приносят жертвы. Так уж ведется : чуть что — кланяться и подносить дары. Но, откликаясь на мольбы и просьбы, не должно ли различать их

смысл ? А не то, ублаготворив одного молящегося, можно навредить многим.

Дух Водяной змей за свои злодеянья отделался ссылкой. Великодушье государя здесь было поистине неуместным. А обойдись он с преступником, как некогда Сюй Сунь или Шу Фэй—все бы остались довольны. Вот почему Ди Жэнь-цзе, когда был наместником в Хэнани, просил у государя разрешения снести тысячу и семь сотен храмов и алтарей, недостойных поклонения.

Вот уж, поистине, благое дело.

Рассказ о злых делах девицы Дао

Легкомысленная девица из уезда Ты-шон (Благосклонные горы) по имени Дао Тхи — урожденная Дао, по прозванию Хан Тхан—Хладный берег, была искусна в сочинении стихов и словесной игре. В пятый год Унаследованного изобилия при государях из дома Чан попала она в число дворцовых прислужниц и с той поры — что ни день — представляла перед государем на игрищах и пирах.

Однажды государь поплыл в ладье на прогулку по реке Круглой серьги и достиг Первой восточной сходни. Здесь он в рассеянности прочитал две строчки стихов :

*Плотен туман, глух колокольный звон,
Гладок песок, шеренги деревьев длинны.*

Никому из вельмож и царедворцев не под силу было продолжить государевы стихи, одна лишь Дао, не задумываясь, подхватила рифму:

Берег хладен, рыба клюет луну.

Гусь на рассвете криком тревожит руины.

Государь довольно долго хвалил ее, и с той поры Дао — по первым словам стиха — стали звать « Хладный берег ».

Но когда король Зу Ток умер, она, очутясь за дворцовыми воротами, взяла себе обыкновение заходить в дом Блюстителя посольских и дворцовых дел Нгуен Ньюк Тяна. Жена Тяна, бездетная и очень ревнивая, вообразила, будто Хан Тхан спуталась с ее мужем, схватила ее и избивала до полусмерти.

Разъяренная, Хан Тхан продала свои заколки и украшения из дорогих камней и золота и наняла лихих людей, чтобы забрались в дом вельможи и отомстили бы за нее.

Но люди ее тотчас были схвачены слугами Тяна и на дознании показали на Хан Тхан. Пришлось ей — с испугу — обрить голову и в шафранной монашеской рясе бежать прочь из города и укрыться в пагоде Стопа Будды. Здесь предалась она изучению молитв и канона и уже через месяц-другой весьма преуспела.

Построила она себе келью с алтарем, созвала сочинителей и попросила сложить надпись для доски, прикрепляемой обычно у входа. Явился на это собрание и некий школяр лет четырнадцати—пятнадцати из соседней деревни. Пренебрегая его малолетством, она сказала язвительно:

— Выходит, отрок этот—знатный стихотворец : Хорошо бы взглянуть на его искусство,

Школяр, вроде и не рассердясь, удалился, вынул всю подноготную Хан Тхан и сложил такие стихи:

*Слушайте, люди: милостив Будда, недаром
зывается он Постижимым и Отрешенным.*

*Истинный праведник, чистый душою,
может неправду истиной сделать.*

*Тот, кто идет по пути совершенства, отыщет
благу обитель*

*В лесах, на вершинах, у горных потоков
и почитаемым станет.*

*Я почитаю пагоду эту, Дао ее возвела на священ-
ной вершине,*

*Пленница звонких пьянящих созвучий
В пагоде этой ищет укрытья.*

*Губы ее — лепестки абрикоса, стан ее — ива, язык
сладкозвучный*

*слагает напевы Лян, знаменитого песнями края.
Солнце сияет, рассеялись тучи.*

*Очи воздевает, красавица просит
доступа на Тридцать третье небо.*

Кажется: вот она бросится в реку, как некогда
царские вдовы
Волосы в горе она распустила, густые, как
черные тучи.
Мир этот видит она в сновиденье, но в царстве
духов лишь половина того сновиденья,
В шелесте ветра слышатся Дао сладкие звуки,
струн перезвоны, трели свирели.
Дао алтарь, посещает не часто, чаще поет и
играет,
А ведь покровы отшельницы легче, чем одеянье
для танца.
Влаги священной черпнув из ущелия Цао
сразу же к зеркалу тянется дева,
Хоть не затихло напевное слово молитвы
и отзывается долго в стропилах.
Может быть, Дао свыкается с жизнью
благочестивой,
Но не оставила прежних привычек, давних
замашек.
Горестно ей, что никто не внимает ее искусному
пенью,
Только постриглась она и немедля плюнула на
поученья.
Что ей монашеское одеянье! Тянется Дао,
как прежде тянулась, к парчовой накидке
певицы

Все благочестье — обман и притворство.
Так был на празднике Лотоса некогда Тао
бессмертный обманут.
Колокол смолк. Вечереет. И чай уже выпит.
Пойду восвояси.
В гору уйду, отыщу там пещеру глухую,
заягу и высплюсь на славу.
Завершив свое сочиненье, он переписал его
покрупнее и прилепил у входа в пагоду. Окрест-
ный люд—ближний и дальний—спешил наперебой
выучить стихи.
Хан Тхан, увидав это, покинула пагоду и
скрылась. Прослышав, будто пагода Поучений
истинного пути. И в округе Хай-зыонг (Светлое море)
стоит в превосходном месте между красивыми
горами и чудными водами, а оберегают храм пре-
подобный старец Фап Ван— Вездесущее облако
истины, и нестарый летами монах, Во Ки— Отре-
шенный своекорыстия, Хан Тхан явилась туда и
попросила пристанища.
Фап Ван, не соглашаясь на это, сказал Во Ки:
— Девушка сия несдержана нравом и легко разго-
рается любострастием; годы ее самые что ни на
есть пылкие, а красота великолепна. Надобно нам
поостеречься, — ведь сердце людское не камень,
красота чарует нас и туманит разум. Пусть розо-
вый лотос и не пятнит черная грязь, но ведь

бывает — и малое облако затмевает луну. Отыщи подобающие слова и откажи ей, чтоб не раскаяться после.

Но Во Ки не внял ему и позволил Хан Тхан остаться. А Фап Ван, разгневанный, перебрался на гору Феникс.

Хан Тхан же, хоть и поселилась в святом и тихом месте, старых привычек своих не оставила. И всякий раз, поднимаясь на гору, в храм, надевала шелковое платье и глаженные шаровары, красила губы и пудрила щеки. Предел любострастия рядом с нами, и добродетель легко уязвима. Они полюбили Друг друга и в опьянении страстью были точно весенние мотыльки или дождь после долгой засухи. Отныне им было не до молитвенных бдений.

День за днем слагали они стихи, она — строку, он — другую, воспевая всяческие красоты гор. Стихов этих много, всех и не перепишешь, позвольте предложить лишь некоторые.

Тучи в горах

*По сумрачным глубинам небосвода
Тяжелые проходят облака.
Дождливым утром, на заре вечерней
Со всех сторон плывут издалека.
Ленивый служба при ленивом бонзе,*

*Способны оба спать и спать века.
Врата Прозренья, Самосозерцастья
Закроет чья прилежная рука ?*

Дождь в горах

*Темные выси дол окропили водой,
С шумом протяжным дождь ниспадает густой,
С горных вершин осыпаются чистые перлы,
Падает с неба на землю звезда за звездой.
Сыростью зябкой воздух прохладный
пропитан,
Влаги дыханье в дом проникает пустой.
В комнате нет ни души, только тьма и
безмолвье,
Ночь на исходе, мрак поредел за стеной.*

Ветер в горах

*До утра всю ночь ярился ветер,
Слышался зловеющий свист и стон,
А теперь цветов сверкают краски,
Зеленеют листья шумных крон.
Льется колокола звон протяжный,
В чистый уплывает небосклон,
О каком противоречье мира
Говорит тревожный этот звон ?*

Луна в горах

*Из-за чащ восходит к небу свет,
Разливаясь, озаряя дали.
На горе поставлен ясный диск,
Пламя в этом светится зеркале.
Ласкою озарены сердца,
И глаза от счастья замерцали.
С Южной галереи глядя в ночь
Что вздыхать о тяготах в печали ?*

Пагода в горах

*Шорохи в косых тенях таятся,
Затевают с бликами игру.
Пряно пахнет старый ствол коричный,
Сосны запевают на ветру.
Слышится разноголосый щебет,
Эхо откликается в бору.
Вспомнит ли когда-нибудь о ближнем
Тот, кто в суетном гостит миру ?*

Послушник в горах

*Ты родился в горах, в этой чаще лесной выросал.
Лет немало промчалось, и зим пролетело немало.
Ты привык с облаками шутить, зори песней
встречать,*

*Ты луну в небесах окликал вечерами, бывало.
Ты со стаями птичьими все эти годы дружил,
Был собратом косули и другом лесного марала,
И порою завесу дымящихся туч перед тобой
Раздвигали родители на крутизне перевала.*

Гиббон в горах

*Карабкаешься по крутому склону,
В листве мелькаешь, прячешься за пнем
Печальным криком оглашаешь чащи
Так жалобно, что часто слезы льем.
Ведешь друзей, как верный провожатый,
Захочешь пить — склонишься над ручьем.
Уходишь, ты уже за облаками,
Недостижим в убежище своем.*

Птица в горах

*И дни и недели проводишь ты за облаками,
Над кручей паришь ты и плавно садишься на сук,
В тенях предвечерних мелькаешь ты легкою тенью,
Когда ты поешь, откликаются горы вокруг.
Летишь на бугор, держишь сладкую ягоду в
клюве,*

*Банановый плод или тоненький сочный бамбук.
Ты прыгаешь с ветки на ветку в листве
шелестящей,
Кружишься порхаешь среди беззаботных подруг.*

Цветы в горах

*Алые, вы расцвели весной
И на каждой ветке запылали,
Юг, и север, запад и восток
В расписном парчовом покрывале.
Доли полонил ваш аромат,
Он пьянит в лесу, на перевале,
С сотворенья мира сколько раз
Распускались вы и опадали.*

Листья в горах

*Крохотным, нет вам числа, вы — зеленый разлив,
Весь вы простор затопили от края до края.
Осень приходит — и, желтые, сохнете вы,
Снова весна — вы бушуете, зелень густая.
Вы одеваете ветви на этих ветвях
Звонко щебечет пернатых веселая стая.
Клонится солнце к закату, колышетесь вы,
Продолговатые тени на землю бросая.*

*

Они любили, друг друга без памяти и ни о чем,
кроме радостей и утех, не могли и помыслить.

В год, на котором в месяцеслове сошлись знаки Земли и Буйвола, Хан Тхан понесла и оттого занемогла. Болезнь то отпускала ее, то возвращалась снова. Она прохворала всю весну и лето. Само собою, ей нужен был лекарь. Но Во Ки не знал целебных снадобий и не умел врачевать болезни. Вот и случилось Хан Тхан в муках умереть родами.

Во Ки горевал безмерно. Он поместил до погребенья останки ее в конце западной галереи и с утра до ночи стучал в крышку гроба, плача и сетуя:

- О возлюбленная, из-за меня умерла ты не-праведной смертью. Отчего не дано было нам умереть вместе? Как я хотел бы разделить твоё одиночество у Девяти источников. При жизни умом и познаниями затмевала ты прочих людей, и, если обрела ты чудотворную силу, прошу: уведи меня поскорее под землю. Невмоготу мне видеться снова с праведным старцем Фап Ваном.

Спустя месяц-другой Во Ки захворал от скорби и горя. С полгода маялся он, не вкушал ни похлебки, ни раса. Однажды ночью явилась ему Хан Тхан и сказала:

— Была я изменчива и непостоянна. Искала опоры у врат Будды, но не отлепилась сердцем от суеты и праха. Надо мной тяготело суровое предопределение, и нас разделила судьба. В этой

жизни нам не было счастья в любви, лишь смерть свяжет нас воедино. Жду, что постигнешь ты поученье шести подобий и оставишь пределы четырех материков. Надеюсь, покинув на время царствие Будды, воротись ты к Девяти источникам, чтобы и я сумела поднять свой лик к всемогущему Будде и, в смерти обрета превращенье, снова родиться и искупить былые грехи.

Умолкла и скрылась.

С той поры недуг его день ото дня становился все тяжелей и опасней. И когда преподобный Фап Ван, прознав обо всем, спустился к нему с горы, хворь была уже неисцелима. Они лишь глядели один на другого, заливаясь слезами. Вскоре Во Ки скончался.

В ту ночь бушевал ветер с дождем, сорвал он в столице немало крыш и порушил многие стены. А жена Блюстителя посольских и дворцовых дел Нгуен Ньок Тяна увидела во сне, будто в левый бок ее у самой подмышки вгрызлись два змея. С той ночи понесла она и во благовремение родила двоих сыновей; первенца нарекли Лаунг Тхук — Дракон-отрок, а другого Лаунг Куй — Дракон-дитя. Оба, едва отлучили их от груди, умели уже говорить, а к восьми годам преуспели в словесности. Отец с матерью не чаяли в них души.

Однажды стояло жаркое лето. Ньок Тян наслаждался прохладною тенью на высокой галерее,

дверь которой глядела вниз, на дорогу. Вдруг на дороге показался нищий монах. Подле дома Блюстителя он замешкался, устремил на него взор, как бы не в силах двинуться дальше, и сказал с сокрушением:

— Экая жалость, такие хоромы обречены стать логовом водяных змеев! Беда !..

Ньок Тян от страха изменился в лице и опрометью кинулся вслед за монахом. Сперва тот стал запирается: мол, болтал безо всякой причины и подозрения Тяна напрасны. Но Ньок Тян не отступился, улещал его и упрашивал, и монах открыл ему наконец, что дом его заполонила нечисть. Если это не кара, predetermined в прошлом, то, наверное, наказание за грехи нынешней жизни. И спустя пять месяцев в его доме не останется ни одной живой души.

Ньок Тян возопил, моля уберечь его от напасти, и тогда монах сказал :

— У меня глаз наметанный и верный. Покажите мне всех ваших родных и домочадцев. А я, ежели опознаю кого, дам вам знать — постучу по этому горшку. Но помните : стоит вам выдать себя хоть единым словом, и беда разразится в тот же миг.

Ньок Тян вызвал всех поклониться монаху. Монах оглядел их и покачал головой.

— Нет, — сказал он, — все они ни при чем.

И снова спросил, не остался ли кто-нибудь в доме. Ньюок Тянь самолично вошел в дом и кликнул своих сыновей, сидевших в книжном покое. Едва оба отрока вышли, монах постучал по горшку и стал их нахваливать:

— Ах, что за сыновья, истинное сокровище! Уж кому суждены великие свершенья и громкая слава, так это — им обоим.

— Из какой же пагоды принесло вас с вашими похвалами? — в сердцах отвечали отроки.

И, взмахнув полами одежды, они удалились в дом.

Ньюок Тяну все это пришлось не по душе. А монах простился с ним и ушел.

Ночью Лаунг Куй заплакал и сказал Лаунг Тхуку:

— Чую я, этот сладкоречивый монах явился сюда неспроста. Как бы он чего не пронюхал, — ведь нам тогда несдобровать.

Но Лаунг Тхук отвечал, смеясь:

— Одолеть нас мог бы только старец Фап Ван. У прочих одним мановеньем руки исторгнем мы заговорные амулеты. Да и Ньюок Тянь, видя в нас свою плоть и кость, ничего не заподозрит. Уймись, нам не о чем вовсе тревожиться.

А Ньюок Тянь, утратив покой и сон, встал и бродил бездумно. И сквозь незатворенное до конца

окно слышал невольно их разговор. В отчаянье не знал он, как ему быть, что делать.

На другой день, сказавшись занятым, он удалился из дома и стал обходить одну за другой знаменитые пагоды, спрашивая повсюду о преподобном старце, принявшем имя Фап Ван — Вездесущее облако истины.

Спустя месяц или более добрался он и до горной пагоды Поучений истинного пути. Там некий отрок-послушник сказал ему, будто еще во младенчестве слышал такое имя, но старец тот давно удалился на далекую гору. И, указав на гору Феникс, добавил:

— Он во-он на той вершине.

Ньюок Тянь подобрал тотчас полы одежды и начал взбираться на гору. Пройдя четыре или пять загов, достиг он места, где обитал старец. Фап Ван почивал на лежанке, и храп его был подобен грому. По правую и левую руку от него стояли двое служек. Завидя восходившего согнутым в три погибели Ньюок Тяня, отроки стали гнать его с бранью и криком своим разбудили преподобного.

Ньюок Тянь пал перед ним ниц и поведал о пришедшем его сюда несчастье.

Преподобный усмехнулся и молвил:

— Как же вы, господин мой, так обознались? Ведь я — дряхлый старец, не служу в важных храмах, и ноги моей давно уже не было в городах.

Мне дано лишь теперь обрести в келье из трав и листьев да, пройдя по голой земле, возжечь куренья и прочесть раз-другой молитвы по книге «Лэн-янь». Где уж мне до заклинаний и чародейств?

— А высокосовершенный Будда не избегал страдания и из него построил свой плот, жалеючи тех, кто носился в волнах бескрайнего моря бедствий, и спасая иных, утопавших вконец одурманенными в потоке грехов и соблазнов. Не он ли желает, чтоб все и каждый достигли Просветления, осененные добром? И если вы, учитель, откажетесь мне помочь, как сможете вы и впредь утверждать истинное учение?

Тут старец возрадовался и дал свое согласие. Тотчас воздвиг он на горе алтарь, Повесил на всех четырех его сторонах светильники и, взяв в руки кисть, начертил красной краской волшебные письмена. Не прошло и одной стражи, как густые черные тучи заволокли алтарь на десять чьонгов вокруг. Налетел холодный вихрь, и люди затрепетали от страха и стужи. Преподобный поднял в руке посох, указуя им и отдавая приказы. Временами выходил он из алтаря с видом яростным и гневным.

Ньюок Тянь укрылся в хижине, стоявшей на отшибе, стараясь тайком взглянуть хоть что-нибудь.

Но ничего не было видно. Потом в небе послышались стоны и плач, но вскоре умолкли, и тучи растаяли.

Наутро преподобный взял камень, окрасил его желтой охрой и, начертав на нем письмена, вручил Ньюок Тянь с такими словами:

— Ежели, воротясь восвояси, увидите нечисть в каком ни на есть обличье, бросьте немедленно в нее этот камень, и последние беды исчезнут.

Возвратился домой Ньюок Тянь и видит: все сидят с удрученными лицами и плачут. Жена рассказала, что прошлой ночью, в час третьей стражи, их сыновья взялись за руки, бросились в колодец и утонули, а вода из колодца поднялась и едва не затопила крыльцо. Мертвые же тела детей поставлены до погребенья в южном саду; дожидались, лишь Ньюок Тянь, чтобы предать их земле.

— А перед смертью они ничего не говорили? — спросил Ньюок Тянь.

— Нет. Сокрушались только, что прожили мало. Еще бы месяц-другой, довели бы дела до конца. Да вроде какой-то неистовый старец вдруг все загубил.

При этих словах она снова заплакала навзрыд.

Ньюок Тянь утешил ее, и они отправились вместе в южный сад. Отворил он крышки гробов и видит: мертвые сыновья превратились в желтых

змеев. Взял Ньюк Тян заветный камень, бросил, и оба змея рассыпались в прах.

Тотчас собрали супруги много золота и шелка и понесли с благодарностью преподобному Фап Вану. Но добрались они до места, а вокруг никаких следов, стоит только келья из трав и листьев, вся поросшая мхом, и нигде ни души. Огорчились супруги и отправились восвояси.

* * *

Нравоучение. Увы! Ложные верованья могут лишь причинить вред. Ну а ежели к ним вдобавок преступать приличия и законы, тут уж и говорить нечего!

Недостойный этот Во Ки, будучи прелюбодеем, дал волю своему похотливому нраву; лгал он не только людям, но и Будде, коему поклонялся. А потому, будь он осужден на смерть, как некогда Ша Мыня и его людей осудил государь Вэй, то никто бы не усмотрел в этом ни малейшей несправедливости.

Ну, а сам Ньюк Тян, ужели он без вины? Отвечу: ежели он, вельможа, таков,—кого же тогда называть безупречным правителем?! Ростки наказания уже взошли и могли обернуться бедой.

Содеявший да претерпит, — в этом нет ничего удивительного.

Рассказ
о свадьбе Ты Тхык и феи

В годы Всеблагое сияния при государях из дома Чан муж родом из края Хоа-тяу (Распаханная новь) по имени Ты Тхык за заслуги и добродетели предков был поставлен правителем уезда Тиен-зу, что значит Чудотворные хождения.

Рядом с уездом стояла знаменитая пагода, где рос пионовый куст. Едва наступала пора цветенья, отовсюду сходилась народ полюбоваться цветами, и оборачивалось это смотренье многолюдным веселым праздником.

Во второй месяц года, на котором в месяцеслове сошлись знаки Огня и Мыши, увидели все девицу лет шестнадцати, слегка припудренную и подкрашенную, красоты необычайной. Явилась она со всеми поглядеть на цветы, наклонила поближе цветущую ветку, но та оказалась слишком хрупкой и

переломилась. Люди, присматривавшие за цветами, схватили девицу и посадили ее под замок ; ждут, скоро уже вечер, а никто за ней не приходит.

Ты Тхык увидел ее, сжалился, снял с плеча: крытый белою камкой кафтан из овчины и отдал монахам в возмещение нанесенного ею ущерба. Весь народ восхвалял правителя уезда за его доброту и щедрость.

Но Ты Тхык больше всего любил хмельное вино, музыку, стихи и красоту природы, а о делах и не думал, счетные книги и записи — все побросал в кучу.

Начальники, поставленные над ним, то и дело корили его :

— Не ваш ли славный родитель возвысился до вельможи, а вы не превзойдете никак и должность правителя уезда !

Ты посетовал им в ответ :

— Возможно ли за жалкое жалованье в пять дау риса радеть о пользе и славе ! Лучше уж оттолкнусь веслом и поплыву восвоюси, — ничего мне не надо, кроме синей воды и зеленых гор.

Тотчас вернул он наместнику свою должностную печать, оставил службу и воротился домой.

Возлюбив красоту пещер и ущелий в уезде Тонгшон (Вершина прощанья), он поставил там дом и стал жить.

Обычно, выходя на прогулку, брал он с собой отрока-слугу, чтоб нес за ним следом кувшин с вином и дан, а сам прихватывал книгу-другую стихов Тао Юань-мина; когда же иное место в стихах приходилось ему по вкусу, он на радостях подливал себе вина.

Повсюду, где хороши воды и диковинны горы: у вершины Мешалки, в ущелье Зеленых туч, на реке Прибавленья и в Песчаном заливе — писал он стихи, воспевавшие их красоту.

Однажды поутру Ты Тхык увидел в заливе Священного знака за десятки замов от берега купу пятицветных туч, похожих издалека на раскрывшийся над водой лотос. Тотчас велел он грести в ту сторону и разглядел прекрасную гору,

Изумленный, Ты сказал лодочнику:

— По всем рекам и водам носили меня волны, красоты востока и юга видел я все без изъятья. Откуда взялась пред моими очами эта гора? Прежде ее здесь не было. Наверное, опустилась сюда небесная вершина, и нам явились следы духов ?

Немедля причалил он лодку, вышел на берег и увидал каменную стену, поднимавшуюся на тысячу чыонгов отвесно и неприступно, — без крыльев на нее не взобраться и не взглянуть на вершину. Тогда он сложил такие стихи :

*Раннее утро встает над землей,
солнце на зелень легло.*

*Ласковы стебли вокруг, и цветы
гостя встречают тепло.*

*Бонза ! Каких же лекарственных трав
в долах прибрежных нарвать мне ?*

*Путник средь омутов ищет родник,
медленно правит весло.*

*Он отдыхает в чужой стороне,
тешится струнами кама,*

*Удит в реке, попивает вино ;
тихо вокруг и светло.*

*К берегу лодку направил рыбак,
ставит свой челн у причала,*

*Просит дорогу ему указать
в Персиковое село.*

Дописав последнюю строку, он огляделся смущенно, как бы ожидая чего-то.

И тут камень расступился, и в стене появилась пещера — круглая на вид, шириной почти в целый чыонг. Ты приподнял полы одежды и вошел

внутрь, но, едва сделал он шаг-другой, вход в пещеру снова захлопнулся и стало темным-темно, словно на дне бездонной пропасти.

Уверясь в Сердце своем, будто он уже не жилец на свете, Ты Тхык провел рукой по замшелому камню и обнаружил убегающую куда-то вперед неширокую расщелину, извивавшуюся наподобие козьих кишок. Пройдя на ощупь более зама, почувствовал он, что пещера поднимается вверх, и, карабкаясь выше и выше, заметил, что с каждым шагом она становится просторней и шире.

Когда он добрался до вершины, небо было прозрачным и светлым, а вокруг, куда ни глянь, стояли прекрасные дворцы ; алые блики зари и голубые облака играли над крытыми галереями, чудесные травы и диковинные цветы распускались прямо у дверей. Ежели это, решил Ты Тхык, не храмы, где поклоняются божествам и святым, то уж, наверно, обитель ушедших от мира, вроде горы Шау или Персикового селения.

Вдруг увидал он двух девиц в синих платьях и услышал, как они говорили друг дружке :

— А вот и супруг наш явился !

С этой вестью поспешили они во дворец, но вскоре вернулись и сказали Ты Тхыку :

— Владетельная госпожа просит вас пожаловать.

Он направился следом за ними, и обогнув затянутую парчой стену, вошел в красные ворота. Там увидел он возведенные из серебра хоромы с надписями на досках: «Рубиновый чертог»; «Терем Сверкающего нефрита».

Наверху, на ложе из семи драгоценностей, сидела Почтенная фея в белых одеждах, рядом стояло ложе поменьше из сандалового дерева. Пригласив Ты Тхыка сесть на малое ложе, она сказала:

— Любознание — извечное ваше пристрастие. Думаю, нынешняя прогулка осчастливит вас на всю жизнь. Помните ли вы встречу, соединившую сердца?

Ты Тхык почтительно отвечал:

— Я — сирий отшельник из Тонг-шона. Парус, надутый ветром, да бамбуковый челн несут меня по рекам и водам — туда, где мне по нраву. Откуда я мог знать, что найду здесь Престольный город? Ведь добраться сюда — все одно, что на крыльях подняться в обитель духов. Я весь в смятенье, не знаю, чего и ждать. Покорно прошу: просветите меня и вразумите.

Почтенная фея улыбнулась и сказала:

— Откуда вам было до всего дознаться? Вы на вершине Фулай в горном селении фей и духов,

в шестом из тридцати шести гротов. Фулай плавают по морю, не держась на едином месте, и подобна горам Лофу, тающим от ветров и дождей, или вершинам Пэнлай, умяляющимся по воле волн. Я же — земная фея из Нам-виета, супруга государя Вэй. Видя чистоту и возвышенность вашей души и всегдашнюю готовность выручить ближнего из беды, я и решилась беспокоить вас своим приглашением...

Тут она глазами подала служанке знак пригласить юную фею. Ты Тхык глянул украдкой и признал в незнакомке девушку, сломавшую некогда цветок.

Почтенная фея, указав на нее перстом, сказала:

— Это моя дочь по имени Зианг Хыонг — Пролитое благоуханье. Как-то, любуясь цветами, попала она в беду, а вы ее спасли. Можно ли забыть такое благодеяние! Вот и хочу я в знак благодарности отдать ее вам в жены.

Тою же ночью зажжены были светильники, полные фениксовым туком, и расстелены яркие, расшитые драконами покрывала, чтоб молодые совершили обряд взаимных поклонов.

На другой день сонмища духов явились на праздник: одни — в парчовых одеждах — спустились

верхом на лисах из полнощных пределов, другие — в камчатых юбках — верхом на драконах поднялись из полуденных стран; кто прибыл в носилках, украшенных камнями, а кто — и в воздушных колесницах. Все собрались в одночасье.

Угощение для гостей приготовили наверху, в Тереме Сверкающего нефрита; растянuty были завесы с застежками из камней, опущены полости с золотыми пряжками, а посередине поставлено лазуритовое сиденье. Духи, кланяясь один другому, рассаживались на скамьях — по левую руку, а Ты Тхык сел на ложе, стоявшее справа. Едва гости уселись, пошел слух, что пожаловала Золотая фея — Ким Тиен, и все поспешили вниз К ней на поклон. Потом духи снова поднялись в терем, и заиграла музыка.

Яства подавались на агатовых блюдах и нефритовых тарелках. Что ни кушанье, то диковина или чудо, а напитки источали крепость и благоуханье, — у людей не бывает подобных.

Дух в одеянье из белой парчи сказал :

— Мы предаемся утехам здесь вот уже восемьдесят тысячелетий, и трижды за этот срок преобразалось Южное море. Ныне жених явился к нам издалека, трех жизней в супружеском счастье мало, чтобы воздать ему по заслугам. Пусть же в речах и рассказах наших о феях и духах не будет хвастовства и пустословья.

Тут юные отроки, разделясь на купы, стали плясать легко, как челны на волнах. Вскоре Почтенная фея пригласила гостей начать пиршество. Зианг Хыонг налила всем вина.

— Невеста сегодня вон как румяна и пригожа, — молвил шутя дух в камчатой юбке, — а, бывало, бродила чахлая да бледная. Видно, не зря говорят : без мужа краса увядает ?

Духи все рассмеялись, один лишь гость в синей одежде оставался печален.

— Любовь нашей юной сестры, — сказал он, — поистине прекрасна. Но как вспомню, что дева, чище инея и совершенней нефрита, взлелеянная близ облаков, сочетается со смертным, боюсь, молва растрезвонит это, и ей не избежать хулы и насмешек,

— Уж Мы, — посетовала Золотая фея, — как и прочие духи высокого сана, все время живем в небесных чертогах, появляемся лишь при выходах Вседержителя и никогда не ступаем в мутные волны мирского моря. Но злоязычники все одно слагают вздор и про нас: тут и свидание подле Яочи во времена Чжоу, и Вестники — синие птицы в Ханьские времена... Каково же тогда юным феям ? Однако здесь новобрачные, и не зачем нам повторять при них небылицы.

Почтенная фея сказала:

— Слышала я, сами феи встреч с людьми не искали; но иногда становились невольно жертвами случая. Да и встречи-то эти были великой редкостью: взять ли свидания в дене Бо-хоу и в горах высоких Гаотан или явление небожителницы средь зыбей в Лопу, — вспомнишь ли, как Цзян Фэй сняли с себя жемчуг, а Лун-юй вышла за Сяо Ши, или как встретились Цай Луань с Вэнь Сяо и Лань-сян с Чжан Шо. Это яснее ясного, и, если людям по нраву насмешки, пусть посмеются и над собой.

Тут все весело расхохотались.

Солнце тем временем склонилось к горам, и гости — все разом — отправились восвояси. Ты Тхык шутя сказал молодой жене:

— Выходит, и у вас, на небесах, за каждым водятся любовные шалости. Не зря Ткачиха вышла за Волопаса, а Шан Юань отыскала Фэн Чжи, и не случайно Сэн-жу описал свое путешествие в Чжоу и Цинь, а Цюнь-юй сочинил стихи «Царская гробница». Условия вроде различны, да чувства схожи! Хотел бы я знать, духи и феи селятся уединенно оттого, что их оставили вожденья, или понуждаемые силой?

Зианг Хыонг, изменяясь в лице, отвечала:

— Немногие, о которых ты говоришь, попали под власть темных начал. Но другие, и их большинство, Достойны служить у Багряных ворот, и имена их начертаны в Золотом дворце. Они живут в уединенье, развлекаются достойно, и, едва их завидя, поймешь — расспросы о чистоте душевной излишни и нет нужды ограждать их от похоти и соблазнов. Увы, я сама непохожа на них, подвластная смутным чувствам, легко распаляюсь от сотен причин. В Багряных чертогах я сокрушаюсь о земной любви; плоть моя в храме из розовой яшмы, а дух устремился туда, где царят вожденья. Но ты не думай, будто все феи такие, как я.

— Ну, если так, — сказал он, — тебе до них и впрямь далеко.

И муж с женою, хлопнув в ладоши, засмеялись.

В покоях Зианг Хыонг стояла белая ширма, и Ты Тхык завел обыкновенье писать на ней стихи. Вот они:

Небо закрыли со всех сторон

дымчатые облака,

Но Небожителей трех гора

светится издалека.

По ветру запах сосновый плывет,
хвойный, смолистый, пьянящий.
К встрече желанной стремится вдаль
легкий челнок рыбака.

Круглая в небе светит луна,
ветер шумит сердито.
Свернута штора, и настезь окно
для хризантем открыто.
Пишет стихи хмельной человек
о четырех страданиях.
Чертит их кистью, читает вслух
в комнате из нефрита.

Древесину алоэ в курильнице жгу,
ароматный мне сладостен дым.
Сократить ли мне книгу ? Сменить ли напев ?
Что мне делать с писаньем моим ?
У меня на губах замирают слова,
не рискую возвысить мой голос,
Так боюсь, что слова мои смоем, сотрет
непогода дождем проливным.

Зажигает заря расписную парчу,
вдалеке небеса заалели,

Мертвым кажется дом за высокой стеной,
словно он опустел в самом деле.
Загорается точка Полярной звезды,
подымается выше и выше.
Только дамам придворным всю ночь напролет
обучаться игре на свирели.

Все формы в очертаньях туч,
клубящихся в безбрежье,
Так бесконечны небеса —
в любом краю все те же.
Уже кончается весна,
летающих птиц не счесть,
И голубые небеса
светлы, прозрачны, свежи.

Спасает от ветра и лунного света
бамбуковой шторы заслон,
Застенчиво круглое зеркало блещет,
ночной озарив небосклон.
Отшельник мечтает уткнуться в подушку,
чтоб снова уйти в сновиденье.
Всю ночь до рассвета по склонам окрестным
плывет колокольный звон.

*Весенний покой окутан прохладой,
пронизан струей сквозняка.
Гора далека, где жилище святого,
Усталая речка близка.
Скоро рассвет, и чудище Да
вторит последней страже.
Простой и бесхитростный житель деревни
следит, как плывут облака.*

*Мгла сырая окутала ивовый ствол
и заколотый в косу цветок.
Среди волн в необъятном просторе морском
одиноким мелькает челнок.
Разве с первого взгляда возможно узнать,
отыскать среди прочих святого ?
Звук бесплотный и долгий трепещет вдали
и по склонам ползет без дорог.*

*Гора опоясана пеною волн
со всех четырех сторон.
Во сне я вернулся в родные края,
но это был только сон.
Затоплены наводком бурным пути.
Где ж голову мне приклонить ?
Повсюду лишь пламя багровое туч,
лишь воды да небосклон.*

*Безмолвно персиковые лепестки.
кружатся в водовороте.
Цветы увядают, и скоро в садах
один только мох найдете.
Зачем из укромной пещеры своей
ушел ты, Лю Лан неразумный ?
Листаю задумчиво книгу стихов
в нефритовом переплете.*

Но вот уже год пролетел с той поры, как Ты Тхык покинул дом. Лotosовый пруд изменил свой цвет и сделался лазоревым. Туманными ночами дул ветер, светлый круг луны заглядывал в окна, и к изголовью долетало гуденье прилива. Все это бередило сердце, наполняло его печалью и тревогой и никак не давало уснуть.

Однажды, глядя на море, Ты Тхык увидел плывший на юг торговый корабль и, указав на него Зианг Хыонг, сказал :

— Вон там, в той стороне, мой дом. Но только вокруг, куда ни глянь, все море да небо, и ничего не видно !

А после, улучив время, заговорил с ней снова:

— Давно уж скитаюсь я, но сердце мое все одно тянется к дому. Цветы источают слезы, и

вянут травы, смею ли я просить снизойти до моей печали и отпустить меня восвояси на краткое время. Что скажешь ты мне на это ?

Жена в удручение не могла вымолвить слова.

И тогда он сказал :

— Позволь принести обет, что вернусь через малый срок. Мне бы только друзей повидать да по дому все сделать — для успокоенья. А там ворочусь тотчас, чтоб жить и состариться вместе с тобой среди туч и вблизи вод.

Зианг Хыонг, заплавав, ответила :

— Могу ли я ради супружеской любви противиться твоему влечению к родной земле!.. Но земные пределы ограничены и малы, земные судьбы недолги и кратки. Боюсь, воротившись домой, не узнаешь ты ив во дворе и цветов в саду, и все будет уже не таким, как прежде.

Открылась она Почтенной фее, и Почтенная фея сказала:

— Вот уж не думала, чао он так привязан к бренному миру.

И она пожаловала украшенную парчою облачную колесницу, чтобы Ты Тхык вернулся на ней восвояси. А Зианг Хыонг протянула ему письмо, начертанное на шелке, и сказала :

— Всякий раз, как помотришь на мой подарок, не забывай, прошу, нашу любовь.

Заплакали они и простились.

Не успел он и глазом моргнуть, как очутился у дома. Видит — все вокруг изменило обличье и место. Городские валы, и стены, и даже люди изменились в сравнении с прошлым, лишь горы с ущельями не поменяли свой прежний синезеленый цвет.

Тотчас открыл он старикам свое прозвание и имя, и один из них сказал:

— Слыхал я в младенчестве, будто моего прадеда звали так же, как вас. Да только ушел он в горы и по сей день не вернулся; а минуло тому лет восемьдесят, ведь у нас нынче пятый год Долгого спокойствия, и царствует третий по счету государь из дома Ле.

Ты Тхык, удрученный и раздосадованный, хотел было снова взойти на облачную колесницу и умчаться обратно, но она обернулась птицею феникс и улетела прочь.

Открыл он письмо и прочитал:

«Узы скреплены были фениксом в облаках; но кончилась прежняя любовь. И вновь не сыскать среди моря вершину духов и фей ! »

Тут догадался он, что в миг расставанья Зианг Хыонг простилась с ним навсегда. Без промедленья Ты Тхык накинул на плечи легкий кафтан

из овчины, надел на голову неширокий нон, удалился в Поперечные горы и с той поры исчез неведомо куда.

* * *

Нравоучение. Увы ! Пересуды о чудесах и чудовищах вторгаются в повествования, а избранные умы не желают и слова сказать о таких сочиненьях.

Ну, а свадьбы Ты Тхыка с феей тоже, спросите, не было ? Не отвечу решительно — нет. Может, она и вправду была ? Не скажу наверное — да.

Была ли, не была — это темно и туманно; да, в повести много чудес и диковин. Но добродетели и благие дела всегда обретут награду — так уж заведено.

Избранные умы и высокие души, проглядывая повесть, все взвесят, что надо — прибавят, а лишнее отбросят.

Отбросить же небылицы, сохраняя правдоподобность, в этом, пожалуй, не будет никакого вреда.

Рассказ о прогулке Фам Ты Хы
среди Звездных палат

Фам Ты Хы, муж родом из уезда Камзианг, что значит Благие ожидания, обладал блестящими дарованиями, но, увы, не любил обуздывать свой нрав.

Поступил он в ученье к отказавшемуся от несправедливой службы мудрецу Зыонг Чаму, и Чам изо дня в день увещал его унять гордыню. Тогда приложил он все старанья, чтобы исправиться, переменился и стал наконец добронравен и скромн.

Потом Зыонг Чам умер, и ученики его все разбрелись кто куда. Один лишь Ты Хы поставил шалаш у его могилы, присматривал за нею и совершал положенные обряды. Лишь через три года воротился он восвояси.

Хоть и было ему уже от роду сорок, но он все никак не мог выдержать испытанья. Как-то, во

времена государей из дома Чан, явился он в столицу заняться науками и снял для себя жилье в доме на берегу Озера туманов.

Однажды поутру вышел он из дома и вдруг сквозь туман видит: плывут по воздуху расшитые золотом балдахины и носилки, выложенные нефритом, следом — украшенная жемчугом колесница, а за нею — богатая свита. Ты Хы заглянул украдкой в колесницу и увидел там не кого иного, как бывшего своего учителя Зыонг Чама.

Тут он собрался упасть на колени, но Чам поднял руку и сказал:

— Негоже нам беседовать посреди дороги. Приходи лучше завтра вечером в храм Воина-усмирителя у Северных ворот. Там и поговорим обо всем.

Тотчас Ты Хы купил вина и закусок и к условленному сроку явился в храм. Учитель и ученик оба обрадовались друг другу.

— Вот вы, учитель, не так уж давно и преставились, — сказал Ты Хы, — а сделали куда знаменитее прежнего. Не просветите ли, в чем тут дело, чтобы и я порадовался за вас.

Зыонг Чам ответил:

— Не было у меня при жизни ни единой черты, достойной похвал; сохранял я лишь верность учителю и друзьям да чтит начертанное слово, — бывало, увижу где исписанный обрывок бумаги,

немедля его подберу и предаю огню. Святой Повелитель Полночных пределов остался доволен мною и, доложив обо всем, исполнил мне должность Хранителя Багряно-алых ворот. Вчера я увидел тебя в тот миг, когда с колесницею Повелителя направлялся в Небесный дворец. Но неожиданная встреча наша была не случайной — меж нами, учителем и учеником, есть особые узы.

— Должно быть, — спросил Ты Хы, — при вашей высокой должности и больших правах, вам известен срок моей жизни и день смерти?

— Нет, это не в моей власти.

— А какое вам поручено дело, учитель?

— Я ведаю испытаньями по словесности. Все, кто в земном мире получают высшие или низшие ученые звания, отданы под мое начало.

Ты Хы возликовал и спросил:

— Но тогда вы, учитель, конечно, знаете, что меня ждет на этой трудной стезе?

— Запомни, дарованиями в словесности никто на земле сейчас с тобой не сравнится. К тому же ты честен и верен долгу. Да только занесся перед всеми своим талантом, и потому небеса отсрочили день твоего успеха на испытаньях. А не то, как говорится, ты ухватил бы — до срока — тавлы с отличиями Мэн-чжэна и подобрал — до срока — сор и соломинки несравненного Ханьхоу. Но знай,

отныне на твоём пути нет никаких препон. Издавна о достоинствах человека перво-наперво судят по его поведению и нраву. Ныне, увы, мужи в одеяньях конфуцианцев и препоясанные кушаками конфуцианцев вовсе не таковы. Они не стыдятся, поступая в ученье, менять свой род, являясь на испытания, изменяют имя, а провалившись, винят во всем чиновников, правящих сочиненья. Но стоит кому-то из них преуспеть хоть самую малость, тотчас же возомнят себя знаменитее всех мудрецов древности и изошрятся в похвальбе и плутнях. Видя учителя в нужде, они чураются его и не узнают обедневших друзей. Да только чему, как не заслугам и доблестям учителя и друзей, они обязаны большею частью своим успехом? Возьми хоть меня, — я ли не выучил тысячи учеников? У меня ли не было в столице задушевных друзей-приятелей? Одни удостоились уже золотых поясов и серебряных шапок, другие в чинах и званиях — сидят на высоком месте. Но ни один из них ни разу не пришел на мою могилу — оросить ее чашей-другою вина. Вот почему не терял я тебя из виду.

Тут уж Ты Хы, коль пришлось к слову, поведал о преуспевших по службе — обо всех и о каждом:

— Право, стоит послушать, учитель: Имярек, достигнув высокого чина, все не насытит никак свою алчность, а Некто, удостоенный звания и

места, раскрыл перед всеми свою никчемность; Такой-то поставлен блюсти приличья и нравы, не ведая толком, что они суть такое, а Как-Его-Бишь назначен опекать народ, да народу-то от него прибавилось горя и бед; Не-Помню-Кто, ведая сочинениями на испытаниях, несправедлив и пристрастен, а Кто-То-Еще, заправляя острогами, держит там взаперти невиновных. Сколько их, ясновидящих и велеречивых в пустых словпреньях, при обсуждение державных дел немеют и слепнут, точно сбились с пути в тумане среди туч! Как часто они, не стоя своей славы, несправедливы в суде и неверны повелителю и властям! Те, чьи должности велики, готовы, как некогда Яю Юй, продать скопом все государство; прочие же, пониже чином, обманывают государя, подобно Янь Ли. Откройте, учитель, уготована ли им кара хотя бы за гробом или они и там пребывают в чести и славе?

Чам, засмеявшись, ответил:

— Посадишь тыкву, тыква и вырастет; посеешь бобы, бобы же и соберешь! Небесные сети обширны, и пусть ячеи нечасты, из них никому не ускользнуть. Просто еще не всему подошли сроки. Сейчас поясню тебе: на земле и на небесах, в веренице жизней, воздаяние следует одинаково — за добро и зло. Имена усердно творящих

добро еще при жизни заносятся на скрижали, во Дворце Вседержителя, а алчущим злодеяний, не дожидаясь смерти, выносятся приговор в Подземном царстве. Поэтому Янь Хуэй, хоть и ютился в глухом переулке, стал после смерти Письмоводом, а Ван Пан, в миру чванливый и дерзкий, умирая, залил своей кровью землю. Это ведь только в земной жизни должности добываются с помощью власть имущих и деньги спасают от всех бед, кары превышают вину, а чины превосходят способности и разумение, — льстецам с гибкой спиной раздают, невзирая на подлость, высокие звания, а злодеи да лихоимцы подкупом избавляются от наказания... Ты уж блюди себя, избегай посеять злое семя в грядущем существовании.

Ты Хы сказал:

— О вратах судьбы слышал я, хотя и вкратце. Но вот школяры завели обычай являться в храм Повелителя на поклон и ночевать там, умоляя открыть им во сне будущее. Правдивы ли их видения?

Чам, смеясь, ответил:

— Да откуда у Повелителя время на подобные мелочи? Он ли не странствует всюду, постигая первопричины всего сущего, днем разбирает дела и бумаги, а по ночам отправляется к Вседержителю! Конечно, у людей добронравных, благочестивых и впрямь бывают во сне неясные озарения,

и они, в простоте своей, считают их истинными видениями. А прочие, и вовсе ничего не понимая, все принимают на веру. Как тут над ними не посмеяться!

— Выходит, учитель, и молва о висящем на небесных воротах списке избранных, — тех, кому суждено отличиться на испытаниях, — тоже одни небылицы?

— Нет, это как раз правда.

Чам тотчас извлек старательно запечатанный свиток бумаги и пояснил:

— Перед тобой список на весну грядущего года. Повелитель приказал мне самолично проверить всех и вся и доставить к небесным воротам полный и верный перечень. Да вот повстречал я тебя и задержался в дороге.

Разговорился Зыонг Чам и поведал Ты Хы про житье в Звездных палатах: мол, отрадней оно и веселее намного, чем в земном мире. Потом, поучая Ты Хы, Чам призвал его совершенствовать нрав и заверил, что если он постарается и преуспеет, то непременно настанет день, когда и он вознесется на небо. А это ведь — небывалое счастье.

— Где уж мне, с мирскими моими слабостями и грубым нравом, вознестись на небеса! — сказал

Ты Хы. — Хоть бы разок подняться туда в воздушной колеснице да мельком на все глянуть. Вы не могли бы, учитель, мне помочь?

— Что ж, дело это несложное. Только вот надобно доложить святому Повелителю имя твое и род.

Тотчас взял он кисть и красною тушью начертил в списке более десяти слов, а потом приказал убрать остатки пиршества.

Уселся Ты Хы вслед за учителем в колесницу, и она вместе с упряжкой понеслась прямо ввысь.

Когда они прилетели на небо, Ты Хы увидал обширную местность, окруженную серебряной стеной, с большими воротами, украшенными сверкающими жемчужинами. По обе стороны от них высились хоромы из жемчуга и дворцы из нефрита. От сиянья и блеска камней было светло как днем. У ворот, огибая Звездную пристань, струился Млечный Путь. Веял напоенный благоуханьями прохладный ветер. А внизу, в земном мире, все казалось малым и неприметным.

— Знаешь ли ты, где мы? — спросил Зыонг Чам. — Это небесная столица Белого нефрита, о которой твердит людская молва. Видишь, вон там, посередине розовые облака? Они укрыли дворец Пурпурной звезды, где восседает на троне святой Вседержитель. Обожди меня здесь, я войду с докладом и похлопочу о тебе.

И Зыонг со свитком прошёл в ворота. Вернулся он долгое время спустя. Тут из-за городских стен послышался чей-то громкий голос и возвестил: первым в списке на испытаньях грядущего года избран чанг нгуен из семьи Фам.

Учитель повел Фам Ты Хы мимо дворцов и палат. Сперва подошли они к строению, на котором висела доска с надписью «Ворота Благих деяний». А за воротами видны были люди, — пожалуй, не менее тысячи, — увенчанные цветами и препоясанные туберозами; одни сидели, другие стояли.

На расспросы Ты Хы Зыонг Чам ответил:

— Перед тобой духи тех, кто при жизни любил и жалел людей. Хоть и не отдали они бедным всего достоянья, но помогли многим и не были скупы и высокомерны. Вседержитель хвалил их за человечность и причислил их к чистым и возвышенным духам. Потому они здесь.

Затем они миновали другое строение, и на нем висела доска с надписью «Ворота Добродетели». А за воротами находились люди — их было более тысячи — в облачных одеяньях и под зонтами; одни пели, другие плясали.

На новые расспросы Ты Хы учитель ответил:

— Перед тобой духи тех, кто при жизни почитал родителей, любил сестер и братьев, — или в нужде и скитаньях помогал ближнему, оделял

друзей землею и жил с ними в согласии. Вседержитель хвалил их за душевную щедрость и допустил в облачные чертоги. Потому они здесь.

Снова они подошли к неведомому строению, на котором висела доска с надписью: «Ворота Учености и Долга». Люди там были в длинных одеждах с широкими поясами, число их и здесь близилось к тысяче. Двое из всех носили шелковые одеянья и шляпы из крепа.

Зыонг Чам, указал на них, пояснил Ты Хы:

— Перед тобой соотечественники — почтенные То Хиен Тхань, служивший государям из дома Ли, и Тю Ван Ан, что служил государям из дома Чан. Прочие же — известные мудрецы Поднебесной, которые жили при царских домах Хань и Тан. Не помогали им званий или чинов; но всякий раз в новолуние и полнолуние приходили поклониться святому Повелителю. Так и вельможи, что не ищут должностей и титулов, навещают иногда государя. Каждые пять столетий им даруется новое земное рождение: когда высокое — они бывают вельможами и полководцами, если низкое, — они и тогда становятся учеными или наместниками. Здесь, на небесах, еще более ста таких строений; но скоро рассвет, и мы не успеем все обойти. Торопись оседлать ветер и улететь вниз, на землю. Там ты у Северных ворот

встретишь как раз сотни чинов, спешащих вереницею во дворец, к государю.

Попрощался Ты Хы с учителем и воротился во свояси.

В следующем году он явился на испытанья, само собой, всех превзошел и удостоился звания тиен ши.

После того, уготованы ль были Ты Хы и его семье счастье или беда, предстояло им благоденствие или лихолетье, учитель являлся всегда заранее и упреждал обо всем.

Нравоучение. Увы! Пристало ли совершенному мужу увлекаться небылицами рассказчиков, именуемых «ци се», или притчами Чжуан-цзы? Но ежели в сочиненье выведены обычаи и законы, делаются мудрые советы и предупреждения, то, разумеется, никакого не будет вреда переписать его или пересказать другим.

Вот и рассказ о Фам Ты Хы поощряет верность, преданность учителю и служит остережением неблагодарным; оттого назидательный смысл его очень велик.

Ну, а была ли и впрямь прогулка по Звездным палатам или ее не было вовсе — стоит ли так уж ретиво о том допытываться?

Рассказ о кознях нечистой силы
у Изобильной реки

В земле Фаунг-тяу (Горном крае) жил - некогда человек, выходец из рода Хо, по имени Ки Ваунг. В самом конце царствования дома Хо поехал он торговать, остановился в городе Изобильной реки, а потом заболел в этом городе и умер. Вдове его, женщине бедной и, убогой, не на что было даже перевезти восвояси останки мужа, и пришлось ей продать малую дочь свою Тхи Нги богатому гостю из рода Фам.

Войдя в лета, девочка стала пригожей и милой, Фам возлюбил, ее и однажды соединился с нею на ложе. Жена Фамы, прознав об этом, забила девицу насмерть, унесла ее труп и схоронила поблизости, за деревней.

Прошел месяц-другой, и дух убиенной Тхи Нги начал творить безобразия и бесчинства, принимая всякие обличья: то поселится в личине молодки, продающей бобовый соус, то обернется девицей,

торгующей хмельным. Попадется ей муж, наделенный силою плеч и чресел, тотчас затеет прелюбодеянье, встретится богачей — оберет до нитки. По тамошнему большаку — на целых десять замов — люди торопились пораньше выступить в путь и засветло воротиться, остерегая один другого от общенья с пригожими девицами.

Вскоре деревенский люд дознался, что в этих бесчинствах и бедах повинен дух Тхи Нги. Вырыли люди ее останки и бросили в реку. С той поры нечисть слегка поутихла.

После воцарения дома Ле, когда восстановлено было единение и порядок, некий служилый человек из рода Хоанг, выходец из округа Ланг-Зианг (Верная река), направлялся в столицу за новой должностью и причалил свою ладью к речному берегу неподалеку от тех мест.

На небе ярко светила луна и мерцали звезды, все утопало в молчанье, как вдруг от высившихся на юго-востоке песков донесся чей-то горестный плач. Ладья подплыла ближе, и взору явилась девица лет семнадцати в красном шелковом платье, сидевшая на травяной циновке.

Хоанг спросил:

— Отчего в столь позднюю пору рыдаешь ты так горько, что и самое невозмутимое сердце смягчилось бы и растаяло ?

Девушка сперва оробела, потом вытерла слезы и отвечала :

— Я родом из Фаунг-тяу, отец мой с матерью торговали тканями. Да только напали на нас разбойники и лиходеи, родители мои стали добычею рыб, и кости их тлеют в речной глубине. Осталась я одна-одинешенька, слабая и беззащитная. Чудом вырвалась я из пасти тигриной, добралась до берега и нашла пристанище у добрых людей. А сегодня вот вышла к реке нарвать для хозяйки тутовых листьев да набрела ненароком на то роковое место. Обуяла меня скорбь и тоска, сижу и плачу.

Хоанг сказал:

— Ты одинока и бесприютна, нет у тебя опоры. А я вот еду в столицу — развеяться. Хочешь, давай поплывем туда вместе в моей ладье ? А пожелаешь отправиться дальше восвояси — ветер попутный насытит парус, не успеешь оглянуться — ты дома.

Девушка снова заплакала:

— Не жаль мне влекомого волнами брэнного тела моего ! Скорблю лишь о том, что не извлекла из пучины останков отца с матерью и не могу схоронить их, как должно, в родной земле.

— Если уж таково твое желание, я не постою за деньгами; пусть для тебя достанут со дна родительские кости и ты отвезешь их на родину. Это и будет шаг к сочетанию наших сердец.

— Ах, — возликовала девушка, — вот . она, воля неба! Такие великодушные благодеянья совершаются лишь ради кровного родства, во имя уз, связующих не на жизнь, а на смерть. Трепещу и робею: чем смогу я, горемычная, отблагодарить вас ?

Тотчас нанял Хоанг искусного водолаза, он достал с речного дна мертвые кости ; Хоанг погрузил их на ладью и поплыл дальше на юг. Время от времени заигрывал он с девицей, желая узнать, тверда ли она и добронравна; но та всякий раз стойко ему противилась. И оттого сердечная склонность Хоанга к девице и его уважение к ней возрастали.

Прибыв в столицу, он не стал торопиться за назначением, а сперва поднялся вверх по реке Белого журавля до самой крепости и там, на берегу, предал земле привезенные останки.

Однажды девушка сказала Хоангу :

— Не было меж нами ни уговора, ни условия, да и встретились мы нечаянно. Прежде, пока у отца и матери не было удобной могилы с красивым надгробьем, я противилась вашим ласкам, а

нынче готова служить всячески. Ведь вам предстоит служба в далеких землях, позвольте мне следовать за вами, блюсти ваш дом и вести хозяйство.

Так они стали мужем и женою и полюбили друг друга страстно. Она была во всем обходительна и искусна, в разговорах находчива и скромна; присные ли, друзья ли ею не могли нахвалиться.

Прослужил Хоанг месяц и вдруг занемог лихоманкою, впадая в бред и беспамятство. Жена плакала с утра до ночи и заботилась о нем, не отходя ни на шаг. Но Хоанг отвергал любые лекарства, не допускал пощупать биение жил и бранил чародеев с их амулетами и заклятьями. Лекарши с кудесниками сошлись на том, что повинны здесь чары и нечисть; но, не зная, как быть, только глядели один на другого.

Однажды явился неведомый человек с головою, повязанной старой повязкой, в стоптанных башмаках и плохоньком платье. Завидя его, люди расхохотались.

— Все вы, — сказал незнакомец им, — мелкие сошки, здесь я один — величайший лекарь! я не только исцелю любые болезни, но могу, по желанию, вырастить крылья, чтоб человек летал, как небожитель.

Стали пытаться его про волхованье и чары, слышат: он, мол, излечивает и проказу; заглянули к

нему в холщовую сумку, а там — сушеная цедра плодов фу ты. Засмеялся Хоанг и протянул ему руку, чтобы пощупал биение жил.

— Это все пустяки! — изрек незнакомец. — Внутренности ваши расстроены самую малость — отсюда и бред с наважденьями. Надобно выпить укрепляющего настоя, чтоб есть поболее, почаще пировать, подносить дары добрым духам, убагтовлять чертей — и тем исцелитесь.

Тотчас налил он настой в пузырек, перемешал и протянул Хоангу, тот выпил все до капли. А выпив, исторг не один дау слюны и пены, улегся и впал в забытье.

Жена, разъярясь, схватила палку, разбила вдребезги пузырек и начала браниться:

— Откуда тебя принесло, подлый невежда, сеять рознь меж женою и мужем и заводить в дому ссоры?

Но незнакомец выхватил чудодейственный знак, бросил его, и женщина пала за ним следом, рассыпавшись по земле грудой белых костей.

Немедля плеснул он горячей водою Хоангу на грудь. Тот вскоре очнулся и на расспросы обо всем, что случилось прежде, отвечал незнанием. Тргда все наперебой приступили с расспросами к незнакомцу, и он сказал:

— Я, едва увидев больного, понял: одержим он нечистью, а причина и корень всему — эта

девица. Пришлось поначалу наплести чепухи, чтоб она ничего не учуяла, зато уж потом я показал свою силу. Иначе бы мне не напоить больного лекарством.

Все восхитились безмерно.

Тотчас послали людей на реку Белого журавля раскопать могилу с давешними останками. Никаких костей! Нашли лишь свежие сгустки крови. Хотели их было собрать, но кровь вмиг исчезла.

— Уничтожены только ветви с листвою — объяснил незнакомец Хоангу. — А корни пока не вредимы. И ежели тысяча воинов во главе с просветленным воителем не истребят те корни со всею решимостью, а лишь зацепят их по верхам, вам это будет грозить великими бедами.

Спустя неделю или более Хоанг лежал среди дня и прохлаждался, как вдруг явились двое стражей и повлекли его за собой.

Наконец достигли они высокой стены, за которой стоял дворец, и хотя окружавшая его галерея — по левую сторону — покосилась, а местами и рухнула, выглядел он величественно и грозно. Во дворце стоял некто, увенчанный шапкой, какого князья с государями надевают для торжественных выходов.

— Зиём Выонг, — воскликнул он во весь голос, — повелел Нам открыть вину и зломыслие этого человека.

И приказал он ближним своим людям прдать Хоангу бумагу и кисть, чтобы он во всем признался.

— Я ведь из бедной семьи, — сказал Хоанг, — и случаем записан в чиновную книгу. Жил я открыто и честно, на службе не мздоимствовал. Не ведаю, в чем моя вина и как исполнить мне вашу волю?

Но, не умолкнув еще, видит: слева, из галереи, появилась девица, что жила с ним прежде. Тотчас Хоанг все понял, схватил кисть и начал свое признание.

Я доподлинно слышал:

*В книге «Весны и Осени» о чудесах говорится:
о камне там сказано вещем,*

рассказано там о сошествии духа на землю.

*А «Преданья мирские» поведали нам о попойке
и о пробужденъе под деревом маи, про
оборотня в фанаре.*

*Ведь и в давние дни наважденья на нас
насылала нечистая сила,*

*И пытались не раз сотни тысяч людей
избежать ее дьявольских козней.*

Как-то некий Цзинь Цзяо рог поджег носорожий
и омут огнем осветил,
отчего и разгневался Дух водяной на Цзинь
Цзяо.
Так и некий Ма-лян начертил на бесовской руке
иероглиф,
и дьявол от этого ночь напролет о пощаде
молил.
А однажды нечистая сила таскала по комнате
ложе,
И еще обезглавлен когда-то был оборотень-
поджигатель.
Люди сильные, славные люди во веки веков не
страшились
ни бесов, ни духов коварных, ни злых
оборотней.
И судилища строгие силой священной своей
усмиряли бесовские эти отродья подчас на
столетья.
А теперь о себе я скажу :
Легкомысленным был я и нравом беспечен,
Был я счастлив во всем и удачлив на службе,
Получил я доходную должность, и нищая жизнь
вмиг сменилась достатком и пиршеством —
скудная пища.
Только был одинок,
я друзей не имел, а ночами

в просторной постели мне спать одному
приходилось.
Кто бы мог в это время предвидеть,
что встреча близка под луною ?
А она ведь была предначертана и неизбежна.
Эти алые губы в помаде и щеки, покрытые пудрой,
околдовали мой разум,
Эта злая бесовка, лишив меня истины, так
распалая меня,
что утратил я силы.
И когда бы не встретился мне чародей врачава-
тель искусный,
Мне пришлось бы из жизни в Подземное царство
уйти раньше срока.
Если некто спускается к речке и удочку взял,
кто поверит ему, что идет не на рыбную
ловлю ?
Если в этом судилище по справедливости судят
поступки,
я смею надеяться, смею молить снисхождения.
Признание это доставлено было пред очи Зиен
Выонга, и повелитель в гневе изрек:
— Вот уж не думали Мы, что презренная тварь
посмеет вмешаться в хитросплетенья судьбы и,
не насытив бесовскую похоть свою, осмелится с
непотребною жалобой войти в Наш высокий суд.
Пусть ее схватят и ввергнут в темницу !

Засим он тотчас же начертал приговор:

Молча внимайте :

Известно, что люди в эпоху династии Чжоу в журавлей превращались, в букашек, в песчинки.

Видели некогда - из-под надгробия дух появлялся.

То было в эпоху династии Цзинь достославной.

Если эпоха клонилась к упадку,

Демоны множились всюду и духи,

Пока не узрел Дао Зиа приемы изгнания силы нечистой.

Так же и Мы возвращать стали духов в Подземное царство.

Двадцать четыре суровых судилища призваны были чертей отделять от усопших.

Не разглашали мы это — но тысячи тысяч чертей были строгой подвергнуты каре.

Как же зловедные эти отродья посмели

Вновь предаваться своим непотребным занятиям ?!

В жизни земной это были распутные подлые твари, они и за гробом своих не забыли замашек,

Движимы похотью, как они смеют к живым возвращаться и строить различные козни, используя чары ? !

Думают — все им сойдет безнаказанно, ибо никто их злодейств не раскроет ? !

Думают — в царстве Подземном на них не найдется управы, что кары избегнут ? !

Нежить и прежде была изворотлива :

женщиной стала однажды лиса и тигрица красавицей стала,

Но ведь Карающий Меч возвышается древом,

а Нож устремляется ввысь островерхой горою!

Что же касается дела Хоанга,

Должен и он понести наказание,

Ибо явил нам свое малодушье,

Не был он стойким, как был Янь Шу-цзы, у которого силы

достало избежать соблазна, не тронуть соседской девицы.

Нет, он пошел по стопам недостойного У Чэн-сы, для которого стала приманкой тварь, превращенная в деву.

Впрочем, не так велико прегрешенье,

Мы снисхождение окажем Хоангу.

Повелеваем немедля исполнить

Наше решение по этому делу.

Затем, поворотясь, он сказал Хоангу:

— Ведь ты, недостойный, старался во всем следовать учению Конфуция! Мало ли ты прочитал мудрых книг, где описаны лучшие деяния прошлого и настоящего ? Отчего же не внял ты упреждениям против соблазна, отчего ступил на дурную стезю?

Тотчас Повелитель снова схватил кисть и дописал:

« Вычеркнуть знаки предопределения судьбы и виновному жизнь сократить на двенадцатилетие ».

И опять велено было двум стражам доставить Хоанга восвояси.

Проснулся он весь в поту.

С той поры прошел уже не один год, и вот однажды Хоанг по делам службы попал в Трое-речь и завернул отдохнуть с дороги в ден Фаунг-тяу.

Ден этот был обнесен высокими стенами, но изваяния и окружавшая его галерея покосились, а кое-где и рухнули: точь-в-точь как в том сне. И понял Хоанг: сюда-то и приволокли его стражи. Вскочил он поспешно в седло и, не оглядываясь, погнал коня. А был тогда восьмой месяц года, на котором в месяцеслове сошлись знаки Огня и Змеи, иными словами — второго года Неизменного процветания и покоя.

Нравоучение. Увы ! Не нечистая ли сила заглядывает в дома и вопит за стропилами ? Отвечу почтительно: нет. А медведь из Юйюаня и вперь

из Бэйцю — это ль не диво, не нечисть ? Отвечу почтительно : нет ! Ибо Чанли в своем сочинении «Происхождение нечистой силы» и Цю-мин в его толкованье книги « Весны и Осени » объяснили : чудеса эти суть обыкновеннейшие явления.

Стало быть, и в рассказе об Изобильной реке нет ничего чудесного. Просто, видя любовь, достигающую до самозабвения, понимаешь: надобно остерегаться соблазна плотской красоты; и, вспоминая судилище в храме, чаще проникаться трепетом и почтением к духам.

Сомневаться и сеять сомнения — что в этом предосудительного ?

Рассказ о словопрениях с дровосеком
на горе Уединенья

Земля Тхань-хоа (Светлые преображенья) занята большею частью горами; громадные и необъятные, простираются они на тысячи замов. И одну из тех гор — высочайшую — именуют горой Уединенья. В горе этой есть ущелье, неширокое, долгое и обрывистое; пустынно оно, не долетала сюда мирская пыль и не ступала людская нога.

Но всякий раз выходил из ущелья неведомый дровосек с вязанкою хвороста на плечах. Свой хворост выменивал он на рыбу и водку, желая лишь одно — наестся и выпить, и никогда не брал в уплату ни единой монеты. Встречал ли дровосек на равнине стариков или малых детей, он с неизменным весельем заговаривал с ними о разных разностях.

А ежели кто спрашивал, какого он роду и племени и где проживает, дровосек лишь посмеивался в ответ. Когда же солнце склонялось к

горам, он не спеша возвращался в свое ущелье. Тамошний люд считал его мудрецом, бегущим от суетных дел, как некогда Чзнь Мэнь, или Цзе Юй, или, на худой конец, Тай-хэ.

Однажды в начале Первооткрытого величия, в царствование дома Хо, государь Хо Хан Тхыонг, выехав на лов, повстречал этого дровосека.

Он шел, напевая такую песню :

*Здесь, на вершине Уединенья, висят глыбы
камней,*

Кроны могучих деревьев.

Мир здесь царит и молчанье.

Шепчет о чем-то ручей.

Я поутру отправляюсь в дорогу,

Вечером снова под кровлей своей.

Я наготу прикрываю накидкой из листьев,

Голову — ярким венком из лесных орхидей.

*Дверь мою скрыла богатая ширма синих небес и
утесов,*

*Рядом с жилищем — солнечный берег, зелень
знакомых полей.*

Я не завидую жизни придворной,

Пышности, шуму, езде в колесницах,

Тихие горы, журчащие воды ближе душе и милей.

*Где же мечи полководцев ? Дикой травой
порастанут.*

Где одеянья сановников, пышный наряд королей ?

Некогда Се был прославлен с Ваном,

*Были в почете Чжао и Цао,
Но покрываются мохом надгробья славных когда-
то вельмож,
Всех — от далеких до нынешних дней.
Что им завидовать ? Вольному воля.
В час, когда солнце в зените,
Спать я могу беспробудно в пещере моей.*

Допев, он взмахнул полами и удалился.

Хан Тхыонг догадался, что это, наверно, ушедший от мира мудрец, и послал одного из вельмож, высокородного Чыонга, догнать отшельника и передать ему государево приглашение.

Чыонг совсем уж было настиг дровосека, как тот затерялся в ущелье. Окликнул его Чыонг, но не услышал ответа и вдруг видит: отшельник оседлал клубящееся облако и проворно плывет сквозь туман, меж стволами бамбуков и сосен.

Понял он, не простой это человек, и тотчас устремился за ним следом, раздвигая травы, чтоб отыскать дорогу, и прошел так два или три зама. Но горная дорога, и без того опасная и крутая, становилась все тяжелее, и вдруг, в мгновение ока, Чыонг потерял дровосека из глаз.

Подняв голову, он увидел лишь закатное солнце, уходящее за горы. Трава и деревья начали расплываться в сумерках, и понял он — ему уже не

вернуться дотемна. Но тут где-то рядом за бамбуками закукарекал петух, и Чыонг обрадовался:

— Ага, значит, неподалеку жилье.

Опираясь на палку, он поднялся еще в гору и увидел келью из трав и листьев, справа и слева красовались золотые хризантемы и радовала глаз свежая зелень персиков и слив. В келье стояла сплетенная из лиан лежанка, а на ней лежали забытые кем-то дан со свирелью и подушка для сидения; на выбеленных стенах, восточной и западной, начертаны были два стиха, один назывался « Любовь ко сну », другой — « Любовь к шахматам ».

Любовь ко сну

*Что я на свете люблю ? Ничего нет прекраснее сна.
Отдохновение в нем и покой, безмятежность души,
тишина.*

*Если под пологом спишь во дворце,
ночь тревожна, темна и душна.*

*Сплю на лианах, и дарит мне сон воспоминанья
сполна.*

*Ветви прекрасны в садах и густого бамбука стена,
Но для отшельника все же милей чащи леса,
ручьев быстрина.*

*Под головой моей стебли бамбука,
Рядом — желанная чаша вина,*

Эти друзья меня в сладостный сумрак уводят,
В мир, где душа так блаженна, легка и ясна.
Уши мои недоступны уже для мирского далекого
шума,
Сплю, на ладони лежит голова, и колышется туч
пелена.
Стал я подобен тому, кто вдали от дворца
проживал на заоблачной древней вершине,
Или тому, кто шалаш свой построил в Нанъяне,
кого по ночам охраняла луна.
Кажется, сам я стихи после вешних пишу
сновидений,
Строки напевно читаю у Северного окна,
Затемно, свиток свернув, ухожу с галереи,
Жаждой томимый, вино осушаю до дна.
Снова с красавицей вижусь у берега Сяна,
Вижу в ночи журавля, хоть она и темна,
Прямо на землю сырую ложусь, на цветы, на
росистые травы,
Кажется мягкой периной земля, ибо пил я вино
допьяна,
Сплю я, как некий правитель уезда, который
спал при открытом окне под луною ущербной,
Некий Лянь-си, засыпая, болотную курочку
слышал, -так и меня окликает она.
Пусть называют меня как угодно —

ленивцем, искусным в словесности
или блаженным отшельником, — дело мое
сторона.

Любовь к шахматам

Что я на свете люблю ? Только шахматы радость
дарят.
Мне переменчивость нравится в них —
так лишь к облаку тянется взгляд.
Змеи с драконами силу теряют в самый решаю-
щий миг,
Тигры с медведями в схватке упорной сильных
врагов побеждают.
В битву летят колесницы, кони к победе летят.
Воин один, переплывший стремнину, тотчас же
в плен угодит.
Севера с Югом смешались пределы, с рядом ме-
шается ряд.
Все здесь зависит от верного хода,
столько здесь разных преград.
В сонном безмолвии вешнего сада стук раздается
глухой,
В пальцах фигуры снуют из сандала, пряный
плывет аромат.
Жду я гостей, как в саду знаменитом
некогда их ожидал Сыма Вэнь.

*Словно в Бамбуковой галерее шахматы нас и
чаши пьянят.*

*День бесконечен сегодня, гостей отпускать не
хочу.*

*Падают на пол фигуры — в битве разят их
подряд.*

*Медленно ходит служанка, палые листья метет.
Мальчик-слуга из-за шторы глядит, как фигу-
ры скользят.*

*Сколько волнений на этой доске — среди гор,
среди рек,*

*Эта победа намного дороже подвигов, славы,
наград.*

*Как незаметно время прошло, вечер уже
недалек.*

*Все закачалось: луна за окном, курильница,
дым, засыпающий сад.*

*Даже святые в Небесных садах за доскою прово-
дят часы,*

*Юноши знатные, бросив пиры, за доскою в раз-
думье сидят,*

*Иногда лишь слагают стихи, чертят знаки на
стенах и пробуют звонкого кама чарующий лад.*

Тут же, поодаль, сидел в тени, сам дровосек,
учивший человеческой речи дрозда-пересмеш-
ника. А рядом с ним играли в шахматы юные от-
роки.

Завидя Чыонга, он с изумлением молвил:

— Места эти — среди глубоких ущелий и лес-
ных чаш — пустынно всегда и безлюдны, лишь
горные птицы кричат здесь во всю мочь да носят-
ся стремглав лесные звери. Как умудрились вы
добраться сюда? Верно, устали?

— Я — Блюститель чинов и порядка в Прес-
тельном дворце, — сказал Чыонг. — Вы мудры и
учены, и потому велено мне звать вас ко двору.
Там, у подножья, ждет государева колесница,
прошу вас, поторопитесь.

Дровосек засмеялся и ответил:

— Я ведь отшельник, давно удалился от суеты
и избегаю мирского праха. Вверился я травяным
стенам и тростниковой крыше; живу меж луною
и ветром, кормлюсь топором да молотом. И днем
— знакомой дорогой — удаляюсь в « хмельные се-
ления ». У дверей моих не оставляют следов мир-
ские пришельцы, друзья мне — олени с косями
и рыбы с креветками, сообщники — снежно-белый
месяц да цветы, качающиеся на ветру. Одна у
меня лишь забота — одеваться зимой потеплее, а
летом — полегче. Я сплю крепким сном на лианах,
утоляю жажду, черпая из родника, насыщаюсь
дарами гор. Думать не думаю, какой там, на
равнине, царствует дом, кто государь и что у него
за вельможи.

Дровосек пригласил Чыонга остаться в гостях, и подано было угощение: вместо риса — вареные зерна хо, похлебка из кам дай и еще всякие блюда из водяной зелени.

Задушевный их разговор длился допоздна, и каждое слово исполнено было смысла и достойно быть услышанным; но ни разу их речь не коснулась насущных дел и веяний времени.

На другой день Чыонг повторил свое приглашение :

— А ведь в старину не бывало, чтоб мудрецы не желали помочь свершенью мирских дел. Если они и укрывались в потаенных местах, то в ожидание удобного случая. Не потому ли был найден некогда муж, сходный с парсуной, а пашни земли Шан оросила влага ? Не «потому ли рыбак был доставлен на колеснице следом за государем, и брань на поле Му увенчалась полной победой ? Вы же, учитель, свой дух, что дороже камней и злата, и дарованье к делам и советам изъяли из поприща славы и пользы. Вы погребли втуне свои несравненные достоинства среди рыбаков и дровосеков, утаили избранный разум и скрылись среди ручьев и лесных чащ. Но молва о вас все равно достигла престола. Теперь вам самое время сжечь плетеную шляпу и разорвать накидку из

листьев. Смею просить вас, покиньте, как говорится, мощенье плотин в Фуяне и бросьте удище у реки Вэй, — не обманите надежд и чаяний черного люда.

Дровосек отвечал:

— Всякий мудрец волен в своих деяньях! Не оттого ли Янь Сы-лан отказался от должности Блюстителя писем и стольному городу предпочел туманы и волны реки Тун, а Цзян Ба-хуай не дал срисовать с себя парсуну для Сына неба и не опозорил земли Пэнчэн ? Пусть дарованьями уступаю я мудрости древних: к счастью, я еще побогаче Цзянь Лоу и долговечнее Вэй Цзе, посытее Юань Цина и удачливей Фэн Цина, — и, говоря по чести, землею и небом весьма щедро взыскан. Если бы пожелал я не предназначенного судьбою или стал домогаться чинов и почестей, то не только бы осрамился перед древними мудрецами, но и предал живущих в горах гиббонов и журавлей. А потому прошу вас, ступайте, не заводите более ненужных речей.

— Может быть, вы сочли нынешние времена недостойными ваших деяний ? — сказал Чыонг. — Но знайте, на троне сидит Высокомудрый, и все четыре моря взирают на него с упованием. Тямы уступили земли и назвались его вассалами; минское войско, преподнеся дары, просило об отступлении ; а Лао-куа и Дай-ли наперебой изъясляют

покорность. Недостает лишь мудрых отшельников, что, выйдя из чаш и сойдя с гор, помогли б государю сравниться заслугами с Яо и Шунем. Если уж вы решили навеки уйти от мира, как У Гуан или Цзюань-цзы, то быть по сему. Но ежели вас хоть немного еще манят людские дела и вы упустите случай, боюсь, истлеете вместе со здешними-древесами и травами, не дождавшись другого.

Дровосек изменился в лице и сказал:

— Подобные речи уж очень хвастливы, и каждый бы, слыша их, устыдился. Ну, а на троне сейчас не государь ли из дома Хо ?

— Да, так и есть.

— Не он ли покинул град Благодетельного дракона И перебрался к горе Умиротворенных предков ?

— Он самый.

— Пусть ноги моей и не было в городах и не расхаживал я по дворцам и палатам, но я слышан, каков он, наш нынешний государь. Он лжив, коварен и любострастен. Не он ли понуждает народ из последних сил возводить Дворец Золотой вазы и опорожняет до дна казну, пролагая Пестропрекрасную улицу ? Не он ли разбирает парчу и камку, швыряет жемчуга и камня ? Золото для него — что сорные травы, а деньги — как грязь. Это при нем справедливые кары, темница и казни — все отменяется за мзду,

а должности и званья достаются денежным людям ! Его именем награждают льстецов и секут головы тем, кто возвысил голос за правду. Дух народа неспокоен и непрочен, оттого и случилась брань на реке Оматов. Пределы державы не блюдутся как должно, потому и утрачена Башенная земля. А вельможи с чинами — сверху донизу — следуют слепо владыке в большом и в малом. Есть, правда, при дворе Нгуен Банг Кы, ему бы можно довериться, но он медлителен и вял. А прочие кто: Хоанг Хой Кхань вроде всему и обучен, да путаник и тугодум ; Ле Кань Ки хитроумен и ловок, но не способен на важные решения; а Лыу Тхук Кием хоть добронравен, но далеко не праведник. Другие же, все без изъятья, если не корыстолюбцы — то горькие пьяницы, не бездельники и гуляки — то уж наверняка кознодеи, алчущие власти, чтобы свалить других. И нет никого, кто бы замыслил или затеял большое дело на благо народа. Вот я — ушел, удалился, укрылся в лесу на горе, молчу, ни во что не вступая, нет — и этого мало ! Что же, я должен, как говорится, подобрать полы и вброд перейти трясины ? Прошу, возвращайтесь, не тая обиды, и передайте благодарность и отказ отшельника. Невмоготу мне нести дорогие камни с горы Куньшань назад, на ее вершину, чтобы они, как сказано в книге, сгорели вместе с горой !

— Отчего бы это, — спросил Чыонг, — вам, отшельнику, кроткому духом, так упираться ?

— Да я и не упираюсь, — отвечал дровосек. — Просто я презираю велеречивых угодников, — сами тонут в грязном дворцовом омуте, да еще и других тянут с собой в трясины.

Чыонг промолчал, а воротившись, доложил обо всем государю. Хан Тхыонгу это пришлось не по душе; но уж очень хотелось ему увезти отшельника в колеснице, и он снова послал Чыонга за старцем.

Да только, добравшись до места, нашел он пещеру, заросшую густым мхом, все вокруг опутано было колючками, лианами и сучковатыми ветками, напрочь перегородившими путь. Лишь на одном из камней видны были строки стиха, начертанные древесной смолой.

Вот они:

*В заливе, названном Дивная сеть,
поэтический жар оборвется.*

*А у заветной вершины Надежд
опечалится путник душой.*

Проглядывала здесь насмешка, как в виршах поэтов из рода Юань и из рода Во, и очертания: знаков были красивы, как в письменах Лю и Сы ; но, читая их, невозможно было постигнуть смысл.

Хан Тхыонг разгневался и приказал поджечь гору. Гора обгорела, но все равно ничего не было видно; лишь в небе летал и кружился, как в пляске, черный журавль.

А после с двумя государями Хо случилась беда — точь-в-точь, как предсказано было в стихах.

Уж не был ли тот дровосек мудрецом, в совершенстве постигшим истину ?

* * *

Нравоучение. Увы! Дух нам дается, чтоб прозревать грядущее, а разум — дабы утаивать прошлое. Таковы дела Совершенномудрого.

Но дровосек, хоть и был добродетелен, не достиг совершенства. Пусть предсказал он упадок и гибель дома Хо с тою же точностью, как гадатели по траве иль черепашьему панцирю ; на самом же деле не прорицал он грядущее, а пересказал установления неба и свойства души человеческой. Но так уж бывает: велеречие хоть кого-нибудь да убедит.

Однако всего вернее князьям и государям основой, корнем своей власти над двором, над чинами и простым людом сделать справедливые устремленья души и ясный разум; а не дожидаться советов от сторонящихся мира отшельников.

Рассказ о покинутой пагоде в уезде Восточных приливов

Во времена государей из дома Чан, наверно, не было места, где бы не поклонялись нечистым духам, обосновавшимся в буддийских молеельных и храмах — в пагоде Желтой реки и в пагоде Бронзового барабана, в пагодах Умиротворенного жития и Кротчайшего чада, в пагоде Всепроникающего сияния и под навесом Лазурной яшмы. Возведены они были повсюду, а людей, что постриглись в монахи и монахини, было великое множество — чуть ли не половина всех жителей.

Но особо сильны поклоненья эти и верованья были в уезде Восточных приливов — Донг-чиеу. Пагод с часовнями построено было в каждой большой деревне с десятков, а в малых Деревушках по пяти или шести; и были они снаружи обнесены изгородями, а внутри расписаны красным и золотым лаком. Каждый человек, одолеваемый недугом, верил в одно лишь «несуществование» и во

всякое время по всем праздникам у алтарей тесно было от молящихся и приносящих дары. Сам Будда выглядел милосердным и щедрым—молящийся вроде всегда обретал просимое, — и чудотворная сила его слыла безмерной. А потому почитанье и вера людская росли, и смел ли кто в них усомниться!

При государе Зиан Дине из дома Чан война полыхала круглый год. Многие селения были сожжены, а пагод, с часовнями уцелело едва по одной из десятка ; да и те, что остались, брошенные на волю падающих дождей и летучих ветров, поблекли на пустошах, среди диких трав и кустарников, покосились, скособочились, а местами и рухнули

Когда полчища Нго отступили, народ воротился к привычным своим трудам. Служилый человек по имени Ван Ты Лэп прибыл править уездом и, найдя запустение и разруху, тотчас велел податному люду во всех общинах вязать тростник и ладить плетенки, чтобы восстановить хоть часть разрушенного. Просидел он в уезде год и видит: тамошний люд страдает от воровства; пропадает напрочь все, что только возможно съесть, — от кур со свиньями и красногребенчатых уток с гусями до рыб из пруда и плодов из сада. И сказал Ты Лэп самому себе : « Я ведь прибыл оберегать эту землю и управлять ею. Но мне не несут жалобы, по которой я мог бы разобрать злодеяства

воров, видно, нет во мне твердости, чтобы унять их, а робость с уступчивостью только во вред делу. Сам я во всем и виновен ».

Но потом Ты Лэп решил: воровство — это сущий пустяк и не стоит особенных опасений; довольно будет из ночи в ночь отряжать в деревнях тайные дозоры.

Неделя прошла, дозорные никого и в глаза не видели, а воровство продолжалось по-прежнему. Со временем лиходеи, и вовсе утратя страх, стали таскать кувшины с хмельным прямо из кухонь, заходить в дома, приставать к хозяйским женам и детям. Бывало, соседи всем миром нагрянут, окружают их, а они исчезнут неведомо куда.

Узнав об этом, Ты Лэп засмеялся и сказал:

— Зря мы так долго валили все на воров, здесь явно козни чертей и злых духов. От них — вся маета.

И отправился он собирать искусных чародеев и заклинателей, прося усмирить нечисть. Творили они колдовство и заклятья — день ото дня все усерднее, а лихие дела продолжались пуще прежнего. Устрашился Ты Лэп, созвал деревенский люд и стал советоваться:

— Вы ведь в прежние времена поклонялись Будде. Но давно уже, из-за войны, неусердны в молитвах и возжиганье курений, потому он и не

помог вам, не спас от несчастий и бед. Отчего бы вам не отправиться в пагоду и не помолиться Будде ? Вдруг, вам на счастье, это поможет.

Тотчас поспешили люди в часовни и пагоды, зажгли куренья, совершили положенные обряды и начали молиться.

— Мы, недостойные, поклоняемся небесному Будде, давно уверовали мы и всею душой уповаем на данный Буддой закон. Ныне восстали черти и оборотни, изводят не только нас, но и вредят шести бессловесным тварям. Неужто же Будда сидит и молча взирает на это ? Ведь есть в нем жалость и состраданье ? Склоняясь, умоляем явить милосердие и великодушие, чтобы народ не шатался в мыслях, чтоб и люди и твари обрели покой. А мы, недостойные, всем миром будем за то благодарны безмерно. Ведь только улеглись беспорядки и смута, нет у нас самих насущного пропитанья, не на что даже доставить сюда малый кусок древесины иль изразец черепицы! Но обещаем, когда заживем мы богаче, почтительно подновить и отстроить часовни и пагоды в награду за нынешнее благодеяние.

Той же ночью случилось воровство еще злее прежних. Ты Лэп не знал, как дальше и быть. Но тут услышал он о просвещенном Выонге в уезде

Ким-тхань (Золотая крепость), отменно гадавшем по книге «Ицзин», и тотчас отправился узнать, что он предскажет.

Просвещенный Выонг, закончив гаданье, сказал:

*С колчаном кожаным,
Полным стрел,
На добром коне,
Летящем, как птица,
Одетый в холицовый
Наряд стрелка,—
Прискачет всадник,
И чудо свершится.*

И так объяснил свои слова:

— Если хотите избавиться от напасти, завтра же поутру, выйдя налево из уездных ворот, отправляйтесь в южную сторону. Когда увидите человека, одетого и снаряженного, как сказано, знайте, именно он может изгнать нечисть. Просите его, зовите, не слушайте никаких отказов.

На другой день Ты Лэп вместе со старцами сделали все, как сказал просвещенный Выонг. Они глядели во все глаза, — дорога заполнялась прохожими, но не было между ними ни одного подходящего.

Солнце клонилось уже к закату, и они, приуныв, едва не собрались обратно; но тут появился с гор человек верхом на коне, в полотняной одежде, с

луком за спиной. Бросились они к нему и прекло-
нили колени. Человек этот изумился и стал их
расспрашивать, тут они—все разом—выложили
свою просьбу.

— Ну можно ли так полагаться на прорица-
нья! — засмеялся всадник. — Я с малых лет зани-
маюсь охотой, не покидаю седла, не выпускаю из-
рук лука. Вчера услышал я, будто бы на горе
Кротчайшего родителя полным-полно жирных
олений и добрых зайцев, и вот решил поохотиться.
Откуда мне знать, как ставят алтари и колдуют?
А стрелять по бесплотным духам я не умею!

Ты Лэп про себя решил: человек этот знатный
чудотворец, но чурается славы волшебника, боясь
излишних хлопот, и живет себе беззаботно в горах
в обличье стрелка и наездника.

Тотчас он стал зазывать и просить его всячески.
Человек видит, не отказаться ему никак, и не-
хотя дал согласие. Пригласил его Ты Лэж в уезд,
на постоянный двор, а там уж готово ложе под
пологом с циновками и тюфяком. Убрано все
богато, уход за ним и уважение, словно бы он —
святой.

«Они принимают меня с таким почтеньем, —
подумал гость, — считая великим чародеем. Но
ведь на самом деле я ничего в этом не смыслю.

Чем отплачу я им за заботу? Да и зачем мне в
это ввязываться? Если вовремя не оберегусь, не
скроюсь, настанет день моего позора».

Долго не медля, около полуночи, когда все во-
круг сладко спали, он потихоньку покинул уезд.
Направился он на закат и достиг дощатого Моста.
Небо было туманным и темным, поздняя луна
еще не взошла. И вдруг он видит: какие-то люди
огромного роста, весело перекликаясь, подни-
маются с поля. Спрятался он в укромном месте
и решил посидеть в засаде, покуда не выяснит,
что они там затеяли. А пришельцы мгновенье
спустя сунули в пруд ручищи, взбаламутили
воду и давай хватать без разбора рыбу большую и
малую. Мечут ее в отверстия рты, жуют, загла-
тывают и вдобавок, поглядывая друг на друга,
приговаривают со смехом:

— А рыбешка-то хоть куда! Вот так, с толком
да не торопясь, и расчувствуешь вкус. Еда эта
будет получше цветов да курений, которыми вечно
они йас потчуют! Жаль, не довелось ее раньше
попробовать.

А один, хохоча, воскликнул:

— Право слово, головы наши велики, да глупы!
Сколько времени нас люди обманывали. Если уж
и расщедрится кто из них да притащит жертвен-
ный рис, все одно — отсыплет тебе ле-другой, не
больше, а ты изволь умудрись набить себе брюхо,

куда и тысяча канов спрячется. Да еще карауль им вечно у входа. Не будь у нас таких славных деньков и продолжайся наш пост по-прежнему, жизнь поистине ничего бы не стоила !

Другой, сказал:

— А я — так и раньше едал скромное ; не был, как вы, целомудренным. Да вот беда, народ обеднел вовсе, нечем даже меня одарить. В брюхе — ничего, во рту — пусто. Я уже забыл, чем мясо-то пахнет, точь-в-точь как святой Конфуций, когда он в земле Ци три месяца не касался к мясному. Что-то сегодня ночь холодна и вода студена, боюсь, нам здесь долго не выстоять. Не лучше ли дочиста выдрать в саду сахарный тростник, подражая древнему Военачальнику Тигриной головы !

И повели они друг друга в сад, где рос сахарный тростник, начали выдерживать его, обдирать кожурку и высасывать сок.

Тут человек, сидевший в засаде, наложил стрелу, натянул тетиву и, выстрелив внезапно, пронзил сразу двоих. Грабители заголосили, бросились прочь и, пробежав десяток-другой шагов, все куда-то исчезли.

Была лишь слышна их перебранка:

— Говорил ведь, нынче и день дурной, и час, не надо ходить! Не послушались, пеняйте теперь на себя !

Человек тогда криком стал созывать народ.. Люди в деревне переполошились, вскочили, за-светили фонари, зажгли факелы и, разделясь, побежали в погоню по разным дорогам..

При свете увидали они на земле кровавый след и тотчас пустились по нему — прямиком на закат. Пройдя более половины зама, достигли они заброшенной пагоды, вошли и видят : стоят, покосившись, посреди пагоды изваянья обоих Стражей истинного пути, а спина у каждого глубоко пробита стрелой. Начали люди качать головами да прищелкивать языком: чудное, мол; дело, такого еще не бывало. Навалились они и опрокинули оба изваяния наземь.

Тут послышался чей-то странный, голос :

— Захотели брюхо набить... Думали-ль, что от этого рассыплемся в прах ? А ведь всему виной этот старый олух. — Водяной дух. Втравил нас в беду, а сам небось спасся. Мы же из-за него погибаем. Горе нам, горе !

Послали тогда часть людей в храм Водяного духа. А там стоит истукан из глины. Вдруг видят : обличье его изменилось, лицо сделалось иссиня-бледным, словно его окропили индиго, а на губах налипла рыба чешуя. Тотчас разнесли и этого истукана.

Правитель уезда Ван Ты Лэп опорожнил все лари и сундуки, чтобы отплатить тому человеку

за его благодеянье, и он, отягченный, отправился восвояси. А нечисти с той поры не видно было нигде и следа.

* * *

Нравоучение. Увы! Учение Будды поистине бесполезно и даже весьма вредоносно. Послушаешь громкие слова — вроде бы сострадание и доброты всеобъемлющи, а станешь доискиваться воздаянья — все очень туманно и ускользает, как ветер меж пальцев. Но ведь почтение и вера людей дошли до того, что многие разорялись дотла, жертвуя на пагоды.

Взглянем на это суровым и беспристрастным оком: ежели в полуразваленной пагоде творились такие бесчинства, сколько же зла и бед в красивых и шумных храмах, где теснятся молящиеся!

И все ж, сколько бы раз благой государь или добронравный военачальник ни пытались искоренить ложную веру, им это не удавалось. Ибо среди почитаемых и просвещенных мудрецов всегда находились ее приверженцы, подобные хаук ши по имени Су в правление дома Сун, или чанг нгуену из рода Лыонг у нас при государях Ле.

Такое могло бы случиться, лишь уродись сотни мужей вроде Хань Чан-ли да соберись они воедино. Нагрянули бы, спалили все книги и захватили дома.

Рассказ
о девице по имени Туи Тиеу

Муж родом из земли Киен-хынг (Зримое благополучие) по имени Зы Ньюан Ти, прозванный Новым творением, был известен умением слагать стихи, а особенно песни. В столице распространялось благоуханье его славы, и лицедеи с певцами за каждую сочиненную им песнь дарили ему великие деньги. На исходе лет Унаследованного изобилия, при государях из дома Чан, явился Зы по какому-то делу на прием к военачальнику округа Верной реки—Ланг-зианг, звали его Нгуен Чунг Нган.

Тот, узнав о приходе Зы, поспешил ему навстречу и учинил роскошный пир в Плавучем чертоге зеленой яшмы, вызвав туда более десятка певиц, дабы пеньем своим и плясками, потешал пирующих. Была среди них и прекрасная собою девица по имени Туи Тиеу — Пьянящий шелк. Сиятельный Нгуен спросил Зы:

— Не приглянулась ли вам какая из них? Которая из девиц вам по сердцу, ту и прошу принять от меня в подарок.

Вновь зазвучала музыка, и Зы прочитал нараспев такие стихи:

*Сколько здесь лотосов белых прошло,
чудом возникли на миг,
Их неземные чисты голоса,
светел божественный лик.
Разгорячил нас напиток пьянящий,
Шелк охладил белоснежный.
Нежный напев из страны Цзяннань
в душу волнением проник.*

Сиятельный Нгуен, смеясь, обратился к Туи Тиеу:

— Итак, учитель отметил тебя перед всеми.

Зы в тот день захмелел до беспамятства и, очнувшись уже среди ночи, видит: Туи Тиеу сидит подле него. Возблагодарил он в душе несказанно сиятельного Нгуена, а поутру, прежде чем уйти восвояси, отправился выразить ему свою признательность...

— Девица эта, — сказал сиятельный Нгуен, — весьма хороша и изысканна, берите ее, учитель, и любите как должно.

Зы тотчас и увез ее в Киен-хынг. Туи Тиеу, одаренная ясным умом, всякий раз, когда Зы

читал книги, тоже училась украдкой и вскоре весьма преуспела. Тогда он принес сочиненья о составлении писем и ответов и стал обучать Туи Тиеу. Года не прошло, как она повела всю его переписку.

В год, на котором в месяцеслове сошлись знаки Земли и Пса, Зы, намереваясь держать испытанья в столице, уложил вещи и собрался в дорогу; но, не в силах расстаться с Тиу Тиеу, взял с собой и ее. Добравшись до места, сняли они себе жилье в квартале Мира и согласия, подле речного устья.

Однажды, в первый день нового года Туи Тиеу подбила подружек отправиться в пагоду у башни Небесного воздаяния и воскурить благовония пред изваянием Будды. В эту же пору вельможа из рода Тхэн, пожалованный званьем «Опора державы», гулял переодетый по улицам и, увидав красоту Туи Тиеу, силой увлек ее в свой дом.

Зы подал жалобу на государево имя, но род Тхэн был влиятелен и силен, и потому суды и палаты избегали выносить свой приговор, а судьи откладывали кисти, не смея вникать в эту тяжбу.

Вконец опечаленный, он и думать забыл про науки да испытанья. Однажды шел он понурясь за город и повстречал множество всадников. Они

любовались цветами и теперь возвращались в столицу. Впереди голосили глашатаи, позади двигалась стража. Вид у всех был торжественный и важный; дорогие заколки и булавки градом сыпались на дорогу, повсюду переливался багрянец. Под конец Зы увидел Туи Тиеу: восседая в носилках, затянутых цветастым шелком, она проплывала под ивами.

Хотел он броситься к ней, но окружали ее люди именитые и знатные; оробел он и лишь проводил ее страстным взглядом. Слезы ручьями побежали по его лицу, и он не промолвил ни слова.

Туи Тиеу прежде завела себе двух дроздов-пересмешников, и вот однажды Зы, указуя на них перстом, сказал:

— Хорошо вам, малые твари, всякий день милуетесь друг с дружкой, не то что я — маюсь на пустой и холодной подушке. Отчего бы вам не расправить крылья и не доставить любимой мое письмо?

Дрозд, услышав его, закричал и запрыгал, вроде бы собираясь в путь. Тотчас Зы написал письмо и привязал к птичьей лапке. В письме говорилось:
*Вчера промелькнули под ветками ивы так быстро
носилки,*

Что мы не успели обмолвиться словом:

*Несчастные, слезы тайком мы стирали, страдая в
разлуке.*

*Теперь нас туманная ночь разделяет, а были мы
вместе.*

*Жилище вельможи хранят бесконечные двери,
замки и засовы.*

*И утром печалимся и вечерами страдаем в тоске
друг по другу.*

*Ведь старое чувство — оно не слабеет.
Тоска и отчаянье связаны в узел.*

*Читая стихи, вспоминаю тот праздник, где мы
повстречались,*

*И голос — твой голос, высокий и чистый,
И неповторимую снова я слышу мелодию дана.
Мой дар драгоценный! Впервые домой тебя вел
я в тот вечер.*

*Еще наша страсть не успела вполне разгореться.
Так рано с тобою нас лезвие зла разделило.
Крик дикого гуся печален, и ласточек щебет не-
весел.*

*И тучи над землями Цинь небосклон застилают.
Стемнеет — в глубокой тоске раздвигаю наш полог
парчовый,*

*Прижмусь к твоему одеялу, холодную ткань об-
нимаю.*

*Где наши утехи на ложе лиловом под пологом
алым?*

Я так одинок, так мне грустно в покое для чтения.
Сверчка стрекотанье и дождь — как созвучны две
эти печали!

За тонкой стеной безысходность и холод.
С утра перелетные гуси рыдают,
кричат в непроглядном тумане.
Грустит вечерами свирель одиноко, и по ветру
стелются звуки.

Молчу, чтоб страдания скрыть, слово мне вымол-
вить трудно.

И только над книгами молча склоняюсь.
Ни в чем не могу я найти утешенья.
Но как же унять эту боль, эту муку?
Но как же мне доступ найти во дворец
ненавистного мне царедворца ?

Где храбрый Кун-но или Сюй Цзюнь знаменитый ?
Ну как же вернуть мне мою драгоценную яшму ?
Как мне донести до тебя мои тайные мысли ?
Я этой бумаги клочок посылаю,
Ему лишь могу я доверить печали.

Дрозд улетел и опустился у полога близ ложа
Туи Тиеу. Она, прочитав письмо, тотчас раскрыла
бумажный листок — на подобном когда-то писала
Сюэ Тао и, обмакнув в тушечницу кисть, сравни-
мую по совершенству с кистью из Линьчуаня, на-
писала ответ. В письме говорилось :

Я бедная девушка Туи Тиеу, в простой родилась
я семье.

Росла я, друзья меня песням учили.
Училась приятному я обхождению,
Постигла тайны игры на дане, напеву страны Хэси.
Но никогда еще из раболепства, как Мэн Гуан,
я не поднимала до самых бровей поднос.

Могла ли я знать, где опору найду
И кто мне когда-нибудь счастье вручит ?
Игрою на каме, как древле Чан Цин знаменитый,
никто еще сердце мое не сумел полонить.

Я чтитала высокий талант стихотворца Ду Му за
стихи о красавицах юных, цветущих в покоях
дворца.

Зерно — к янтарю, железо — к магниту, а я потя-
нулась к тебе,
К тебе я, счастливая, прислонилась, как стебелек
маниока к сосне.

Чудом была наша встреча, как будто в Обители
духов случилась она.

Но так же, как в давнее время другую,
меня на дороге похитил злодей,
И мы, друг для друга рожденные,
стали отныне несчастнейшими из живых,
И счастье для нас обернулось несчастьем и худ-
шим из зол,

Сношу я позор и обиду терплю,

*Робею, страшусь я ударов судьбы.
Я пищу вкушаю и сплю по ночам, потому что
 страшусь умереть, никогда не увидев тебя.
Разлука не в силах любовь мою вырвать из сердца,
 веке не в силах она мою память убить.
Я так изменилась в разлуке, я стала другой,
Волос не чешу, а к помаде и не прикоснусь,
Светильник мой гаснет, и вечною стала пора не-
 погожей весны.
А в зеркало гляну : сквозь слезы —морщины,
 Я больше не в силах глядеть.
Но птица мне весть принесла, и надеюсь опять,
Хоть горечь разлуки, увы, нестерпима для нас.
Хань Хэн написал, что поломаны ветви у ивы и
 ствол,.
Но снова жемчужницы к старым прибьет берегам.
Тревоги меня одолели, печали и страхи...
Но как все могу я в письме описать !..*

С этого дня Туи Тиеу, опечалась вконец, занемогла. Вельможа в званье «Опора державы» спросил у нее:

— Ты, верно, томишься по тому юнцу, торговавшему стихами ?

— Само собою, — отвечала она, — узы страсти еще не распались, горе не стало легче, клятва не разлучаться друг с другом еще не поблекла, хоть и нарушен обет жить и состариться вместе. Нынче,

увы, как говорится, над землею Чу дождь, а в Яне — солнце; ивы увяли, а персики свежи! Тяжко безмолвье разлуки, горе и скорбь безысходны ! И потому еще в древности некая женщина, презирая богатство и знатность, горевала о бедном лепешнике, а другая, отвергнув мирские утехи, бросилась с галереи наземь. О, как они были правы !

И с этими словами она вознамерилась сдаться себе горло платком и умереть. Тогда вельможа, кривя душою, сказал:

— Мы и сами частенько задумывались об этом. Утешься же и озаботься исцелением плоти; рано или поздно пригласим Мы сюда поэта Зы Ньюан Ти, дабы продлилась твоя давняя любовь. Ведь ты ни в чем не повинна. Отчего же, отвергая предначертанья судьбы, ты ищешь бессмысленной смерти?

— О, если так — отвечала она, — позвольте мне, ваша милость, согласиться с дарованным обещанием. Ежели нет, жизнь моя сегодня и оборвется !

Вельможа в званье «Опора державы», не в силах противиться, пригласил к себе Зы, посулил возвратить ему Туи Тиеу и объявил:

— Мы при дворе достигли высочайших должностей и званий ; власть Наша велика, жалованье обильно. На угощение гостей Мы что ни день изводим не один амбар риса. Мы пригласили вас

безо всякого злого умысла. Где вам взять деньги на прожитие, когда в столице рис не дешевле жемчуга, а дрова — в цене коричневого дерева? Не лучше ли вам, коль не боитесь молвы, поселиться здесь во избежанье расходов?

Тотчас распорядился он прибрать небольшой покой, где Зы мог бы читать книги и всякий день посылал к нему Для услуг молоденькую служанку. А когда в доме затевался пир, хозяин неизменно приглашал и Зы.

Вельможа всегда встречал его сладкими словами; однако о возвращенье Туи Тиеу не было и речи. Как-то Зы обиняками завел о том разговор. Но вельможа не согласился с гостем и сказал:

— В любовных делах все одинаковы. И, думаем Мы, она тоскует по вас, точь-в-точь как и вы по ней. Но ведь она совсем недавно хворала и потому не может встретиться с вами. Потерпите немного, куда вам торопиться.

А Туи Тиеу, узнав о переезде Зы, только и чаяла с ним увидеться. Но в доме было такое множество служанок, наложниц и младших жен и такой за всеми велся неусыпный надзор, что случая ей не представилось.

Однажды, когда вечерний прием во дворце еще не закончился, а дома служанки, наложницы и

младшие жены отошли ко сну, Туи Тиеу прокрадась украдкой в книжный покой возлюбленного. Сам он, увы, отлучился куда-то, но она увидала начертанные на стене два стихотворения. Вот они:

*Возле крыльца на замшелых камнях
старые туфли стоят.
Холод проник в приоткрытую дверь,
дом этой стужей обьят.
Всюду глухое безмолвье царит.
Где она, синяя птица?
Нет ни души на пустынном дворе.
Солнце плывет на закат.*

II

*Холодом скован, лунный дворец
в хмуром пустынном краю.
Заперты двери. Когда же опять
фею увижу мою?
Знаю, не хватит мне нежных слов,
их растерял я в разлуке,
И, ничего не в силах сказать,
слезы напрасно лью.*

Она собралась было начертать — тем же размером — два ответных стиха; но тут послышался шум у ворот: это вельможа воротился домой из дворца; и ей, понятное дело, стало не до стихов.

Тогда подослала она в покой, где жил Зы, свою ближайшую служанку по имени Киеу Оань — Прелесть и чистота, и та попросилась остаться у него на ночь. Зы стал прогонять ее прочь, но Киеу Оань сказала:

— Госпожа моя, Туи Тиеу, нарочно прислала меня сюда. Зная, как горюет одинокий ее супруг, госпожа велела угодать вам на ложе, словно бы это она сама была подле вас.

Зы согласился. С этого дня известия из женских покоев доходили к нему и от него к возлюбленной без промедленья.

А тем временем приспела новогодняя ночь, и Зы, улучив мгновение, обратился к вельможе в званье «Опора державы» с такой речью:

— Влекомый возвышенной страстью, поселился я в вашем доме. Но вижу, увы, что скорее, как говорится, обмерю пядью великую гору У, чем услышу отрадную весть. А дни бегут, месяц уходит за месяцем, и скоро году конец. Я уж не смею и заводить речь о возвращении жемчуга. Прошу дозволения хоть из-за шторы взглянуть на нее, перемолвиться словом и распроститься.

Вельможа согласился с ним и сказал:

— Еще день-другой, и наступит благая ночь, И мы намерены уподобиться И Чэну, даровавшему свободу Цзинь Кэ, или Чан-ли, который отпустил прекрасную Лю-чжи. Решили Мы не препятствовать чужой любви и усладить вашей радостью Наше зренье и слух.

Зы, ответив согласием, удалился.

Едва настала условленная ночь, зажег он светильник и присел, томясь ожиданьем.

На исходе первой стражи услышал он вдруг из-за купы бамбуков стук деревянных подошв и растворил навстречу двери. Но это была служанка в синем платье. Зы спросил, что ей надобно, оказалось: она принесла чай.

Прошло время, и снова услышал он шорох там, где росли цветы; приподнявши полы, поспешил он узнать, кто идет, и увидел на сей раз отрока-слугу.

Ждал он и ждал, время перевалило за полночь, а Туи Тиеу не появлялась. Тут он и вовсе отчаялся.

На другой день Зы сказал Киеу Оань:

— Будь добра, передай госпоже: ослепленный любовью, поверил я лживым словам. Ах, ежели нам не дадут и единого раза увидеться и перемолвиться словом, тщетно надеяться, что когда-нибудь снимут запоры и отпустят ее на волю! Останься

я здесь и дольше, сердце мое — рано иль поздно — вспыхнет от ревности, затею лихое дело и загублю последнюю нашу надежду, а они все одно своего добьются. Нет, прочь! Прочь отсюда! Кто же, ища дорогую жемчужину, уляжется перед пастью Черного дракона?

Но Туи Тиеу вновь отослала к нему Киеу Оань с такими словами:

— Если еще задержалась я в этой жизни и не умертвила себя, подобно Люй Чжу, так оттого, что ты был рядом. Но ты решил уйти. Неужто расстанемся, ни о чем не условясь? Слыхала я, есть старый обычай, любезный и нынешним государям: в первую новогоднюю ночь поджигать шутихи и огненное древо на берегу реки. Столичный люд набивается туда поглазеть на огни — не пройти, не продохнуть. Если не охладел ты ко мне и не хочешь меня покинуть, будем в ту ночь дожидаться друг друга. Это—единственный случай для феникса соединить разбитые узы супружества. Прошу тебя — не уходи!

И Зы тотчас решился.

Вельможа в званье «Опора державы», узнав, что Зы просит его отпустить, вздохнул с облегчением и, не скупясь, подарил на прощание много денег и шелку.

Зы удалился с тяжелой ношей. По дороге встретил он старого своего слугу.

— Отчего ты так исхудал — сам на себя не похож? Какое у тебя горе? — спросил тот.

Зы открыл ему все и рассказал об обещанье Туи Тиеу.

— Дело твое, — сказал старый слуга, — легче легкого. Позволь, я тебе помогу.

В первый день нового года хозяин и слуга отправились вместе к Восточной пристани и, само собою, увидели Туи Тиеу, стоявшую на берегу. Старый слуга тотчас приблизился к ней тихонько, достал из рукава железную дубинку и давай молотить без разбору окружавших ее слуг. Носильщики, отроки с зонтами и балдахинами разбежались кто куда, а старик подхватил Туи Тиеу и унес.

Завидев друг друга, влюбленные смеялись и плакали. Потом испугались, как бы вельможа, узнав обо всем, не пустился в погоню и не настиг их. Туи Тиеу сказала:

— Он подл и труслив и, встретясь с врагом, как некогда Вэй или Хо, побежит, крича от страха. У дверей его вечно толпятся люди, дом его доверху набит золотом, серебром и дорогими камнями — одному лишь пожару под силу извести его достоянье. Преступленьям его нет счета? Он погряз в злодеяниях, и долго такое продлиться не может. Однако пока его род влиятелен и богат, нам надо

остерегаться. Самое лучшее — скроем свое обличье и заметем следы, затаившись в деревне; во избежание беды укроемся от чужих глаз.

Зы признал ее правоту, и тотчас они втайне спустились в округ Небесной вечности (Тхиен-чионг) и поселились в доме у своего друга из рода Ха.

На седьмой год Великого правления вельможа в звание «Опора державы» был предан суду за хищения и незаконные траты. А Зы воротился в столицу, удостоился на испытаньях степени тиен ши, и они с женою вместе состарились.

* * *

Нравоучение. Увы ! Государь, верный своему долгу, постыдится иметь подданным неверного человека, а достойный муж, верный своему долгу, постыдится взять в жены неверную женщину.

Но Туи Тиеу, певица и лицедейка, не была добродетельней, и непостижимо, отчего Нюан Ти так страстно ее любил. За ее доброту ? Но ведь она, как говорится, едва перестав быть супругой Чыонга, стала соложницей Ли. За ее красоту ? Но ведь, как говорят, стоит покончить с сомнениями в Сяцае, вновь заблуждаешься в Янчене.

Вот так, недооценивая значенье житейских дел, терпишь позор и поношение, живя с дурным человеком; гладишь голову тигра, касаешься его усов, а там — еще самую малость — и угодишь к нему в пасть.

Таков и Нюан Ти, человек поистине темный и недалекий.

Рассказ о ночном пире
у реки Полноводный проток

В год, на котором в месяцеслове сошлись знаки Огня и Тигра, государь Чан Фе Де выехал на охоту и, остановясь на северном берегу Полноводного протока, ночью устроил пир за ткаными завесами.

Тем временем некий Лис направился от подножия гор в южную сторону и, повстречав старого Гиббона, сказал :

— Государь наш Великолепное согласие выехал в лес на охоту и всех нас, само собой, приметит. Отныне судьбы зверей и птиц подвешены на тетиве его лука. Если не выпадет вовремя иней и запоздает ветер, нам грозит смерть. Вот и решил я, найдя подходящее слово, остановить охоту. Не согласитесь ли и вы пойти вместе со мною ?

Старый Гиббон ответил:

— Ежели вы и впрямь смогли б убедить их словами, это поистине было б прекрасно. Но боюсь, словопрения останутся бесплодными. Как

бы вдобавок они не заподозрили нас обоих, — нам ведь тогда не спастись от беды, вспыхнет она огнем и разлетится поветрием. Или неведом вам давний случай с деревянным столпом у могилы и лисом-оборотнем ?

— Люди, что едут охотиться с государем, — сказал Лис, — большею частью — воины ; нутро их не полнится знанием всех существ и сущностей, как у Чжан Хуа, а взгляд не проникает ввысь, вглубь и вдаль, как у Цзинь Цзяо. Оттого, я считаю, нам нечего и опасаться.

Тотчас они обернулись двумя мужами и отправились в путь.

Один назвался превзошедшим окружные испытанья ученым из рода Виен (что созвучно со словом « гиббон »), а другой — бросившим службу неправым властям книжником из семьи Хо (что созвучно со словом « лис »).

Среди ночи постучались они в загородный дворец и просили придворного евнуха доложить о них государю в таких словах:

— Слыхали мы, царствует ныне всеблагий мудрец. Земля и небо ясны и чисты, пресветлый повелитель совершенствует нравы, и даже звери с птицами живут в покое и радости. Попеченьями божественно-высочайшего открылась ныне пора великого счастья. Не должно ли ныне владыке людей и тварей, простерев свои сети, заполнить

добронравных и, расставив тенета, добыть просвещенных ?

Не подобает, как говорится, вымыв голову, стянуть волосы тугим кругом и, взойдя на колесницу, уступить место по левую руку ? Не следует ли, разослав повозки четверкою по глухим весям, уловить благородных и, щедрым весельем - да скромным словом встречая мудрейших отшельников, собрать во дворце достойных помощников ? Давно уж пора поручить им заботу о благе народа и устремить течение жизни в пределы долголетия и добродетели. Не к лицу ему охотиться на медведей и травить зайцев, пренебрегая исконным делом правителя !

Но государь, совсем уже захмелев и желая уйти на покой, велел канцлеру Куй Ли принять их обоих под навесом для гостей и объяснить :

— Охота, мол, давнее дело, и смысла нет от нее отказываться.

Хо сказал на это :

— В древности учиняли облавы на слонов с носорогами во избежанье вреда и потравы, а царские охоты весною и осенью затевали для боевой потехи. На полеванье в Вэйян выезжали ради старца, а не за медведем или тигром ; великий лов в Юйжене задумал был для обозренья войск ; а стрельбу в Чжаняне учинили единственно для искоренения хищного зверя.

Вы же все переиначили: лето — пора тяжелых трудов и для потехи не время. Рисовые поля, которые топчут алчные ловцы,—для нее не место. И суета, когда они мечутся, окружая топи и выжигая чащи, — не дело ! Отчего бы вам, господин мой, не доложить обо всем Просветленному, не убедить его повернуть поскорей государеву колесницу для успокоенья людей и тварей ?

— Незачем, — отвечал Куй Ли.

— Я ведь жалею малых птиц и слабых зверушек, — сказал Лис, — за них и прошу. Ну, а твари поумнее да посноровистей, не станут ждать своей участи, рассевшись по деревьям ! Убегут подальше, улетят повыше — на полдень, за Южные горы, на полночь, за Северные кряжи.

— Государь нынче выехал в поле не за зверем и не за птицею, — объяснил Куй Ли. — Слух прошел, будто здесь обитает тысячелетний лис-оборотень и государь намерен его истребить, чтоб нечисти впредь неповадно было чинить свои злые козни. И ничего более.

Виен искоса глянул на Хо и усмехнулся. Куй Ли, заметив это, спросил, в чем дело, тогда Хо ему ответил :

— На большаках и проселках проходу нет от разбойников и лиходеев. Разве время сейчас выискивать лисьи следы !

Куй Ли спросил :

— Куда это вы клоните ?

— Спокойствие и добродетель отнюдь еще не повсеместны, — ответил Хо, — в пределах державы нет мира : на юге бешеный пес Бонг Нга кусается без разбору ; на северо-западе изголодавшийся тигр Ли Ин ревет громоподобно ; безумец Нго Бе покорен, но Небесный конь все еще где-то таится в тиши. Отчего всеблагий мудрец не натянет тетиву лука, почему Сын неба не обнажит меч ? Не лучше ли милосердием умиротворить разбойников, а справедливость сделать своим рулевым веслом ; отважных воителей уподобить своим клыкам и когтям, а из верности сотворить панцирь и шлем ? Не следует ли мудро напоминать о темницах с решетками, держа в узде своенравных военачальников, а равно острить и править луки со стрелами, грозя непокорным соседям, — не пора ли положить конец мятежам, заточить бунтарей в клетки, доставить под стражей в столицу и утвердить повсюду сияющую чистоту ! Зачем, бросив важные дела в небрежении, маяться с охотничьими заботами ? Да настреляй вы хоть целую гору зверья и птицы, уважать вас за то мы всё едино не станем.

Куй Ли, услышав его, возрадовался в душе:

— Ну вот, затея и удалась !

Наполнив и осушив чаши, завели они откровенный разговор, и струился он плавно, как ручей, не слабея и не иссякая.

Наконец Куй Ли сказал :

— Не раз вел я споры с мужами из Срединной империи или из Тямпы и никогда никому не уступал, а с вами двумя вконец сбился с толку. Если вы не горные духи, не оборотни лесные, откуда у вас этакое острословье?

Гости, рассерженные, отвечали:

— Вам бы, канцлеру, выдвигать достойных для служенья державе, а вы ревнуете к добронравным и ненавидите взысканных талантом. Таков ли смысл книги « Шуцзин », где сказано : « Ежели у кого другого есть талант, считай — он есть у тебя самого ».

Куй Ли, изменяясь в лице, просил прощения и стал их успокаивать:

— Думаю, ныне среди живущих мужи, подобные вам, великая редкость. Отчего бы не сжечь вам накидки и шляпы из листьев, не распроститься с креветками да раками и, как говорится, изогнув туловище дракона Великого Южного моря, не ускорить бег Пан Тунова « Скакуна Тысячи ли », чтоб, совершая подвиги, навеки оставить по себе добрую славу. Ради чего чахнуть и умирать в потаенной пещере — неизвестными для людей ?

Гости, рассмеявшись, сказали:

— Ютимся мы в чашах, а жилье наше скрыто
среди туч ; спим на подстилках из мягкой травы
к утоляем жажду ключевой водой, что слаще
вина.

Ступаем мы по цветам и травам, дружим с
оленьями и ланями; жуем плоды туи и грызем
сосновые шишки.

Отрешенные от житейских пут, прославляем в
стихах луну и воспеваем ветер. Да мы и думать
не думаем о бремени мирских дел, нам ради них
и волосинку-то выдрать лень.

— Мы ведь вольны во всем и не связаны ника-
кими узами, — продолжали гости. — Давно увле-
каясь стихосложением, оглашаем напевными стро-
фами наши пещеры. Ужель этой ночью, благодар-
ные вам за угощение, не сочиним мы, как должно,
стихов?

Хо прочитал тотчас такое стихотворенье :

*Горный поток, прозрачен и свеж,
светится голубизной.*

*Стоит ли здесь о богатстве мечтать,
тешиться славой мирской ?*

*В суетном мире на каждом шагу
подстерегают тревоги.*

*Здесь же, в пещере, привольно житье,
нега царит и покой.*

*Луч предзакатный светом своим
кручи и лес оживляет.*

*Ночи промозглы, и слышен вдали
бой барабанов ночной.*

*В плотном тумане не видно следов,
даже тропы не найдете.*

*Связаны наши сердца до конца
с этой глухой стороной.*

А Виен следом за ним прочитал такие стихи:

*В сотнях ущелий сотни ручьев
в общий струятся поток.*

*Куда бы здесь ни направились мы —
на запад иль на восток, —*

*Бродим ли мы по пустынным горам,
грозыным исхлестаны ливнем,*

*Или стоим над стремниной, когда
легкий сквозит ветерок.*

*Или когда над рекой Сяосян
горестным криком исходит*

*Голос того, кто когда-то рыдал,
глядя, как целит стрелок,*

*В гроте глубоком, в чаще лесной,
всюду приют отыщем,*

*Всюду найдется в родимых горах
место вдали от тревог.*

Дочитав стихи, проотились они и ушли прочь.

Куй Ли тайно послал соглядатая за ними следом, и тот увидал: поднявшись почти до середины горного склона, оба преобразились — один в Лиса, другой в Гиббона — и исчезли.

* * *

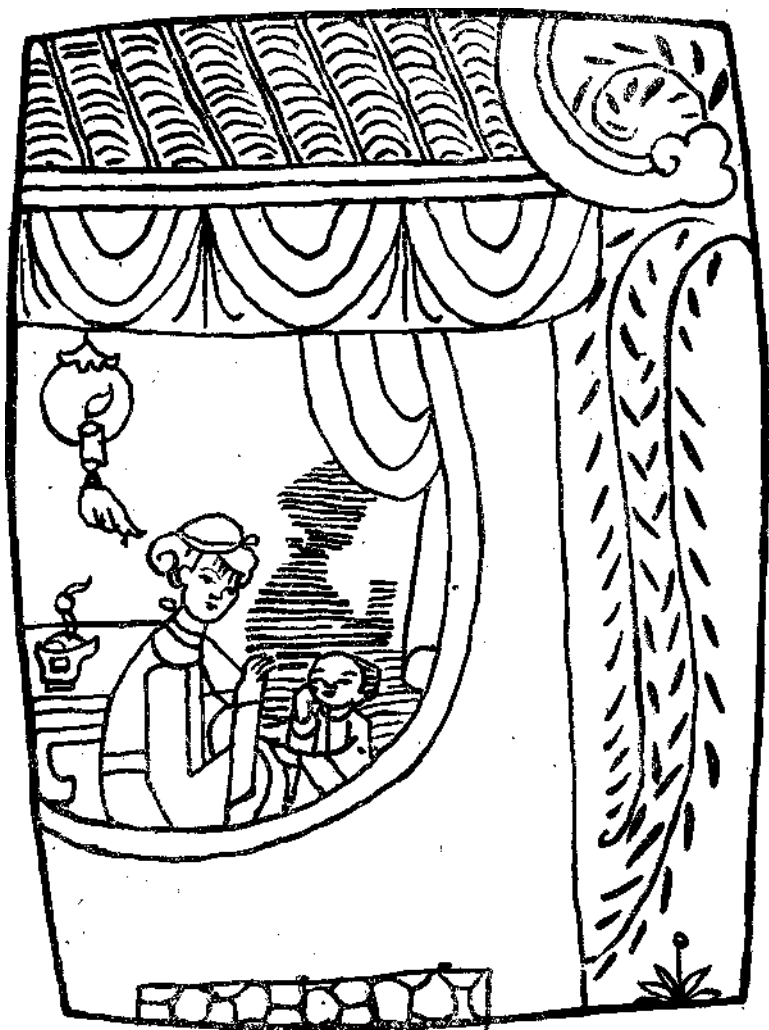
Нравоучение. Увы! Небо с землей, порождая все живое, были особо щедры к людям, и оттого мы чудодейственным разумом превосходим десять тысяч иных тварей.

Пусть феникс — священная птица, а единорог — милосердное существо, оба они — животные; не более!

Отчего же тогда в словопрениях у Полноводного протока человек уступил животным? Да ведь духовная сущность Куй Ли была несовершенной, оттого злые духи в зверином обличье и смогли над ним посмеяться. Будь он правдив, как Вэй Юань-чжун, и верен, как Ч-жан Мао-сянь, звери бы вняли его речам и, погорячившись напрасно, не смели перечить и спорить.

Ах, когда воды реки Цанлан прозрачны, мы полощем в ней шляпы, а когда они мутны — омываем ноги; все ведь зависит от нас самих.

Рассказ о девице
из уезда Южного благоденствия

Девушка по имени Тхьет — Чистота, — урожденная Ву, родом была из уезда Нам-сьонг, что значит Южное благоденствие. Кроткая и добродетельная, была она еще и хороша собой. В их деревне жил юноша Чьонг. Полюбилось ему скромное ее обращение, и он, испросив согласия у матери, отнес в дом Ву сто лангов золота, женился на Тхьет и воротился с ней восвояси. Был он нравом весьма ревнив и оберегал жену сверх меры. Но она и сама блюла приличья, и потому мир меж супругами не нарушался.

Счастье их было недолгим. Державе нашей понадобилось идти походом на Тямпу, и набирали для этого множество воинов. Чьонг, хоть и был из родовитого дома, ничему не учился и потому, числясь в воинских списках, попал в первый набор.

Когда он собрался в дорогу, мать дала ему такой наказ:

— Вот, сынок, и пришло тебе время идти на войну, покинуть жену и ложе. Пускай у тебя и не было прежде случая прославить свое имя, прошу, там, на поле брани, береги себя, не гонись за приманчивой славой, не угоди, словно рыба, в сети. Оставь другим чины и высокие званья. И тогда я здесь, дома, смогу за тебя не тревожиться.

Опустился он на колени и обещал исполнить ее волю.

А жена, до краев наполнив прощальную чашу, сказала мужу :

— Отправляясь в поход, о супруг мой, знай, не хочу я, чтоб ты воротился домой с печатью — знаком высокого званья. Прошу лишь, вернись и принеси нам два слова: Мир и Покой — и ничего более. Трудна предвидеть исход бранного дела, да и сила врага велика. Дни пролетят за днями, потянутся месяцы чередой, но ты верь мне в разлуке и помни: западный ветер вздымает окутавшие меня беды, скорблю об ушедшем на чужбину. Идешь ты сквозь полог дождя, сквозь завесы снега — навстречу опасности; а я думаю снова и снова, как холодно и неприютно тебе там, вдаль... За тебя, одинокая, проливаю слезы, без тебя пустует мое ложе...

Услышав ее, все залились слезами.

Потом осушены были прощальные чаши, и конь умчался вскачь. « Знамена и барабанный бой, — как говорится, — исчезли вдаль, следом тоска унеслась за высокие горы, и скорбь глядит из дверей ».

А Тхиет в ту пору была на сносях и на десятый день после прощанья родила сына. Нарекли его Даном — Благорожденным.

Шли дни, проходили месяцы, и минуло полгода. Неизменно — бабочки ли порхали в свежей зелени сада, нависали ли над горами темные тучи — тоска об ушедшем на край света все нарастала, и ничто не могло ее заглушить. Горюя о сыне, тяжело захворала мать. Тхиет не жалела сил для ее исцеления, молилась и разумными ласковыми словами старалась ее утешить.

Но болезнь день ото дня становилась все тяжелее, и мать завещала невестке :

— Долог ли, короток срок — решено судьбой, цветенье и увяданье определяет небо. Не то чтобы мне не хотелось дождаться твоего мужа, собраться всем вместе счастливым кругом. Но кто переступит положенный свыше предел долголетия! Масло иссякло в светильнике, и моему уделу — конец. Кончились материнские попеченья; ну, а тебе, дитя» мое, не уйти от маеты и подозрений, стерегущих нас и поутру и в ночи. На горе, твой муж далеко, а я умираю, он не застанет меня, не

воздаст мне должного. Так пусть небеса помогут хорошим людям, пошлют им благую судьбу, счастливое продолжение рода, много, детей и внуков. Синее небо не обманет твоих надежд, как ты, о дитя мое, не обманула моей материнской веры.

Умолкла она и скончалась. Невестка ее произнесла все, какие знала, скорбные слова и похоронила ее, как родную мать.

На следующий год разбойники тямские были умирены, и наше войско вернулось назад. Возвратился Чыонг домой и узнал, что мать умерла. Сын его к тому времени научился уже говорить. Спросил Чыонг, где материнская могила и, взяв сына на руки, пошел ее навестить. Едва они вышли в поле, мальчик заартачился и заплакал, а Чыонг, утешая его, сказал:

— Помолчи, сынок, не плачь. Видишь, отец вернулся, а бабушка умерла, Мне и без того горько.

Мальчик ответил ему простодушно:

— Вот чудеса ! И вы тоже — мой отец ? И даже умеете разговаривать ? А то ведь другой мой отец раньше все время молчал, не сказал ни словечка.

Чыонг, изумленный, стал на все лады расспрашивать сына.

Тот отвечал:

— Когда вас здесь не было, к нам каждую ночь приходил кто-то. Мама куда ни пойдет — он за

ней следом. Мама присядет, и он — тоже. Только вот он никогда не брал меня на руки.

От природы ревнивый, Чыонг тотчас уверовал, будто жена его — прелюбодейка. Да и можно ли вернее раскрыть тайну ?

Воротясь домой, накинулся он на жену с попреками и бранью.

Но она заплакала и сказала:

— Знаю, я родилась в бедной семье, а вошла в багряные ворота. Воссоединясь, не успели мы утолить свою страсть, как нас разделила, разлучила война. Три года в разлуке хранила я чистоту и верность. Охладела к румянам и пудре. Я и близко не подходила к ивовым улочкам и дорогам в цветах. Как же могла я утратить и честь и достоинство ? Позволь, я представлю свидетельство своей чистоты и развею твои подозрения. Тогда уж, надеюсь, не станешь ты больше упорствовать в обидных своих обвинениях.

Но он все равно сомневался. Стала она расспрашивать, кто возвел на нее напраслину. Однако он скрыл, что принял на веру слова малолетнего сына, а только бранил ее, насмехался и гнал с побоями прочь. Родня и соседи, заступись за нее, затеяли было его уговаривать, но ничего не добились.

Тогда она, не совладав с собою, сказала:

— Ты был моею опорой, рада была я счастливой семье и доброму дому. Думала ль вместо любви и заботы встретить хулу и насмешки! Знай: ваза упала, и сломана напрочь заколка, тучи рассеялись, и прекратился дождь, лотос в пруду увял, и зачахли под ветром ивы. Ах, как жаль надломленного цветка! Как кличет весну ласточка, отбившаяся от стаи! Но воды, увы, глубоки и парус далек! Где уж взойти мне снова на гору Ваунг-фу.

Потом очистилась она омовеньем, помолилась, вышла на пристань у Желтой реки и, подняв лицо к небу, стала сетовать:

— Горька судьба моя, жалок удел! Потеряла я мужа и сына. Хоть и близко они, да расторгнуты узы! Оклеветала, очернила меня молва! О Дух реки, коль наделен ты и вправду чудесной силой, будь моим свидетелем. Если была я чиста и невинна, пусть, как Ми Ньонг, в воде обернусь я жемчужиной, а на земле стану травой Мэй-жэнь. Ну, а если и впрямь у меня птичья душа и рыбье сердце, если солгала я мужу и обманула сына, пусть под водою я стану поживою раков и рыб, а на земле — добычей стервятников и воронья! И пусть все люди от меня отвернутся с презрением!

Договорила, бросилась в реку и умерла.

Муж, хоть и гневался на нее, считая развратной и подлой, узнав о ее гибели, дрогнул и сжалился. Тщился он выловить ее труп, но нигде не нашел и следа.

Однажды ночью сидел он, пригорюнясь, в пустом доме под поздним светильником. Вдруг сын воскликнул:

— Эй! Вот и отец мой пришел!

Стал Чыонг его спрашивать, где да кто. А мальчик указал на отцовскую тень на стене:

— Да вот же! Вот он!

Выходит, когда он отсутствовал, жена собственную свою тень выдавала шутя за отца. Тут только он прозрел, понял, что обвинил ее напрасно, но делать уж было нечего.

Жил когда-то в деревне с Тхиет человек по имени Фан Ланг. Прежде он был старостой на пристани Желтой реки, и приснилось ему однажды ночью, будто пришла к нему неведомая девица в синем платье и просит освободить ее из сети. Встал поутру он и видит: человек из рыбацкой общины несет ему в дар черепаху с синим панцирем. Вспомнил он тут свой сон и отпустил черепаху на волю.

На исходе лет Первооткрытого величия, в царствование дома Хо, минское войско, якобы возвращая на престол Чан Тхием Биня, вторглось на нашу землю близ пограничных ворот Рубежный

холм. Многие люди, объятые страхом, стали искать спасения в море, да только, к несчастью, лодка их потонула, и все они сгинули в пучине.

Мертвое тело Фан Ланга прибило к пещере на островах, где обитали черепахи, и Священная царица, завидя его, сказала:

— Это ведь Наш благодетель! Он некогда спас Нам жизнь.

Тотчас она его вытерла парчовым платком и окропила волшебным зельем. Мгновенье спустя Фан Ланг ожил. Увидал он дворцовые покои, затянутые парчой, и высокие башни из дивного камня, величественные и сверкающие, и понял, что он попал в кристальные чертоги.

Тут появилась царица в одеяниях из переливчатой шелка, расшитых дорогими камнями, в туфлях, украшенных золотом, и, улыбаясь, сказала Фану:

— Я — Священная царица из Черепашьей пещеры, супруга Повелителя драконов Южного моря. Помню, молодые годы гуляла я у речной пристани, и выловил меня человек из рыбацкой общины. Пришлось мне нежданно вторгнуться в ваши сны, и, само собой, я была спасена. Наверное, само небо послало нам эту встречу, чтобы смогла я вернуть вам долг благодарности!

Тотчас она учинила пир на башне Восходящего света, желая достойно принять Фан Ланга; не

сосчитать, сколько было на пиру красавиц с высокими прическами, одетых в легкие шаровары. Одна из них — лица ее едва коснулись румяна и пудра — очень напоминала урожденную Ву. Фан все поглядывал на нее украдкой, не смея ее узнать.

Но, едва завершилось пиршество, она сама сказала Фан Лангу:

— А ведь мы с вами односельчане. Не виделись вроде не так уж и долго, да, выходит, забыли друг друга?

Тут убедился он, что перед ним урожденная Ву, и начал ее расспрашивать.

Она отвечала:

— Люди когда-то оклеветали меня, и пришлось мне лишиться себя жизни. Кинулась я в реку, но речные духи пожалели меня, безвинную, и открыли мне путь по водам, спасая от смерти. Не то угодила бы я в рыбье брюхо и никогда бы не встретилась с вами.

— Вы, госпожа, — сказал Фан, — не похожи на Цао Э и в горе своем не уподобились птице цзин-вэй. Вот уже год, как вас занесло в подводный дворец, ужели не вспомнили вы ни разу свои родные края?

— Я ведь покинута мужем, — ответила Ву. — Уж лучше состарюсь я в водяном дворце среди туч, чем возвращусь к нему снова!

— Почтенная госпожа, — сказал Фан Ланг, — я, не прогневайтесь, вот как о вас думаю : в доме ваших праотцев нивы сделались лесом, могилы ваших предков заросли колючими сорными травами. Вы, может, о них и не думаете, но что если предки все еще уповают на вас ?

Услыхав его, урожденная Ву залилась слезами и, поплавав, сказала :

— Может, и не смогу я навеки скрыть здесь свое обличье и упрятать следы. Ведь говорится же, — кони племен ху ржут, чуя северный ветер, и птицы земли Виет садятся на южные ветви. Придет день, и я, влекомая этим чувством, подумую о возвращении.

Назавтра Святая царица, взяв кошель из багряного шелка, наполнила его десятью жемчужинами и отрядила Красную рыбу послом — проводить Фана из моря на сушу.

Урожденная Ву тоже дала ему золотой цветок и наказала :

— Передайте, прошу вас, Чыонгу : если он помнит еще прежнюю нашу любовь, пусть поставит алтарь очищения от клеветы на речной пристани, зажжет чудотворное древо и осветит глубину вод, — тут я и появлюсь.

Воротясь домой, Фан пошел к Чыонгу и рассказал обо всем. Тот сперва не поверил. Но, признав золотой цветок, затрепетал и сказал:

— Верно, вещица эта и впрямь принадлежала когда-то жене.

Тотчас он сделал все по ее совету, поставил алтарь на пристани Желтой реки и творил обряды три дня и три ночи. А там, само собой, увидел он урожденную Ву. Она восседала в роскошных носилках посреди течения. Следом за нею прибыло более пятидесяти колесниц ; знамена и зонты с балдахинами — то появляясь, то исчезая из глаз — сверканьем своим озаряли всю реку.

Чыонг стал звать ее, но она, оставаясь по-прежнему на середине реки, сказала :

— Я ведь обязана всем доброте Святой царицы и поклялась — и в жизни и в смерти — ее не покинуть. Благодарю тебя, но я никогда не смогу возвратиться к людям.

Тут в мгновение ока все погрузилось в пучину и исчезло.

* * *

Нравоучение. Увы ! Когда нечто одно похоже во всем на другое, поистине трудно добиться толку и легко сбиться с пути. Не оттого ли и мать всеблаготворного мудреца впала в сомнение и, вскочив, отбросила прочь ткацкий челнок, а после пропажи топора трудно было соседскому чаду отпереться

от обвинения? Не потому ли за колесницу, полную сорго, Великий Полководец-сокрушитель взял на подозрение старого военачальника, а из-за слов « поначалу надо связать, потом зарезать » Цао Цао убил своего благодетеля?

Нечто похожее произошло и с урожденной Ву. Не разберись во всем небеса беспристрастно и мудро и не случись беды на воде, — красота в шелках и камнях сгинула бы в рыбьей пасти, на дне реки, и не возвестить бы ей никогда свою невиновность и чистоту.

Ну, а достойному мужу, считаю, не след оскорблять красавиц черными подозрениями.

Рассказ о военачальнике Ли

Когда Зиан Динь, государь из дома Поздних Чанов, взошел на престол в уезде Обретенной помощи (Модо), смельчаки со всех четырех сторон света, из ближних и дальних краев, явились к нему на подмогу и, сплотясь воедино, создали войско, названное Государевым подспорьем.

Муж из уезда Донг-тхань (Восточная твердыня) по имени Ли Хыу Ти, выходец из землепашцев, был нравом свиреп, силен и ловок в бою. Сиятельный князь Данг Тат пожаловал Ли званием Командующего полками, поставил во главе ополчения и двинул на неприятеля.

Облеченный высокой властью, Ли тотчас начал творить беззакония. Воров и лихоимцев возлюбил он, как кровных сородичей, а на ученых мужей и книжников глядел как на злейших врагов. Он тешил свое любострастие и ненасытную алчность, скупая сады и земли; строил себе хоромы, разоряя

и раскапывая пашни под пруды; сгонял с насиженных мест односельчан и соседей, расширяя свое имение, и отовсюду из прочих уездов тащил на свой двор необычные цветы и диковинные камни. Весь окрестный люд обязан был на него работать в поте лица : старшего брата тотчас сменял младший ; муж возвращался домой, на смену спешила жена—у всех ныли плечи и кровоточили руки, люди изнемогали; но он не внимал их пеням, ничто на трогало его сердца.

Однажды прибрел к его двери гадатель, — из тех, что прорицают будущее по очертаньям лица, — и попросил милостыню, обещая открыть хозяину его судьбу. Ли велел прорицателю взглянуть на его обличье, и тот сказал :

— Для дела нет ничего полезней нелицеприятных слов, как в исцеление недуга ничто не сравнится с горьким зельем. Ежели вы, господин, будете терпеливы, я скажу все как есть. Не отвергайте из-за горечи самый плод, ибо тогда буду я скован и робок.

— Ладно, — ответил Ли, — будь по-вашему.

Тогда прорицатель молвил :

- Злодеянья, пускай и давние, всегда очевидны, и высшее правосудие не ошибется даже на самую малость. А потому, предрекая будущее, надобно прежде всего доискаться смысла, — ведь облик

лица — это еще не обличье души. Вот вы, Командующий полками, нравом свирепы и недобры; презирая людей, вы чтите одно лишь богатство и власть свою употребляете ради насилья и зла. Вам только бы дать волю похоти и алчбе да исполнить свои желания. Вы идете наперекор велениям неба и будете им, само собою, наказаны. От беды вам не уйти!

Ли засмеялся :

— У Нас под рукою войска и крепости, и сами Мы не выпускаем из рук протазан! Силой поспорим Мы с вихрем и молнией, и небу, сколь оно ни искусно, с Нами не совладать ! Где уж ему свалить на Нас беду ? !

Прорицатель сказал :

— Командующий полками уповает на свою силу и ловкость, и, слова, вижу, здесь бессильны. Но вот есть у меня связка малых жемчужин. Прощу, посмотрите на них, и вы увидите воочию свою судьбу. Угодно ли глянуть ?

И он достал из рукава связку жемчужин.

Ли поглядел и видит: печи пылают огнем, кипят котлы ; рядом вроде бы люди, да на плечах у них шерятся бесовские головы; у одних в руках толстые веревки, у других — ножи с пилами, а сам он в цепях и колодках ползает подле котла с кипящим маслом, озираясь в тоске и страхе.

Спросил он, есть ли какой-нибудь путь к спасению, и прорицатель изрек :

— Корни зла глубоки, и ростки возмездия вот-вот прорастут. Спасение лишь в одном — тотчас, немедля разогнать всех до единой служанок с наложницами, напрочь порушить сады с прудами, отречься от власти и смиренно склонить главу перед небом. Всей вины, конечно, уже не избыть, ко, возможно, упадет хоть одна из десяти тысяч.

Ли погрузился в раздумье, потом ответил :

— Нет, будь что будет, учитель, не сделать мне этого ! Да и кто же из опасения перед грядущими и пока неясными бедами откажется от насущных, давно затеянных дел ?

После того он еще пуще предался буйству и похоти, убивал и рубил головы, не зная пощады.

Мать его, разгневанная вконец, сказала:

— Всякому живущему жизнь любезна, а смерть ненавистна. Отчего убиваешь ты всех без разбора ? Думала ль я, дожив до старости, увидеть дитя свое в мерзком обличье смертоубийцы !

Сын военачальника Ли по имени Тхук Кхоан тоже всегда сдерживал отца, но Ли по-прежнему не знал удержу и меры. Как вдруг сорока лет от роду умер он у себя в дому.

Прохожие на дорогах судили об этом на все лады и говорили друг другу :

— Муж, содеавший много добра, погибает от вражеского оружия ; а тот, кто вершил зло, умирает дома своей смертью ! Где же она, небесная справедливость ?

Был раньше у Тхук Кхоана друг по имени Нгуен Куи, человек прямодушный, чтивший долг и правила чести, но три года назад он умер. Вышел однажды Тхук Кхоан поутру на прогулку и вдруг повстречал на дороге Нгуен Куи.

Тот сказал:

— Скоро родителя твоего поведут на судилище. Я ради старой дружбы пришел предупредить тебя об этом. Хочешь, я завтра вечером пришлю за тобой и ты там все увидишь ? Только, если проговоришься хоть словом, не миновать мне беды.

Сказал и тотчас куда-то исчез.

В назначенный срок Тхук Кхоан уселся в малом покое и стал ждать. В полночь и впрямь увидел он воинов с конскими головами, и доставили они его в огромный дворец.

Наверху восседал государь, а вокруг люди в железных панцирях и медных шлемах с секирами, молотами и кривыми мечами стояли рядами торжественно и стройно. Вдруг слева, огибая их, вышли четыре чина. Одним из них оказался Нгуен Куи. Все четверо с записями в руках, преклонили колена перед красным государевым столом.

Первый начал читать :

— Служилый муж Имярек при жизни был справедлив и тверд и не заискивал перед имущими властью. Чем выше становился он чином, тем скромнее был и достойней, и, наконец, не щадя себя, умер во имя отчизны, покрыв ее блеском славы. Прошу почтительно царский суд претворить этого мужа в небожителя.

Второй сказал :

— В некоей семье жил Такой-то, человек алчный и грязный; вымогал он дары и взятки, а получив чин, преисполнился гордыни и спеси; презирая людей добронравных, он не выдвинул ни единого достойного и одаренного мужа, полезного государству. Прошу почтительно судилище Южного созвездия искоренить самое имя его.

Третий сказал :

— В некоем округе проживал муж из рода Ха, всеми силами творивший добро, хотя сам, у себя в дому, и не ел досыта ; а когда, после недавней войны, нагрянул великий мор, предписаниями его составлено было лекарство, коим спаслись люди — числом более тысячи. Прошу почтительно даровать ему новое рождение в семье, отмеченной счастьем, и пусть потомству его удача сопутствует в трех поколениях, дабы воздать должное за спасение стольких людей.

Четвертый сказал :

— В некоей деревне жил мужлан из семьи Динь, вечно он ссорился с братьями и враждовал с роднею ; а после, употребив во зло неопытность малолетних племянников, подделал десяток расписок и отобрал у них все поля и земли, не оставя и клочка, куда удалось бы воткнуть шило. Я бы хотел, чтобы он родился заново в доме убогого бедняка, маялся от голода и жажды, ютился на пустырях и в канавах, претерпевая за то, что обирал и грабил людей.

Государь согласился со всеми их предложениями.

Следом за ними справа, огибая ряды, вышел еще один муж в красной одежде и, тоже преклонив колена перед красным столом, доложил :

— В делах, порученных моему ведомству, значится Имярек из некоего рода, человек упрямый и неразумный, творивший всякие беззакония. Год уже, как заключен он в темницу, ко еще не предстал перед судьями. Прошу разрешения вызвать его сюда, в Государев суд.

И зачитал обвинение. Вот оно :

Молвить осмелюсь :

День сотворенья небес и земли — это срок появления женских начал и мужских, то есть темных и светлых.

Эти начала присущи и людям и тварям и резко

различны:
там зло — здесь добро,
там боязнь — здесь бесстрашие.
Столько причин здесь и переплетений,
Что невозможно их всех перечислить.
Небом начертаны судьбы людей, и не всякий
способен
к прозрению прийти,
к состоянию Бодхи :
Сущность людей порождает поступки, она неиз-
менна,
и нрав человеку дается навечно, до гроба — то
темный, то светлый.
Люди поэтому столь нетерпимы, жестки и
пристрастны,
И потому столько подлостей в мире творится.
Зло и добро неизбежно влекут за собой воздаянье,
не спутают здесь жеребца вороного с гнедой
кобылой.
Связаны тесно деяние и воздаянье, также, как
эхо со звуком, как с тенью предметы.
Связь эту просто понять и представить—нехи-
трое дело.
Люди поистине глупы в деяньях своих и упрямы,
Сколько угодно у них оснований найдется для
злости,
Сколько меж ними грызни из-за мелкой корысти.

В омут они попадут иль в колодец, и сами себя
с удовольствием топят,
Роют без всякого смысла и цели каналы какие-то
и подземелья.
И, прозябая во тьме постоянно,
Мерзкие, жалость они вызывают.
Лишь небеса всемогущие в силах все взвесить,
разъять, рассудить и рассудок вернуть потеряв-
шим рассудок.
Вот для чего и темницы построены, — чтобы
томились там души злодеев, чтоб было другим
неповадно.
Но разве можно забыть преступления ?
Разве деянья его поправимы ?
Вот он, ничтожнейшее насекомое, Ли недостойный
стоит перед вами.
Он, как букашка, бессилен и жалок,
Тучи и те, как ни зыбки, — надежней.
Где бы он ни был, к чему б ни стремился,
всюду встречали его наважденья.
Он презирал все творенья словесности,
мудрость считая ничтожной.
Он почитал лишь богатство и золото и потому
отнимал его силой,
Нивы чужие и пашни присваивал, был он Хун
Яну подобен,
Словно Ян Су, он убийствами тешился,
тысячу жизней сгубил он,

*Был он зловредней пантеры и тигра,
невинных чернил, клеветой губил их и
хитростью.*

*Столь непомерны его злодеяния, что не помес-
тишь их в горных ущельях, в долинах речных,
на равнинах.*

*Алчность толкала его на поступки бесчестные,
Лживым он был, двоедушным, лукавым.*

*Надо карать его полною мерой,
Так, чтоб другим это было уроком.*

Едва было оглашено до конца обвинение, как страж привел Хыу Ти, бросил распростертым ниц у входа, взял бич и ударил его с неистовой силой, — кровь так и брызнула липкой струей. Хыу Ти застонал громко и жалобно: боль невыносима.

Вдруг сверху послышался голос :

— Разве меж вами не поделены ведомства для быстроты дознания ? ! Отчего это дело затянулось на целый год ?!

Муж в красной одежде ответил :

— Винам его и злодеяниям нет счета, оттого и не смел я решать все на скорую руку. Теперь обвиненье закончено и представлено высокому суду. Преступления таковы : он домогался чужих жен и прелюбодействовал с чужими дочерьми ! Каков должен быть приговор ?

Государь сказал :

— Причина здесь та, что утонул он, погряз в волнах любострастия. Пусть кипящей водою промоют ему нутро, чтобы похоти негде было возникнуть !

Царедворцы, стоявшие по правую и левую руку от государя, тотчас схватили Хыу Ти и бросили в кипящий котел; тело его разорвалось и увяло. Затем, взяв живую воду, они окропили его, и в мгновение ока Хыу Ти снова был без единого изъяна, как все люди.

— Он отнимал у людей землю и рушил чужое имущество ! Каков должен быть приговор ?

Государь сказал :

— Причина здесь та, что его захлестнуло потоком алчности и стяжательства. Пусть изогнутым лезвием вытащат из него кишки, чтоб неоткуда было подняться жадности !

Царедворцы тотчас разрезали Хыу Ти живот и извлекли наружу печень, кишки и прочие внутренности. Затем, взяв ветку тополя, помахали над ним, и Хыу Ти оказался цел и невредим.

— Он дошел до того, что поганил и рушил древние могилы. В отношениях с роднею преступал веления долга ! Каков должен быть приговор ?

Святой государь долго молчал, потом произнес:

— Последнему безумству нет никакой меры! Назначь Мы ему муку на древе Меча и горе Ножа,

в расплавленной меди и под железными батогами — все одно будет мало. А потому заточить его в узилище Девятой темницы! И пусть ему стиснут голову кожаными ремнями, а в ноги вонзят раскаленные шила; пусть ястреб проклевывает ему грудь и ядовитые змеи прокусят брюхо! Пускай это длится вечно, во все существования, и не будет ему вовеки спасения и исхода!

Адские стражи без промедленья уволокли Хыу Ти прочь.

И тут Тхук Кхоан, прятаясь в расщелине стены, выглянул тайком и горько заплакал. Но стражи тотчас руками заткнули ему рот, вывели прочь и швырнули с неба на землю.

Содрогнувшись, пришел он в себя и видит: родичи с домочадцами сидят вокруг и плачут. Они рассказали: он второй уже день мертв, просто, заметив, что грудь его по временам чуть колыхнется и вроде не совсем еще холодна, они не посмели его хоронить.

Долго не медля, Тхук Кхоан оставил жену и детей, раздал имущество людям и сжег все до одной долговой записи. Потом он ушел в лес, стал собирать целебные травы и совершенствовать дух.

Свое приключение Тхук Кхоан хранил в тайне; кроме него, обо всем знал лишь кое-кто из старых слуг, вот почему случай этот почти неизвестен.

* * *

Нравоучение. Увы! Небеса беспристрастны и бескорыстны; пускай широки ячеи небесной сети, сквозь них никому не пролезть. А потому, если кто при жизни избегнет возмездия, все одно — будет наказан потом, после смерти. Но ежели вдруг беда постигает человека при жизни, он не понимает: должен ли он после того ожидать еще кары за гробом, — вот что ему неясно. Оттого и не счесть в земной жизни бунтарей, упрямцев и тугодумов. Будь им, к примеру, все понятно и ясно, их бы тогда и уговорами не сподвигнуть на злое дело.

Но некий Ли все увидал и, узнав наперед, стал бесчинствовать пуще прежнего. Это самые падшие и подлые люди, их не переделать и нечего о них рассуждать.

Рассказ о беседе стихотворцев
в уезде Золотых цветов

Жила в уезде Золотых цветов (Ким-хоа) молодая женщина из семьи Нго по имени Ти Лан — Благоуханная орхидея, добрая супруга просвещенного мудреца из рода Фу. Письмена ее были красивы, а слова исполнены смысла, но всего одаренней была она в сочинении стихов,

Святой и благодетельный государь из дома Ле любил ее поэтический дар и, взяв ко двору, поставил ее учить словесности придворных дам. На пирах и весельях стояла она всегда в государевой свите, обняв рукою толстую книгу, и, ежели государь желал послушать стихи, в мгновение ока слагала их — да так, что уже невозможно было исправить ни единого слова.

Едва годы Ти Лан перешли за сорок, она умерла, и схоронили ее близ отдели Западного источника.

На исходе лет Изначального блаженства некий школяр по имени Мао Ты Биен отправился на

ученье в столицу; но, долгое время тоскуя по дому, решил; проведать родные места в уезде Донг-хи (Благое деянье), что в земле Исток мира (Тхай-нгуен).

Путь его пролегал через Ким-хоа, и там вдали от жилья, посреди безлюдного поля, застигла его буря с дождем, а с неба на землю упала тьма.

Ты Биен огляделся вокруг и, увидав в южной стороне мерцающий свет фонаря, тотчас направил туда свои стопы.

Дойдя до места, нашел он довольно большой дом, крытый соломой. Гонимый ненастьем, Ты Биен запросился было на ночлег, но страж, охранявший ворота, отказался его впустить.

Заглянул он украдкой в дом и видит: восседает на ложе старец, а рядом красавица — в волосах нефритовая заколка, на ногах туфли, расшитые бисером; обличем подобна второй жене государя.

Красавица, возвысив голос, сказала стражу:

— Время позднее, ночь безлунна, разбушевался ветер и дождь. Если откажем путнику в ночлеге, где ему в эту пору укрыться.

Слыша такие речи хозяйки, Ты Биен подобрал полы, вошел в дом и расположился на отдых под навесом — за гостиним покоем, на южной стороне дома.

Приближалась вторая стража, когда Ты Биен увидал подъезжавшего на багровом осле почтенного мужа: брови его и усы были наполовину белы, голова втянута в плечи.

Старец сошел на крыльцо встретить гостя и сказал :

— Долгий путь хлопотен и труден, сколько же вы, господин мой, претерпели, чтобы развлечься с нами!

Гость отвечал :

— Дав обещанье, можно ль нарушить слово. Жаль только — буря разгулялась и дождь, не пришлось бы и нам, как Фэнь Лао, прервать чтение стихов на середине.

Тотчас хозяин и, гость, поделив меж собою сиденья, расположились друг против друга и завели разговор о словесном искусстве.

И хозяйка участвовала в разговоре, но сидя ступенькою ниже.

Гость, увидав четыре ее стиха о временах года, начертанные на четырех слюдяных ширмах, без промедления стал их читать вслух :

**Стихи о весне,
начертанные на первой ширме**

*Согрел человека и опьянил
горячих лучей поток,
Слепящим солнцем вешнего дня*

*окрашен светлый чертог.
Как ткацкий челнок, снует за окном
иволга в зелени ивы,
Мелькает над чашечками цветов
за мотыльком мотылек.
Циновкой падает на порог
длинных лучей волна.
Впитала юбка обильный пот,
она, как трава, зелена.
Застенчиво, торопливо, шутя,
смеется юнец наивный.
Томленьем теплым сегодня меня
отяготила весна.*

**Стихи о весне,
начертанные на второй ширме**

*Ветер играет розовой пеной
гранатовых лепестков.
Над головою прекрасной девы
веток цветущих кров.
Желтая иволга в чаще зеленой
плачет, весну вспоминая.
Две фиолетовых ласточки свищут
строки рифмуя стихов.
Сдвинула я к переносице брови,
замерла в пальцах игла.*

*Я опираюсь на подоконник
в дали мечта поплыла.
До половины поднята штора,
что-то о ком-то мне шепчет,
Чтобы душою к незримым пределам
я улететь не могла.*

**Стихи об осени,
начертанные на третьей ширме**

*Ветер осенний прохладу принес,
над головой пролетая.
В дымку рассвета, в туманную даль
мчится гусиная стая.
Лотосы все еще запах хранят,
тихо поникли в пруду.
Севером веет. Стучит в барабан
третья стража ночная.
На галерею летят светляки,
вновь улетают наружу.
Тонкое платье ветер продул,
чувствую раннюю стужу.
Грустная флейта умолкла вдали;
где ж Самоцветный дворец ?
Где я дорожку к нему отыщу,
феникса след обнаружу ?*

**Стихи о зиме,
начертанные на четвертой ширме**

*Жаркий огонь раздуваю в жаровне,
угли калю докрасна.
Я на рассвете теперь согреваюсь
доброю чашей вина.
Штора опущенная защищает
от дуновения стужи,
Рвется на глади озерной под ветром
тонкого льда пелена.
Дева спускает расшитую штору,
шелковый тянет шнурок.
Двери заклеены, в окнах безлюдье, —
выйдет ли кто на порог ?
Дух неизменно тепло нам приносит,
вёсны земле возвращает.
Там, над хребтом, абрикосовым цветом
начал светиться восток.*

Дочитав до конца, гость воскликнул:

— Обойдите все пять земных материков, кто иной, кроме меня, оценит совершенства вашего слога, и, опять же, не будь вас, кто отметил бы мои дарованья! Да, молва поистине не лжет.

Хозяйка ответила:

— Талант мой мал и неприметен, мне ли равняться с вами—единственным среди многих тысяч. Просто посчастливилось мне близ трона Одухотворенного повелителя служить своей тушечницей и кистью, и постигла я сопряжения слов и сочетанье их в строфы.

Однажды, гуляя на горе Духа-заступника, откуда вознесся на небо Святой владетельный князь-небожитель, я сложила такие стихи:

*Эта вершина Заступника-духа
деревья возносит к тучам,
Сто тысяч цветов украшают природу,
сто красок цветет по кручам.
Железный конь вернулся на небо,
но слава в веках осталась.
Вдали и вблизи восхваляют подвиг,
о воине помнят могучем.*

Месяц-другой спустя, когда разошлись они по дворцу, Святой и благодетельный государь весьма меня похвалил и пожаловал новое платье.

А в другой раз государь, находясь близ ворот Раскрывшегося озарения, повелел Советнику из семьи Нгуен сложить песнь о супругах — неразлучных, как селезень с уткой.

По завершение труда государь остался им недоволен и, оборотясь ко мне, молвил: «Твои сочинения всегда хороши. Желаем изведать твое

дарованье, опиши Нам парчу». Я отвечала согласьем, взяла кисть и единым духом начертала, стихи. Вот две последние их строки:

*Шелк знаменитый с Парчовой реки,
моря простор бирюзовый,
Алая киноварь, неба лазурь,
золото кровли дворцовой.*

Государь хвалил меня долго, пожаловал пять слитков золота и назвал «Высокомудрой помощницей». С той поры и сочинительская братия прониклась ко мне уважением: одним словом, всем я обязана милости Одухотворенного повелителя. А когда Святой благодетельный государь отошел к предкам, я сложила поминальные стихи. Вот они:

*Тридцать с лишним лет правил он во дворце,
тридцать лет державу берег.
Все Четыре Моря и Девять Земель
у его простирались ног.
И его величье до самых небес
на земле вознесли по праву,
Он расширил пределм своих земель
и на запад и на восток.
Но зима засыпала снегом следы
государевой колесницы,
И кого обрадует ранней весной
во дворцовом саду цветок ?*

*Я в Небесный чертог во сне возношусь,
я внимаю небесным напевам,
И вдалеке от горы Цяошань
вытираю слезы со щек.*

Гость сказал:

— Пускай в этих строках нет необычности и новизны, но страдания и скорби — в избытке, и созвучны они великим помыслам древних. У старых стихотворцев основой была красота слога, и каждый придавал ей свою особую прелесть; строка была краткой, а мысль долгой, слово близким, а смысл далеким. Любой поэт был своеобразен; у одного голос верный и ясный, у другого — насмешливый и язвительный, так в оде о Гаотане очернена небожительница, а в песне о Седьмом дне Седьмого месяца осмеян Тайцзун. Повествование ведется размеренно и гладко, но что может быть недостойней и злее. И потому пресытился я людским недобротством.

Хозяйка слушала его молча, проливая ручьями невольные слезы.

Гость спросил, отчего она так сокрушается, и она отвечала:

— Долгие годы поклонялась я святому Тхань Тонгу, а потом чтילה святого Хиен Тонга. Я была верна государю, но наша приязнь оставалась чиста, как любовь между родителем и чадом. Когда являлась я во дворец и, бывала среди сви-

ты, незачем было мне опасаться наветов и клеветы. Я и не думала о лжецах, возводящих хулу в своих злых стихах, таких, как эти:

*Если хочет развеять тоску государь,
пусть он делает все, что угодно,
Но раскается он, во дворец пригласив
поэтессу из Ким-хоа.*

Или вот эти:

*Лишку хватив на пиру во дворце,
дар она свой потеряла.
Ночь всю она до утра проспала,
да и теперь поживает.*

Неужто у мудрецов, живущих в почете, нет других усад, как из ничего делать нечто и, указывая на истину, обращать ее в ложь, а справедливое слово извращать себе на потребу.

Гость произнес:

- Это ведь не с вами одной! Не сосчитать, скольких добродетельных особ гневил язвительная кисть. Даже Ханг Нга, живущую в лунных чертогах, честили в таких стихах:

*Ханг Нга проглотила волшебное зелье
и к небу тотчас вознеслась.
Теперь не найдет себе места от скуки,
зевает и мается в небе.*

А высокородную Лун Юй кто-то уважил другим стихом :

*Дивное дело! С супругом Сяо
она почил в чертоге,
А пробудилась в тех же чертогах
рядом с супругом Чэнем.*

Ступив за ворота дворцов, мы припоминаем Лю Чжоу, а урожденную У решаемся осмеять лишь в обличье Богини земли. Всюду несправедные голоса и лживые слова. Нет, и вычерпав до дна Светлую реку, древним не смыть с себя пятен от этих позорных стихов.

Хозяйка утерла слезы, потом сказала:

— Не вразуми вы меня, я бы так и осталась ущербною яшмой из женских покоев, которую нечем отшлифовать до блеска и оттереть дочиста. Но дивная ночь скоро пройдет, а утехи, подобные этим, редки. Я и супруг мой наконец-то встретились с вами, зачем вспоминать нам о том, что лишь умножит бесплодную грусть.

Заговорили они о стихах и о прозе, сочиненных при нынешних государях, и гость сказал :

— Стихотворения мужа по прозвищу Непросторная молельня диковинны, но унылы; вирши

Надежного наставника незабываемы и бередают душу ; стихи Приречной сосны подобны юноше, идущему в бой, — задорны и горячи, а строфы Хризантемы с холма, как девушка на весенней прогулке, податливы и нежны. Не скажу, чтоб мужи вроде До из уезда Золотых цветов и Чана из Нэфритовой крепости, Дама из деревни Безмятежная тишина, или Ву из уезда Дорога умиротворения лишены были широты и размаха. Но если искать поистине совершенных слов и глубокого смысла, то избранная братия должна преклониться перед Нгуен Ык Чаем, который в сердце своем ни на миг не забывал о государе, и потому достоин войти во врата Ду Шао-лина. Зато уж в стихах, чей напев преображает зыбкие дымы и тучи, а слова исполнены назиданья, старец, сидящий здесь, никому и ни в чем не уступит.

Пожелай Ты Биен записать их словопренья, ему бы пришлось начертать четыре, а то и пять тысяч писем, да где ему было все упомянуть.

Вдруг он оступился, неловко, и гость, услышав шум, сказал :

— Встречи, подобные нашей, конечно, великая радость, и поэтому кто-то тайком подслушал нас. Боюсь, изощренные речи наши вызовут криво-толки. А вы, господин мой, ничего не заметили ?

— Чего нам страшиться ? — отвечала хозяйка.

— Самое большее — наветов да обмолвок в писаньях каких-нибудь школяров.

Тогда Ты Биен вошел к ним и, низко кланяясь всем троим, стал спрашивать о законах стихосложения.

Гость тотчас извлек из-за пазухи книгу — страниц во сто, не менее, протянул ему и сказал:

— Воротясь восвояси, листай эту книгу и научишься всему, незачем будет обращаться к другим сочинениям.

Малое время спустя фляга из тыквы, склоняясь все ниже, совсем опустела, осушены были чаши, гости с хозяевами, сложа на груди руки, раскланялись и расстались. Почтенный старец отбыл, а Ты Биен отправился спать

Едва поднялось солнце, проснулся он, сел и видит: лежит он в траве, одежда его вымокла от росы, а поблизости — на восходе и на закате — только две неведомо чьи гробницы. Раскрыл он книгу — страницы её, как одна, все белы и чисты, и начертаны всего лишь четыре слова : « Собрание стихов Прибрежного созвучия », отсвечивающие непросохшей еще тушью.

Тут он догадался : почтенным гостем был мудрец из рода Шай по прозванию Прибрежное созвучие. Расспросил он окрестных жителей и узнал : в тех двух гробницах похоронены Высокий наставник из рода Фу и его супруга.

Вскоре Ты Биен отыскал деревню мудреца из рода Шай, разузнал о посмертном собрании стихов Прибрежного созвучия, но нашел их растерзанными, вконец изъеденными тараканами и источенными жучком.

Стал он тогда ходить повсюду и выпрашивать об этих стихах, собирал их, не пренебрегая ни половиной строки, ни единым словом. И оттого, когда в царствование государей Ле возвысилось более ста стихотворцев, книга мудреца из рода Шай обрела великую славу одними стараниями и трудами Ты Биена.

Рассказ о Повелителе демонов ночи

Удивительный муж из семьи Ван по имени Зи Тхань, уроженец земли Куок-оай (Величье державы), нравом был истинный воин и не поддавался соблазнам и чарам нечистой силы. Чертовы луноцветья, иначе говоря, — любострастья, бесовскую похоть и дьявольскую красу, что и словами не описать, он презирал и нисколько их не страшился.

На исходе лет Многократного сияния при государе из дома Чан люди умирали и гибли во множестве. Души безвинно погибших, не найдя приюта и успокоения, собирались толпами и в поисках пропитанья ломались в двери харчевен, а не то еще подстерегали гулящих девиц, желая развлечься с ними. Всякого, кто им противился, поражал тяжкий недуг; а ежели кто пытался унять их молитвами и заговорами, убеждался : заклятья бессильны. И демоны царили в полях подле города, не ведая страха и опасений.

Но вот однажды Зи Тхань, выпив вина, вскочил на коня и выехал из города. Бесы и демоны в страхе разбежались все до единого. А он, торопясь, стал их окликать и уговаривать :

— Вы ведь храбрые воины, только вас подкосила злая судьба. Знайте, Мы к вам пришли ради вашей же пользы. Пойдите ! Не убегайте !

Демоны один за другим воротились, обступили Зи Тханя и пригласили его сесть на высокое место. Усевшись, он их спросил :

— Вы страсть как любите изводить людей, губите их и казните. А почему, чего ради — неясно.

Они отвечали :

— Желаем умножить свое воинство.

— Но разве, вредя живым, вы умножите войско ? ! Да и потом, прибавится войско — не хватит питья и пищи ; а где меньше людей — там и излишек. Какой, не пойму, прок от разлюбезных вам дел ? Попробуй выпусти вождения на свободу, а там потока не запрудить ; дай волю злу, и тигры с волками покажутся рядом с тобою кроткими созданиями. Это — о вас ! И еще — иные, корысти ради, не брезгают даже тряпичей и, утоляя алчность, не дрогнув разбить пенал с кистью или расколотить вазу. Вот вы рыщете всюду, выискивая кувшины, бутылки с хмельным, добывая рис и похлебку. Вы сеете горе, разносите беды, попирая права Небесного творца, как говорится — вопиете

под крышами и заглядываете в дома, навлекая на себя людской гнев. Вам-то оно в удовольствие, но Мы — Мы устыдились бы этого. Небо и то творит свою волю добром, а не силой; люди предпочитают рождать, а не убивать. Как вы дерзнули в своей гордыне перекраивать судьбы ? ! Нет, Повелитель неба не потерпит такого, и грянет неотвратимая кара ! Где вы тогда укроетесь от правосудья и казни ? !

Демоны в удручении молвили:

— Увы, мы грешили невольно, без злого умысла. Не было нам счастья в жизни и в смерти не повезло. Чем нам насытить голод, где приютиться ? Горестно белым костям истлевать во мхах и травах, на желтых песчаных буграх, под студеным ветром и росами. Вот и скликаем друг друга — искать сообща пропитанье. А тут еще близится изменение судеб, и уготованы людям новые беды и разрушенья. Вот Повелитель мрака и не ставит препон — куда бы мы ни устремили набег. И опасаемся мы: грядущий год будет еще страшнее нынешнего.

Тут кухари затеяли пир, ставя куда попало невысокие столы и подносы с яствами. На расспросы же, что откуда, они отвечали: буйвол, забитый на мясо, уведен из соседней деревни, а водка — целый бочонок — украдена в ближнем селенье.

Зи Тхань в еде и питье был скор, словно вихрь. И демоны, видя такое, радовались и говорили друг другу:

— Вот бы кого нам в вожди и предводители !

Потом обратились они к Зи Тханю :

— Жаль, в нашей вольнице всяк себе голова. Нет у нас мудрого предводителя, и узы наши непрочны. Вас, милосерднейший Повелитель, нам послало само небо.

— О ! — отвечал Зи Тхань. — Мы равно могучи в делах словесных и бранных ! И Нам любой чин по плечу ! Но ведь из Царства мрака к живым не найти дороги, как же оставим Мы здесь Нашу старую мать ?

Демоны тут сказали:

— Ах, нет, мы просим лишь Повелителя употребить свою силу и власть. Днем будем мы скрываться, каждый в своих пределах, а по ночам — слать к вам гонцов с докладом. Повелителю вовсе и нет нужды уходить к Девяти источникам. Разве посмели бы мы вас этим обременять ?

— Вы обратились к Нам сами, — заявил Зи Тхань, — по собственной воле. Знайте же, есть у Нас шесть условий, и, если не присягнете вы следовать им во всем, уговор невозможен.

Демоны отвечали согласием, прося разрешенья на третью ночь вернуться и возвести алтарь для клятвы.

Все собрались в срок. Опоздал лишь один старый демон. И Зи Тхань тотчас велел отрубить ему голову. Демоны затрепетали от страха. А Зи Тхань объявил им свою волю :

— Отныне не смеее вы пренебречь ни одним Нашим приказом, — не вернетесь к своим похотливым привычкам, не будете рушить своими кознями человеческие судьбы, не грабить станете вы людей, а помогать им в беде, днем не возьмете чужого обличья, ночью не себеретесь в лихие ватаги! Всех, кто Нам будет покорен, примем под Нашу руку, а смутьянов Мы покараем без всякой жалости. Извольте-ка вдуматься в Наши слова, дабы не каяться после.

Затем разбил он их на разряды, поделил на дружины и распорядился: что б ни случилось, тотчас ему докладывать.

Так прошло более месяца, и однажды, когда Зи Тхань предавался праздности, пришел к нему некто, назвался послом Повелителя мрака и передал приглашение владыки. Зи Тхань совсем уж решил его отвергнуть, но незнакомец сказал :

— Это ведь воля пресвятого Зием Выонга. Видя вашу решительность и твердость, он намерен пожаловать вам высокий чин. Вам не грозят ни малейшие утеснения, и, право, отказываться не стоит. Прошу вас, возьмите срок подлинней — на

раздумье; а там, уверен, вы сами захотите пожаловать к нам. Я вас встречу тогда на дороге.

Умолк и исчез неведомо куда.

Зи Тхань потребовал к себе демонов и стал их расспрашивать.

— Почтительно сообщаем, — ответили демоны, — все чистая правда. Просто мы не успели сами известить Повелителя. Недавно Зиём Вьонг, видя брожение и беспокойство в мире, учредил четыре приказа демонов и, поставив над каждым военачальника, дал им власть казнить или миловать и право решать людские судьбы. Сила их велика, не то что у прочих чинов. Слава же ваша, о Повелитель; известна повсюду, сам Зиём Вьонг знает о ней и слышал все, что мы говорили правас. Вот и решил он пожаловать вам эту высокую должность.

— Ну, а ежели говорить без обиняков, удача Нам выпала или несчастье? — спросил Зи Тхань.

— В преисподней у Зиём Вьонга достойных мужей оделяют не хуже избранников Будды. Подкупом там ничего не добьешься и случаем не продвинешься. Верный долгу, пусть мал и низок, возвысится, о нечестивце же, взысканном славой, не будет и речи. Кому, как не вам, править, учить

и вразумлять? Но если Повелитель, из-за приверженности к семье, заколеблется и промедлит, должность достанется другому, а нас это опечалит.

Щелкнул Зи Тхань языком и ответил:

— Хотя смерть ненавистна, но слава и власть не даются даром. Ведь тонкая кисть от тонины своей скоро сотрется, и срубят сосну из-за густых ветвей; фазану грозит беда не из-за ярких перьев, и не от белизны своих бивней умирает слон; диких гусей стреляют не потому, что они не гогочут, — лишь никчемный конский каштан долго живет на свете. Янь Хуэй тридцати двух лет от роду стал Письмоводом в Подземном царстве, а Чан-цзи, когда он сочинил описание Небесных чертогов, едва было двадцать семь. Праведному человеку при жизни негоже отягощаться золотом и ступать по дорогим камням — лучше оставить навек по себе добрую славу. Ради чего же обречены Мы склонять голову в этом нечистом мире? Нет, долгожительство не сравнится с раннею смертью.

Тотчас привел он в порядок дела по дому и умер.

В те времена сельский житель по имени Ле Нго, задушевный приятель Зи Тханя, странствовал по Светлой земле Кве и поселился там на постоялом дворе. Однажды, едва пробили первую стражу,

Ле Нго увидел благородного всадника, окруженного челядинцами и слугами. Они подошли спросить разрешения на постой. Хозяин, подняв штору, вышел навстречу гостю. Тут Ле Нго изумился, до того всадник своим голосом напоминал Зи Тхана, только лицом он слегка отличался от умершего друга.

Ле Нго направился было к дверям, избегая гостя, но тот сказал :

— Давний друг сразу узнал вас, а вы — ужель вы его не вспомнили?

Тут гость открыл свое имя, происхождение и должность в Подземном царстве и сказал, что ради старинной дружбы отыскал Ле Нго и пришел повидаться с ним.

Без промедления сняв кафтан из овчины, Зи Тхань послал хозяина за вином, чтобы выпить и развеселиться.

Осушив чашу-другую, Ле сказал :

— Я ведь держался всегда добродетели не напоказ, а душою и сердцем. Ни в чем не искал я корысти, никому не чинил зла. Я ль не учил других, в меру сил и познаний, и сам не стремился постигнуть еще неведомое? Не обольщался я смутными мечтами, не желал чрезмерного. За что же лишен я добра и пропитания и ищу чужих

милостей? Почему мои чада плачут от голода, а жена горюет и жалуется на стужу? Отчего, воротясь восвояси, не нахожу я и хижины, где бы укрыться от ветра, а выходя в путь, не имею даже шляпы из листьев — прикрыться от дождя? За что отовсюду валяются на меня напасти и беды? Вот из друзей моих многие достигли чинов и мест, а дарованьями мы равны, хоть молва о нас и различна. Почему же одним выпадает счастье, а другим — нужда и горе?

— Как ни молись, — ответил Зи Тхань, — не выпросишь знатности или богатства, и бедность предreshена судьбой. Потому и, умер от голода Дэн, владея медной горой; а Чэ, появясь на свет, лишил достояния Чжу. И не по этой ли самой причине разбушевался ветер подле горы Маян и молния расколола плиту с письменами у пагоды Цзиньфу? Когда бы не рок, неужто все люди высокого нрава, как Янь или Минь, не вознеслись бы к голубым облакам, а искусные сочинители, вроде Ло или Лу, оставались простолюдинами? Вот и выходит: несотворенное — совершается волею неба, непрошеное — даруется судьбой. Лучший удел достойного мужа — бедность, не знающая лести, и умеренность, чуждая соблазнов. Всяк на своем поприще пусть радуется, сообразуясь с делами, — не более. Ибо везения и неудачи, падения и взлеты никому из людей не подвластны.

Давно было выпито вино, а они — и раз и другой вытянув фитиль фонаря — толковали о том, о сем и не могли наговориться.

Когда на другой день сошлись они для прощанья, Зи Тхань, удалив всех прочих, сказал другу :

— Я выполняю указ Повелителя неба. Величество приказывает, в дополнение к прежним моим обязанностям, возглавить воинство моровых поветрий и развести его по округам и уездам. К поветрию должно прибавить голод и смуту. Достоянье людское пойдет прахом, ото всего добра едва останется половина, а то и поменее. Все, чьи истоки счастья мелки и скудны, разорятся вконец. Жаль, жребий вашей семьи непрочен, и, думаю, не избежать вам беды. А потому возвращайтесь скорей восвояси, полно вам мешкать в чужих краях.

— А я ведь надеялся прибегнуть к вашей помощи и защите,—сказал Ле.—Ужель это невозможно?

— Увы, — отвечал Зи Тхань, — живете вы не в моих землях, и заступить рубежи я не властен. К северу от Янцзы — моя вотчина, а все, что западнее, — под рукой военачальника из семья Динь. Мое войско — демоны в черных одеждах, они сохранили еще зачатки добра ; но демоны в белом из полчища Диня большею частью злы и коварны. Вам хорошо бы заранее подготовиться ко всему.

— Что же мне делать ? — спросил Ле.

— Каждый наш полководец по ночам выводит в поход более тысячи демонов — разносить поветрие по городам и весям. Надо бы вам поставить у дома столы да подносы с питьем и едой. Демонов после долгой дороги одолеют, конечно, голод и жажда, и они, не задумываясь, накинутся на угощение. Ну, а вы сами спрячьтесь в укромном месте, покуда их трапеза не подойдет к концу. Тогда выходите и падайте перед ними ниц. Кланяйтесь, но ни о чем не просите. Кто знает, не поведет ли, не выйдет ли вам облегченье ?

Тут они оба заплакали и распрощались.

Едва воротился Ле Нго домой, вспыхнул жестокий мор. Жену его и детей свалил тяжкий недуг, они никого уже не узнавали.

Тотчас Ле сделал все, как сказал Зи Тхань, и ночью приготовил у себя на дворе обильное пиршество. Само собою, слетелось множество демонов. Поглядели они друг на друга и говорят :

— Голодны все мы ужасно ! Как же уйти от этого угощения ? Не грех и выпить здесь чашу-другую вина.

Немедля собрались они в круг и подняли чаши. Посредине степенно уселся некто в багряной одежде, прочие же почтительно стали поодаль, держа в руках кто нож или молот, а кто и счетную книгу.

Дождавшись, покуда их трапеза не подошла к концу, покинул Ле Нго свое убежище, пал на колени и начал без устали кланяться. Демон в багрянице крикнул :

— Зачем это отродье оскверняет нам пиршество ?!

Прочие отвечали:

— Наверное, он — хозяин всего угощения. Семью его поразил недуг, и он молит о милосердии.

Демон в багрянице бросил в сердцах свою счетйую книгу и крикнул:

— Слыхано ль, ради убогой снеди менять предначертанья судьбы ?!

— Но мы — возразили прочие, — вкусили уже от его щедрот. Как же не внять его просьбе и не помочь ему ? Пусть угрожают за это нам кары и даже смерть — мы готовы на все !

Демон в багрянице задумался, потом взял кисть, раскрыл свою книгу и, зачеркнув красной тушью более десяти слов, удалился.

День-два спустя в семье у Ле все исцелились. И он, тронутый благодеянием друга, поставил близ дома алтарь, где поклонялся его памяти.

Односельчане, бывало, приходили туда с молитвой и всегда обретали просимое.

* * *

Нравоучение. Увы ! Как можно презреть дружбу, одну из пяти истинных добродетелей?

Хорош ли, плох ли рассказ о Повелителе демонов ночи — об этом не стоит и спорить. Одно лишь достойно упоминанья и разговора — встреча Зи Тханя с другом, — ведь он, избавя Ле Нго от страшной беды, доказал: для истинной дружбы и смерть не помеха.

Ужель не раскаются, не устыдятся, слушая этот рассказ, все, чье содружество прочно лишь на пирах, за яствами и вином, чья верность и мужество меняются и исчезают вместе с превратностями судьбы и кто, отвернувшись, не признает друзей, попавших в беду.

Рассказ о дереве гао

Стр. 7. *Гао* — высокое декоративное дерево с ярко-красными цветами.

Стр. 8. *Двухструнный хо нам* (китайск. «хуцинъ») — музыкальный смычковый инструмент. Из Средней Азии попал в Китай, а оттуда — во Вьетнам.

Стр. 10... *перебраться за деревенскую изгородь*. — Деревни во Вьетнаме издревле обсаживались изгородью из бамбука, колючих растений и т.п.; люди, преступившие законы или обычаи, изгонялись за пределы изгороди, вне ее также хоронили покойников.

... *уйти к Желтому источнику?* — *Желтый* источник — метафорическое обозначение загробного царства.

Стр. 12. *Шестнадцатиструнный чань* (Китайск. «цинъ») — щипковый инструмент типа лютни.

Дыонг ле — лекарственное растение из семейства миртовых, цветет розовыми и белыми цветами; плоды его съедобны.

Дерево *май* — разновидность абрикосового дерева; белые цветы его в старой литературе — символ прихода весны.

... *соединит священными узами феникс...* — Здесь феникс — символ соединения любящих в брачном союзе.

... *дарованью И Ань, известной с давних времен.* — И Ань — прозвание знаменитой китайской поэтессы Ли Цинчжао (1081 — 1145).

Стр. 13... вроде *Бань Цзи или Цай Янь*...—Бань Цзи и Цай Янь — китайские поэтессы, жившие во времена династий Поздняя Хань (25 — 220).

... из *убранных шелком покоев*...—то есть из женской половины дома.

Стр.14... как некогда *Чан-ли бросил Лю-чжи*...— Чан-ли (Хань Чан-ли) — прозвание великого китайского поэта Хань Юя (768 — 824). У него были две наложницы: Лю-чжи и Цзян Тао. Однажды в его отсутствие Лю-чжи бежала из дома, слуги вернули ее, но Хань Юй, узнав об этом, охладел к ней и любил лишь Цзян Тао, а Лю-чжи в конце концов отпустил восвояси.

... как было у *Ли Цзина с Хун-фу* ? — Во времена династии Тан (618 — 907) некто Ли Цзин, придя в дом вельможи, заметил внимательно глядевшую на него девушку с красным опашалом (называемым хунфу). Этой же ночью девушка, неожиданно явилась к Ли Цзину, они полюбили друг друга и поженились.

Стр. 15... красный лакированный ларь *под красным покрывалом*...—По средневековому обычаю, останки покойника хранились до погребения в особом гробу, а затем предавались земле.

Стр. 17... *лишь красный прах, не боле !*— В буддийских сочинениях — метафорический образ, означающий мирскую суету, земное существование.

Стр. 18. В *год, когда в месяцеслове сошлись знаки Коня и Металла*... — В лунном календаре повторяются шестидесятилетние периоды из двух циклов — двенадцатиричного «земного» и десятиричного «небесного». В земном цикле год обозначается названием одного из двенадцати животных (мыши, буйвола, тигра, кошки, дракона, змеи, коня, козы, обезьяны, курицы, пса, свиньи), в небесном — названием одного из пяти первоэлементов или «стихий»,

каждого в двух началах — мужском и женском (дерево, огонь, земля, металл, вода). Здесь сочетание знаков Коня и Металла падает на 1330 г.

...*под девизом Распростертого великодушия царствовал дом Чан*...—Распростертое великодушие — девиз правления короля Чан Хиен Тонга (1329 — 1341). Дом Чан — королевская династия во Вьетнаме (1225 — 1400).

Стр. 19. Воины с *буйволиными головами* — стражи Повелителя Подземного царства.

Рассказ о земном воплощении Разливателя чая

Стр. 21. *Государь Хюэ Тонг из дома Ли* — последний государь династии Ли (1010 — 1225). Правил с 1211 по 1224 г. Безвольный и болезненный, он практически уступил всю власть родственникам жены из рода Чан, а затем, отдав престол дочери, принял постриг в пагоде Тянь-зияо и вскоре покончил с собой.

Стр. 22... *подать красную книгу семьи Зыонг*...— Согласно древним поверьям, деянья и судьбы каждой семьи заносятся на небесах в особую книгу, где запись ведется красными письменами.

...*положить самому Вседержителю*—то есть Повелителю неба.

Стр. 24... *читил его память в точности, как положено*...— Поминальные обряды в старом Вьетнаме, особенно если умирал один из родителей, были весьма сложны, некоторые для своего завершения требовали многих месяцев и даже лет.

Стр. 25. *Советник* — второй по значению чин в Палате государевых советников.

... *Уезд Чудотворных хождений (Тиен-зу)*—название это известно с X в.; удержалось до наших дней, связано с преданиями о небожителях и чудотворцах.

Стр. 26... *воссесть на восточном ложе*. — Во времена династии Цзинь (265 — 316) в Китае некто Си Цзянь, имевший дочь на выданье, послал человека в дом соседа выбрать среди его учеников жениха. Ученики встретили посланца приветливо, один лишь Ван Си-чжи (впоследствии знаменитый каллиграф), возлежавший на восточном ложе, продолжал есть, не обратив внимания на гостя. За него-то Цзянь и выдал дочь. С тех пор «восточное ложе» стало метафорическим обозначением зятя.

Стр. 28... *дважды отличился на испытаниях* — то есть на окружных и столичных экзаменах (или на столичных и дворцовых).

Доверенный писмовод — чиновник, ведавший делом производством и перепиской.

Стр. 29... *быть беде в О-тоне!* — О-тон — название, происходящее, вероятно, из языка тямов, населявших некогда Центральный Вьетнам, и не имеющее аналогов во вьетнамском языке.

... *над домом вашим — сторожевой колокол*. — В домах знатных вельмож ставились звонницы с колоколами, в них звонили тревогу, воинский сбор и т.д.; дома эти обносились стеной с воротами и охранялась стражей.

... *о прежних радостях на Пурпурной звезде*. — Речь идет о звезде из созвездия Малой Медведицы, считавшейся местом обитания Повелителя Неба.

Стр. 36... *следами влияния белого камня кхюе...* — Кхюе (китайск. «гуй») — белый нефрит, нефритовый скипетр сложной формы, с квадратным основанием и скругленным или с острым навершием; согласно древним поверьям, оказывал магическое влияние на людские судьбы.

Рассказ о тяжбе в Драконьих чертогах

Стр. 37. *Государь Чан Минь* Тонг (1300 — 1357). — При нем широко распространилось просвещение конфуцианского толка и были приближены ко двору многие известные литераторы; написал частично дошедшую до нас книгу стихов.

... *удостоенный звания Наместника*... — то есть чиновника высокого ранга, правителя округа, области.

Стр. 40... *соорудил пустую гробницу*... — Если человек бывал погребен в неведомом месте или на чужбине, сооружалась гробница без захоронения, где чтили память усопшего, совершая поминальные обряды.

Стр. 41. *Сиятельный господин, Белый дракон*. — Сиятельный господин — второй по значению титул при династии Чан. Государь жаловал им тех, кто особо отличался на державном или военном поприще. Позднее его присваивали младшим членам королевской фамилии. Дракон — один из самых распространенных персонажей вьетнамского фольклора и старой литературы; мифический прародитель вьетнамцев, он символизировал верховную власть, особу государя и считался олицетворением доброго начала, помощником людей.

...*Лю И опускался в озеро Дунтин*... — Во времена династии Тан в Китае некто Лю И повстречал девицу, назвавшуюся дочерью Повелителя вод озера Дунтин. Она рассказала, что терпит обиды в доме мужа, и, открыв Лю И путь в Подводное царство, попросила доставить письмо отцу. Так Лю И попал в Драконий дворец; потом он женился на этой девице и стал жить вместе с ней в Подводном царстве.

... *Шань Вэнь пировал в Драконьих чертогах.* — Шань Вэнь (Юй Шань-вэнь) во время династии Юань (1260 — 1368) в Китае повстречал послов Подводного царя, пригласившего его в свои владения. Шань Вэнь написал для царя тронную речь и был за то зван на изобильный и многолюдный пир.

Стр. 42. *Не прошли они и половины зама...* — Зам — старинная мера длины, равна 432 м.

Стр. 44. *Цветы тыонг еи* — индийская сирень.

Стр. 45... *феникс мог снова взлететь в облака...* — В давние времена в Китае у дочери государя страны Вэй-ло жил феникс. Вдруг царевна понесла; государь велел отрубить фениксу голову и зарыть его в лесу. Царевна родила дочь и однажды, вспомнив о фениксе, поехала с нею на колеснице в лес. Едва принцесса запела в лесу, появился феникс, обнял девочку и улетел с нею в облака.

... *конь воротился назад, к пограничной заставе.* — В древнекитайской книге «Хуайнань-цзы» есть рассказ о старике, разводившем лошадей на пограничной заставе. Один его конь убежал через рубеж, но потом вернулся назад и привел следом еще одну прекрасную лошадь.

Стр. 46. *Яшма по-прежнему нетронута, без изъяна...* — В китайских летописях говорится о некоем князе, предложившем свою знаменитую яшму соседу в обмен на пятнадцать его городов; однако посол соседнего князя решил, что его хотят обмануть, и вернул яшму «нетронутой».

Стр. 51... *змеи вдесять чыонгов длиною...* — Чыонг — старинная мера длины, равна 320 см.

Стр. 52... *как некогда Стой Сунь или Шу Фэй...* — Сюй Сунь жил в Китае при династии Цинь (246 — 207 гг. до н. э.), он изучил магическое искусство и помогал людям, истребляя змеев и водяных чудовищ. Шу Фэй жил в

Китае при династии Чжоу (1122 — 247 гг. до н. э.), славился своей отвагой и знанием магии; однажды на его ладью напали два змея, он бросился в воду и зарубил обоих.

... *Ди Жэнь-цзе, когда был наместником в Хэнани...* — Ди Жэнь-цзе — вельможа эпохи Тан. Хэнань — одна из древнейших областей Китая, расположенная к югу от реки Хуанхэ.

Рассказ о злых делах девицы Дао

Стр. 53. *Пятый год Унаследованного изобилия* — девиз правления короля Чан Зу Тонга (1341 — 1357).

Река Круглой серги (Ны-ха) — одно из древних названий Красной реки, в той ее части, где русло изогнуто кольцом (недалеко от Ханоя).

Первая Восточная сходя (Донг-бо-дэу) — пристань на Красной реке, неподалеку от столицы; государи династии Чан проводили здесь смотры боевых кораблей и войск. Название «Донг-бо-дэу», возможно, связано с еще одним значением слов «бо дэу» — «растоптанная голова»: поблизости от этих мест есть деревня и храм Бо-дэу, где поклоняются духу героя, растоптавшего голову злого водяного змея.

Стр. 54. *Король Зу Тонг.* — Чан Зу Тонг (1366 — 1369), десятый сын короля Чан Минь Тонга. (См. прим. к стр. 37.) Он считался автором исторических сочинений, сохранились также написанные им стихи.

Пагода Стопа Будды (Фат-туй). — Имеется в виду знаменитая пагода, стоявшая на горе, где было углубление, похожее на след огромной ступни; находилась поблизости от столицы.

Стр. 55 ... *напевы Лян, знаменитого песнями края*,— Лян — государство в древнем и средневековом Китае.

Стр. 56... *просит доступа на Тридцать третье небо*.— По представлениям буддистов, на небе Индры (главного индуистского и буддийского бога) в каждой из четырех сторон расположено по восемь небес, а в центре — Тридцать третье небо, куда все мечтают попасть; там возродилась мать Будды — Майя и находится блаженная столица Индры.

Кажется: вот она бросится в реку, как некогда царские вдовы. — Здесь имеются в виду две жены мифического китайского императора Шуня, которые после его смерти утопились в реке Сян.

Влаги священной черпнув из ущелия Цао... Во времена династии Лян (502 — 556) буддийский монах Чжи Яо плыл на лодке в Китай и, достигнув устья речки Цаоси, почуял сладостный неземной дух; зачерпнув воды из Цао, он понял, что место это священо, и основал там пагоду. Здесь фраза означает приобщение к святости.

...отзывается долго в стропилах. — В древнем китайском сочинении «Ле-цзы» о певице Хань Э сказано: «Когда она ушла, звуки ее голоса вились вокруг стропил и не умолкали три дня».

...тянулась, к парчовой накидке певицы. — В Китае во времена династии Тан, когда знатные люди бывали довольны голосом певицы, они набрасывали ей на голову кусок дорогой парчи.

Стр. 57... *был на празднике Лотоса некогда Тао бес- смертный обманут*. — В Китае настоятель пагоды по имени Ху Юань вместе с другими монахами создал сообщество «Белого лотоса» и пригласил участвовать в нем великого поэта Тао Цяна (Тао Юань-мина; 365 — 427), обещав угостить его вином, но не сдержал слова, и поэт, рассерженный, ушел восвояси.

Пагода Поучений истинного пути (Ле-ки). — Имеется в виду знаменитая пагода у подножия горы Феникс.

Преподобный старец Фап Ван. — Среди знаменитых проповедников, буддизма и настоятелей пагод во Вьетнаме имя Фап Вана не упоминается. Так называлась одна из древнейших и самых почитаемых пагод, с которой связаны имена первых буддийских вероучителей (VI в.); однако находилась она не в Хай-зыонге, а поблизости от столицы.

Стр. 58. Гора *Феникс*. — Речь идет о горе Фыонг-хоанг, очертаньями похожей на расправившую крылья птицу. На этой горе, воспетой многими старыми поэтами, короли династии Чан строили дворцы, здесь предался отшельничеству знаменитый ученый и поэт Тю Ан (? — 1370), а до него — чудотворец, которого некоторые, источники называют Хюйен Ван, возможно, послуживший прототипом Фап Вана.

Стр. 59. Врата *Прозренья, Самосозерцанья* — то есть «врата бодхи»; бодхи (санскритск.) — истинное прозрение, прозрение через созерцанье.

Стр. 60. *С Южной галереи глядя в ночь...*—Во времена династии Цзинь в Китае вельможа Соу Лян имел обыкновение любоваться луной с Южной галереей.

Стр. 63. *В год, на котором в месяцеслове сошлись знаки Земли и Буйвола...*—то есть 1349 г.

Девять источников — аллегорическое название Подземного (загробного) царства.

Стр. 64. *Поученье шести подобий*. — Имеется в виду буддийское поучение, где мирская жизнь уподоблена сновиденью, миражу, пузырям на воде, туману, мимолетности, кратчайшему мигу.

... оставишь пределы четырех материков. — По представлениям буддистов, земной мир состоял из четырех материков; покинуть их — значит умереть, прекратить земное существование.

Стр. 68... Прочитать раз-другой молитвы по книге «Лэнь янь». — Имеется в виду книга буддийских текстов «Лэнь-янь», появившаяся в Китае при династии Тан и не имеющая санскритного оригинала.

Стр. 70. Ложные верования могут лишь причинить вред. Здесь высказана конфуцианская оценка буддизма.

...как некогда Ша Мыня и его людей осудил государь. Вэй... — В Китае при династии Вэй (220 — 264) в одной из пагод было найдено оружие и подземелье, где скрывались женщины и девицы; государь велел казнить настоятеля пагоды Ша Мыня и его монахов, сжечь священные книги храма и разрушить статуи.

Рассказ о свадьбе Ты Тхыка и феи

Стр. 73. Годы Всеблагого сияния — девиз правления короля Чан Тхуан Тонга (1388 — 1398); в это время государственные дела пришли в упадок и все большую власть забирал в свои руки энергичный и одаренный министр Хо Куй Ли. Под его нажимом в 1398 г. король формально уступил престол своему трехлетнему сыну Чан Тхьеу Де — последнему государю династии Чан.

...год, ко котором в месяцеслове сошлись знаки Огня и Мыши... — то есть 1396 г.

Стр. 74 за жалкое жалование в пять дау риса... — Имеется в виду ежемесячное жалование, выплачивавшееся чиновникам; дау — старинная мера объема, около десяти литров.

Вершина Мешалки (Тить-чо) — гора, напоминающая очертаниями торчашую из котла мешалку; ей посвящены стихи многих средневековых поэтов.

Ущелье Зеленых Туч (Люк-ван) — прославленное своей красотой ущелье, неоднократно описанное поэтами.

Залив Священного знака (Тхэн-фу) — морской залив, описанный Нуен Чуанг Нганом, Ле Тхань Тонгом и другими поэтами.

Стр. 76. ...тешиться струнами кама... — Кам — пяти-струнный музыкальный инструмент, напоминающий лютню.

Персиковое село — в китайской классической литературе — селение блаженных, страна, где царят равенство, добродетель и покой, расположенная у легендарного Персикового источника.

Стр. 77... вроде горы Шау (китайск. «Цзоу»)... — Имеется в виду гора Тхыу-линь (китайск. «Цзюлин») — Орлиная вершина, где, по преданию, бывал Будда.

Стр. 78 ...ложе из семи драгоценностей... — Семь драгоценностей: коралл, янтарь, перламутр, агат, золото с серебром, жемчуг и лазурит.

Вершина Фулай — мифическая вершина горы Фулай, населенная духами, плывущая по морю, иногда отождествляется с горой Фулай в современной китайской провинции Шаньдун.

Стр. 79... подобна горам Лофу... — точнее, связанные отрогами две горы Ло и Фу — легендарная обитель духов в современной китайской провинции Гуандун.

Вершины Пэнлай. — Имеются в виду вершины священной горы Пэнлай, плавающей в Восточном море, на ней, по преданию, обитали бессмертные.

Нам-виет (китайск. «Наньюэ») — древнее вьетское государство, находившееся на территории современного Южного Китая.

...супруга *государя Вэй*.—Здесь, очевидно, имеется в виду, что в своем земном существовании фея была женой *государя Вэй*. Династия Вэй пала в 264 г., то есть за тысячу с лишним лет до описания событий.

... совершили *обряд взаимных поклонов*. — Один из свадебных обрядов, когда новобрачные как бы представлялись друг другу.

Стр. 80. Золотая *фея (Ким Тиен)* — небожительница, входившая, по преданию, в свиту Повелителя неба; Ким Тиен (Золотой дух) также одно из имен Будды.

Стр. 81... свидание *подле Яочи во времена Чжоу*... — Ссылка на широко распространенное в Китае предание о встрече чжоуского вана Му с мифической Хозяйкой Запада Сиванму у Нефритового пруда Яочи на горе Куньлунь.

... Вестники — *синие птицы в Ханьские времена*...— В китайских мифах синие птицы — вестники Хозяйки Запада Сиванму; здесь имеется в виду встреча ханьского императора У-ди и Сиванму, которой предшествовало появление синих птиц.

Стр. 82 ... свидания в *дене Бо-хоу*... — В новелле китайского писателя Ню Сэн-жу (779 — 847) «Записки о путешествии в Чжоу и Цинь» рассказывается, как автор якобы встретил в поминальном храме (дене) ханьской императрицы Бо Тай-хоу самое императрицу и ее подруг, знаменитых государынь и красавиц древности. Хозяйка и гости устроили поэтическое состязание, а затем автор провел ночь с прославленной красавицей Ван Чжао-цзюнь.

... и в *горах высоких Гаотан*... — По преданию, в давние времена государь царства Чу делил с феей ложе в горах Гаотан.

...явление *небожительницы среди зыбей в Лопу* — ... Фея Би Фэй, дочь легендарного китайского императора Фу-си, по преданию, встречалась с чэньским ваном Сы в Лопу.

... Цзян Фэй *сняли с себя жемчуг*. — Цзян Фэй — имя двух речных фей ; они повстречали некоего Чжэн Цзяо-фу и, сняв свои жемчуга, подарили ему ; но, едва он отошел прочь, и феи и камни исчезли.

... *Лун-юй вышла за Сяо Ши*...— Сяо Ши славился дивной игрой на свирели, и цзиньский Му-гун, очарованный его искусством, отдал ему в жены свою дочь Лун-юй. Сяо Ши стал обучать ее игре на свирели, вдруг к ним слетел Феникс и заслушался их игрой, а потом они все трое улетели на небеса.

... *встретились Цай Луань с Вэнь Сяо*... — По преданию, Вэнь Сяо повстречал на горе Сишань фею Цай Луань и взял ее в жены..

... и *Лань-сян с Чжан Шо*. — В давние времена фея Ду Лань-сян вышла замуж за юношу Чжан Шо ; потом она возвратилась на небеса, и Чжан Шо очень тосковал по жене.

Ткачиха вышла за Волопаса... — В мифологии Китая, Вьетнама и других стран Дальнего Востока распространен сюжет о дочери небесного бога Ткачихе, жившей к востоку от Млечного Пути и ткавшей изюм для небожителей ; бог, сжался над ее одиночеством, выдал дочь за Волопаса, жившего западнее Млечного Пути. Но она, выйдя замуж, перестала ткать, и бог, разгневанный, приказал ей возвратиться и впредь видаться с мужем только единожды в год — в седьмой день седьмой луны.

... *Шан Юань отыскала Фэн Чжи...* — В давние времена в Китае некто Фэн Чжи, решив заняться науками, уединился в дальних горах, но фея Шан Юань, и здесь отыскав его, прилетала к нему по ночам.

...*Сэн-жу описал свое путешествие в Чжоу и Цинь...* — См. прим. к стр. 81.

...*Цюнь-юй сочинил стихи «Царская гробница»*. — В давние времена в Китае Ли Цюнь-юй, проезжая мимо храма Эрфэй, начертал на стене его стихи, начинавшиеся словами: «Храм подле царской гробницы...» Вдруг откуда-то явились две красавицы и назначили Цюнь-юю свидание через два года.

Стр. 83. *Но Небожителей трех гора...* — Очевидно, имеются в виду три верховных духа, которые, по даосским верованиям, соответствуют нефритовой, высшей и великой чистоте. Каждый из них живет якобы на одном из небес, откуда они правят вселенной.

Стр. 84. *Пишет стихи хмельной человек о четырех страданиях...* — Согласно буддийскому учению, существует четыре страдания, которые претерпевает человек в земном мире: рождение, старость, болезнь, смерть.

Стр. 86. *Гора далека, где жилище святого...* — Здесь смысл фразы: святые (дорогие сердцу) места — далеки.

... *усталая речка близка*. — Согласно старинным географиям, на западе Китая протекала река Жошуй (Усталый поток), течение которой было столь слабо, что не могло унести и горчичного зерна.

... *чудище Да вторит последней страже*. — Да лаунг (китайск. «То-лун») — сказочное водяное животное, похожее на крокодила, издает громкий крик, отмечая каждую ночную стражу.

Стр. 89... *нынче пятый год Долгого спокойствия, и царствует третий по счету государь из дома Ле*. — Долгое спокойствие — девиз правления короля Ле Нян Тонга

(1454 — 1459); пятый год — 1558 г. Ле Нян Тонг (1440 — 1459) действительно был третьим государем династии поздних Ле (1428 - 1488); почти не успев править самостоятельно, был убит заговорщиками.

Стр. 90. *Нон* — коническая шляпа, сплетенная из пальмовых листьев, традиционный головной убор вьетнамцев.

Рассказ о прогулке Фам Ты Хы
среди Звездных палат

Стр. 91. *Фам Ты Хы* — вероятно, лицо историческое, упомянут в «Описании испытаний и дел тьен ши всех царствований земли Дай-вьет (XVIII в.?) и др.

Озеро *туманов* (Зам-дам) — Западное озеро, находящееся в черте современного Ханоя; излюбленное место охоты, рыбной ловли и отдыха государя и знати.

Стр. 92. *Храм Воина-усмирителя у Северных ворот* (ден Чан-во) — один из древнейших вьетнамских храмов, построен в 1010 г., когда в Тханг-лаунг (совр. Ханой) была перенесена столица (по храмовым записям), или — в 1102 г. (по летописным источникам).

...*должность Хранителя Багряно-алых ворот*. — Одно из имен духа, которому поклоняются в храме Война-усмирителя; под этим именем он почитается как покровитель наук и словесности. Первоначально — даосское божество, включенное в конфуцианский культ.

Стр. 93 *ухватил бы — до срока — тавлы с отличиями Мэн-чжэна...* — В Китае при династии Сун (960 — 1279), когда Ло Мэн-чжэн с отличием сдал экзамены, Ху Дань сказал, что через год и он сдаст экзамены, чтобы и его имя начертано было на тавлах (досках) с именами и званиями отличившихся.

... подобрал — *до срока* — сор и соломинки несравненного Ханьхоу. — Живший при династии Хань в Китае ученый-конфуцианец Ханьхоу Шэн утверждал, что достойный муж должен опасаться лишь одного — оставить непросветленным свой разум, но зато если разум его просветлен, то удостоиться одеяний вельможи не труднее, чем поднять с земли соринки или соломинки.

Стр. 95... как некогда Лю Юй, продать скопом все государство... — Вельможа Лю Юй, служивший сунскому императору, предал своего государя цзиньским военачальникам, и те в благодарность провозгласили его «императором» (1130 г.).

... обманывают государя, подобно Янь Ли. — Янь Ли, служивший танскому императору Дэ-цзуну (780-804), творил беззакония, представляя императору ложные объяснения.

Стр. 96... Янь Хуэй, хоть и ютился в глухом переулке, стал после смерти Письмоводом... — Янь Хуэй, ученик Конфуция, жил бедняком, в глухом переулке; благодаря своей мудрости и справедливости, по преданию, был назначен Письмоводом при Повелителе Подземного царства.

... Ван Пак, в миру чванливый и дерзкий, умирая, залил своей кровью землю. — Ван Пан, сын знаменитого вельможи и реформатора Сунской эпохи Ван Ань-ши (1021-1086), был заносчив и груб. Как-то к Ван Ань-ши якобы явился один из бывших его приближенных, к тому времени уже умерший, и отвел Ван Ань-ши в такое место, откуда тот мог видеть, как его сын, подвергнутый пыткам в аду, залил землю вокруг своей кровью.

...открыть им во сне будущее... — По преданию, Хранитель Багряно-алых ворот (см. прим. к стр. 92), являлся во сне школярам, оставшимся на ночь в храме, предвещая, что их ждет на экзаменах. Дух якобы прилетал дважды в месяц (первого и шестого числа).

Стр. 99. Чанг нгуен — высшая ученая степень, присуждавшаяся на столичных экзаменах.

Стр. 100. «Ворота Учености и Долга» — буквально: Врата Конфуцианства.

То Хиен Тхань (?-1179) — выдающийся вьетнамский полководец и государственный деятель, служил при короле Ли Ань Тонге (1138—1175) и был наставником наследного принца.

Тю Ван Ан (?—1370) — знаменитый вьетнамский писатель и конфуцианский философ.

Тиен ши — ученая степень, присуждавшаяся лицам, выдержавшим столичные экзамены.

Стр. 101... увлекаться небылицами рассказчиков, именуемых «ци се», или притчами Чжуан-цзы? — Чжуан-цзы — прозвание знаменитого китайского философа Чжуан Чжоу (369-286 гг. до н. э.) и название его книги, изобилующей различными притчами и аллегориями и выделяющейся среди философских трактатов того времени высокохудожественной литературной формой.

«Ци-се» — так названы в книге «Чжуан-цзы» рассказчики чудесных историй и сказок и самый жанр подобных рассказов.

Рассказ о кознях нечистой силы у Изобильной реки

Стр. 102. В самом конце царствования дома Хо... — Династия Хо находилась у власти с 1400 до 1407 г.

Стр. 107. Фу ты — разновидность горечавки, из этих плодов в старину готовились целебные снадобья,

Стр. 109. Зием Вьонг. — По верованиям вьетнамских буддистов, Повелитель Подземного царства, вершащий суд над умершими.

Книга « Весны и Осени », — Древняя китайская летопись, которую якобы редактировал сам Конфуций.

... о камне там сказано вещем... — В книге «Весны и Осени» есть рассказ о говорящем камне в государстве Цзинь.

... о сошествии духа на землю. — В книге «Весны и Осени» есть запись о том, что в правление луского Чжуан Гуна (693 — 662 гг. до н.э.) на землю спустился дух.

«Преданья мирские». — Имеется в виду китайская книга «Е-ши» — «Неофициальные истории».

... о попойке и о пробуждене под деревом май... — В Китае во времена династии Суй (589-619) некто Чжао Ши-дуй, проходя ненастной ночью мимо горы Лофу, увидел девицу в белых одеждах, которая, выйдя из стоявшей посреди леса харчевни, пригласила его туда выпить вина и развлечься. Чжао Ши-дуй захмелел, а поутру проснулся от стужи, обнаружил, что лежит на земле, среди зарослей, под деревом май.

...про оборотня в фонаре.—Некогда Сун Цянь, служивший начальником стражи, пригласил своего друга Чжао Янь-сюня к себе в дом учителем. Однажды ночью Янь-сюнь увидел неизвестную красавицу, читавшую под фонарем стихи, потом она погасила фонарь и исчезла. Они стали встречаться каждую ночь. Сун Цянь, узнав об этом, послал слуг схватить незнакомку, но оказалось, что это не человек, а старый фонарь.

Стр. 110... *Цзинь Цзяо рог поджег носорожий и омут огнем осветил...* — Во времена династии Цзинь некто Цзинь Цзяо, прослышав, что в муфте подле пристани Нючжу водятся чудища, зажег носорожий рог и высветил в глубине водяных жителей, колесницы и т.п. Ночью ему явился во сне Водяной дух и стал укорять за этот проступок.

... Ма-лян начертил ни бесовской ладони иероглиф...— Во времена династии Сун в Китае отрок Ма Тун-лян, сидя ночью за книгами, увидел проснувшуюся в окно гигантскую ладонь. Когда это повторилось и на следующую ночь, он начертил на ладони магический иероглиф; злой дух взмолился о пощаде, и Ма Гун-лян, смыв иероглиф, отпустил духа на волю.

...нечистая сила таскала по комнате ложе...— В танские времена Вэй Юань-чжун увидел как-то близ своего ложа неведомо откуда явившихся женщин и девиц и, поняв, что перед ним нечистая сила, заставил их таскать свое ложе, покуда те, испуганные и утомленные, не удалились.

...Обезглавлен когда-то был оборотень-поджигатель. — В Китае во времена Троецарствия (220-280) Гуан Лу, сидя ночью у фонаря, увидел мелкую тварь, раздувавшую пламя из трута, чтобы подпалить дом. Он велел ученику разрубить эту тварь мечом, и она оказалась лисой-оборотнем. С тех пор в деревне прекратились пожары.

Стр. 112... *люди в эпоху династии Чжоу в журавлей превращались, в букашек, в песчинки.* — В Китае существует предание: когда чжоуский император Му Ван (1001 — 947 гг. до н.э.) двинулся в поход на юг, в войске его высокородные мужи обернулись гиббонами и журавлями, а простые воины — насекомыми и песчинками.

... из-под надгробия дух появлялся. — Во времена цзиньского императора Ху-ди старый лис и колонна, стоявшая у гробницы яньского государя Чжао-вана, сделались оборотнями и оба погибли по вине лиса, который поступил в ученики к прославленному мудрецу Чжан Хуа и был им разоблачен.

Стр. 113. *Карающий Меч возвышается древом, а Нож устремляется ввысь островерхой горой!* — Согласно

легендам в аду находились Дерево-меч и Гора-нож, на которых принимали муки грешники.

Не был он стойким, как был Янь Шу-цзы... — В Китае при династии Чжоу жил некто Янь Шу-цзы; однажды ночью разразилась буря, рухнул соседний дом и соседская девица попросилась к Янь Шу-цзы укрыться от непогоды. Янь Шу-цзы заставил ее всю ночь до рассвета держать в руке зажженные свечи и тем избежал соблазна.

... по стопам недостойного У Чэн-сы... — Во времена династии Тан в Китае жил муж по имени У Чэн-сы, у него была наложница Су Э, которая сделалась человеком из аромата цветов и лунного света.

Стр. 114... *года, на котором в месяцеслове сошлись знаки Огня и Змеи* — то есть 1436 г.

Неизменное процветание и покой — девиз правления короля Ле Тхай Тонга (1434 — 1439).

... медведь из Юйюаня... — Однажды заболевшему императору династии Цзинь привиделось, будто в окно к нему влез медведь. Мудрец истолковал видение так, что дух казненного некогда Гуня вселился в желтого медведя, обитающего в Юйюане, и все государства шлют ему жертвоприношения, одно лишь царство Цзинь не посылало еще даров.

... вепрь из Бэйцю... — Однажды Сян-гун, государь царства Ци (697 — 686 гг. до н.э.), выехав на охоту в Бэйцю, увидел огромного вепря. Один из приближенных сказал Сян-гуну, что в этого вепря воплотился самим же государем убитый Пэн Шэн. Государь не поверил, выстрелил в вепря, и тогда зверь поднялся на задние ноги и заплакал, как человек.

Стр. 115. *Чан-ли.* — См. прим. к стр. 13.

Цю-мин — Цзо Цю-мин, автор одного из доханьских комментариев к книге «Весны и Осени».

Рассказ о словопрениях с дровосеком на горе Уединенья

Стр. 117... *как некогда Чэнь Мэнь, или Цзе Юй, или,, на худой конец, Тай-хэ.* — Чэнь Мэнь чурался жизненной суеты, служил привратником, открывая поутру городские ворота. Цзе Юй жил в царстве Чу, он прикинулся сумасшедшим, чтобы не идти на службу и его называли «безумец из Чу». Тай-хэ (Лань Тай-хэ) — отшельник времён династии Тан, бродил в рваной одежде, одном башмаке и с длинной палкой; напиваясь пьяным, распевал песни, стуча в такт палкой.

Первооткрытое величие — девиз правления короля Хо Хан Тхыонга (1403 — 1407).

Некогда Се был прославлен с Ваном... — Се (Се Ань) и Ван (Ван Дао) — знаменитые полководцы династии Цзинь.

Стр. 118. *Были в почете Чжао и Цао...* — Чжао Ту и Цао Бинь — знаменитые полководцы династии Сун.

Стр. 120... *вдали от дворца проживал на заоблачной древней вершине...* — Имеется в виду ученый-конфуцианец Чэнь Гуань времен династии Сун, который неоднократно отвергал приглашения ко двору и жил отшельником, последние годы — на горе Хуа в Заоблачном доме.

... кто шалаш свой построил в Наньяне... — Здесь речь идет о знаменитом полководце эпохи Троецарствия Чжугэ Ляне, который, прежде чем двинуться на помощь Лю Бэю, основателю царства Шу (Хань), якобы долго отсыпался в шалаше в Наньяне.

... стихи после веших пишу сновидений... — В Китае, в эпоху Южных и Северных династий (386 — 589), славились своими стихами двбюродные братья Се Линь-юй и Се Хуэй-лян. Когда Се Хуэй-лян умер, брат его надолго

утратил поэтический дар, покуда однажды в Западном покое не увидел во сне Се Хуэй-ляня и тотчас сложил превосходные, стихи.

...строки напевно читаю у Северного окна...— Тао Юань-мин, покинув службу и возвратившись домой, имел обыкновение возлежать у Северного окна и, наслаждаясь прохладой, воображать себя современником легендарного императора Фуси.

Снова с красавицей вижусь у берега Сяна... — В Китае некогда жил человек, владевший чудесной подушкой, каждую ночь он видел во сне, будто гуляет с красавицей у реки Сяншуй.

Вижу в ночи журавля... — Известный китайский поэт Су Дун-по (1037—1101), сосланный в Ханчжоу, увидел на реке журавля, кружившего над его лодкой. Ночью ему явился во сне праведник в одеянье из перьев.

Сплю я, как некий правитель уезда... — Имеется в виду эпизод из жизни Тао Юань-мина: он недолгое время служил начальником уезда Пэнцзэ и как-то заснул у прикрытого шторой окна.

Некий Лянь-си, засыпая, болотную курочку слышал. — Во времена династии Сун некто Чжоу Лянь-си владел чудесной подушкой — уснувшему на ней слышался крик водяной курочки.

Стр. 121. *Змеи с драконами... тигры с медведями... колесницы, кони... воин...* — фигуры шахмат, распространенных на Дальнем Востоке.

...один, переплывший стремнину... — Позиции сторон — Севера и Юга — на шахматной доске разделены «рекой».

... как в саду знаменитом некогда их ожидал Сыма Вэнь.—В описании сада Уединенной радости, принадлежавшего Сыма Вэню, говорится о том, как, выпив вина, игроки проводят приятный день за шахматами.

Стр. 124. *Зерна хо* (диеу) — дикорастущее злаковое растение со сладковатыми семенами.

Кам дай (ку нам) — дикорастущие растения с клубневидными плодами.

... был найден некогда муж, сходный с парсуней...— Один из государей полулегендарной китайской династии Шан (1066 — 1122гг. до н.э.) увидел во сне родоначальника династии, представившего его парсуну (портрет), и послал людей на розыски. Они отыскиали в Фуяне похожего на портрет человека по имени Фу Юэ, мостившего дамбы вдоль каналов. Государь дал ему высокий чин и, ценя его дарования, сказал однажды, что тот способен и во время засухи сотворить дождь.

... рыбак был доставлен на колеснице...—Будущий чжоуский государь Вэнь-ван, выехав на охоту, у реки Вэй повстречал рыбака Люй Вана и, пораженный его мудростью, пригласил на ехавшую следом колесницу, привез во дворец и пожаловал ему высокий чин: Люй Ван стал победоносным полководцем и разгромил на поле Му армию иньского государя (1122 г. до н.э.), после чего и была основана династия Чжоу.

... сжечь плетеную шляпу и разорвать накидку из листьев — то есть сбросить традиционное одеяние отшельника.

Стр. 125... *Янь Сы-лан отказался от должности...* —Янь-Сы-лан — знаменитый мудрец и отшельник, в детстве учился вместе с ханьским государем Гуан-у; когда тот вззошел на престол, Янь Сы-лан тотчас удалился отшельником на реку Тун, избегая возможных соблазнов;

...Цзян Ва-хуай не дал срисовать с себя парсуну...— Цзян Ба-хуай, славившийся своими добродетелями, отказался идти на службу к ханьскому императору Хуань-ди (147—167), видя в нем государя несправедливого и

растленного, и не позволил художнику написать его портрет для императорской галереи.

... *побогаче Цзянь Лоу...*—Цзянь Лоу — добродетельный и ученый муж, жил в эпоху «Весен и Осеней»; отказавшись идти на службу, он умер в нищете, после него осталось лишь одеяло, которым невозможно было прикрыть труп.

... *долговечнее Вэй Цзе...*— Вэй Цзе жил при династии Цзинь, славился красотой и литературными дарованиями, умер двадцати семи лет от роду.

...*посытее Юань Цина...* — В давние времена в Китае некто Юань Цин-му, обессилев от голода и нужды, рухнул на дорогу; оказавшийся поблизости разбойник накормил его и тем спас, но Юань Цин, узнав, что он съел бесчестно добытую пищу, попытался исторгнуть ее и в конвульсиях умер.

...*удачливей Фэн Цина...* — Сюнь Цань, по прозванию Фэн Цин, живший при династии Вэй, так любил свою жену, что когда она умерла, скончался следом за нею.

Тямы уступили земли и назвались его вассалами... — Тямы — народность, населявшая государство Тямпа, существовавшее на территории Центрального Вьетнама (II — XV вв.).

...*минское войско, преподнеся дары, просило об отступление...*— В 1406 г. правившая в Китае династия Мин попыталась захватить Вьетнам под предлогом возвращения «законной» династии Чан. Однако полководцам Хо Куй Ли удалось разбить китайскую армию; и китайцы выдали в качестве «дара» самозванного принца Чан Тхием Биня и отвели остатки своих войск.

Лао-куа — одно из средневековых названий Лаоса.

Дай-ли (Да-ли) — тайское государство (VII — XIV вв.), существовавшее на территории современной китайской провинции Юньнань.

Стр. 126.... *сравниться заслугами с Яо и Шунем.* — Яо и Шунь — легендарные императоры, персонажи китайских мифов, славившиеся своей справедливостью и добротой; царствование их изображается как некий «золотой век».

... *уйти от мира, как У Туан или Цзюань-цзы...* — У Гуан был вельможей государя полулегендарного древнекитайского царства Ся. Когда основатель династии Шан разгромил царство Ся, он предложил У Гуану владеть этой страной; но У Гуан отказался, инсценировал самоубийство и удалился от мира. Цзюань-цзы — знаменитый мудрец и отшельник, который якобы постиг сокровенные истины и умел вызывать ветер и дождь.

...*покинул град Благодетельного дракона и переехал к Горе Умиротворенных предков?* — Град Благодетельного дракона — одно из древних названий вьетнамской столицы. Гора Умиротворенных предков — место, где Хо Куй Ли начал строить новую столицу.

Стр. 127... *оттого и случилась брань на реке Оматов.* — Близ этой реки в 1399 г. вспыхнуло восстание во главе с Нгуен Ньы Каем, собравшим под свои знамена более десяти тысяч человек, которое было подавлено королевскими войсками.

... *утрачена Башенная земля (Ко-Лэу)* — В 1405 г. на переговорах с Китаем вьетнамский посол согласился уступить пятьдесят девять пограничных деревень и среди них местность или деревню Ко-лэу. Найдя уступки чрезмерными, Хо Куй Ли возмущился и приказал своим агентам отравить прибывших в те места китайских чиновников.

Нгуен Банг Кы — вельможа и военачальник династии Чан, разбивший повстанцев при реке Оматов; служил и при династии Хо.

Хоанг Хой Кхань — дипломат и государственный деятель, служивший при династиях Чан и Хо.

Ле Кань Ки — настоящее имя Ле Нян Тхонг, сменил его по королевскому указу (1392 г.), получая высший чин при дворе Чанов; служил и при династии Хо.

Льу Тхук Кiem — государственный деятель при династии Хо.

подобрать полы, и вброд перейти трясины? — Один знаменитый отшельник при династии Цзинь в Китае отказывался идти на службу, ссылаясь на болезнь и говоря, что боится захворать лихоманкой, переходя по пути в столицу вброд ручьи и трясины.

...нести дорогие камни с горы Куньшань назад, на ее вершину...—В «Шуцзин» («Книга документов» — третья книга конфуцианского пятикнижия) сказано, что, когда племя охватило гору Куньшань, вместе с нею сгорели все дорогие камни. Этой фразой отшельник дает понять, что не желает идти на службу во вред самому себе.

Стр. 128. *В заливе, названном Дивная сеть, поэтический жар оборвется.* — Имеется в виду залив, где Хо Куй Ли был захвачен в плен китайцами.'

...у заветной вершины Надежд опечалится путник душой. — Речь идет о местности, где был захвачен в плен Хо Хан Тхыонг.

...в виришах поэтов из рода Юань и из рода Во... — Имеются в виду прославленные китайские поэты эпохи Тан — Юань Чжэнь, по прозванию Вэй Чжи (779 — 831), и Бо Цзюй-и.

...как в письменах Лю и Сы...—Лю — вельможа династии Чжоу, создатель системы иероглифического письма «дачжуан». Сы (Ли Сы) — царедворец и ученый династии Цинь, создавший систему иероглифического письма «сяочжуань».

Стр. 129... *гадатели по траве иль черепашьему панцирю...*— В древнем Китае и во Вьетнаме предсказы-

вали будущее по черепашьему панцирю (его покрывали письменами, обжигали в огне и по очертаниям трещин давали ответ) и по тростнику, в результате манипуляций со стеблями тростника определялись комбинашки цифр, соответствия которым находились в канонической «Книге перемен» («Ицзин»), первой книге конфуцианского пятикнижия.

Рассказ о покинутой пагоде в уезде Восточных приливов

Стр. 133. *Пагода Бронзового барабана.* — Так назывался храм Донг-ко, где находился бронзовый барабан, отлитый якобы во времена полубогатых вьетнамских государей Хунг (I тыс. до н. э.).

Пагода Умиротворенного жития.—Имеется в виду пагода на горе Ан-шинь, где находился «бездонный» колодец с прозрачной водой и «говорящий» камень, звучавший перед дождем.

Пагода Кротчайшего чада (тюа Ан-ты) — По преданию, во времена династии Хань из Китая пришел сюда преподобный Ан Ци-шэн, поселился на горе отшельником и отсюда вознесся на небеса.

Пагода Всепроницающего сияния (тюа Фо-минь) — была построена, согласно одной из храмовых стел, при династии Ли или, по другим источникам, в 1310 г., при Чанах, когда она приобрела особое значение, — многие государи жили там, уступив престол сыновьям.

Навес Лазурной яшмы — буддийское храмовое сооружение на горе Дам-тхюи, славившейся своей красотой.

Стр. 134. *При государе Зиан Дине из дома Чан война полыхала круглый год.* — Речь идет о династии Поздних Чанов (1407 — 1413). Зиан Динь-выонг — младший сын

короля Чан Нге Тонга — в 1407 г. поднял восстание против оккупировавших Вьетнам китайских войск. Зиан Динь потерпел поражение в 1409 г., был схвачен и отправлен в Китай.

Когда полчища Нго отступили... — Нго (китайск. «У») — название царства в Южном Китае (III в.), совершавшего нападение на территорию Северного Вьетнама; с тех пор слово «нго» стало у вьетнамцев обозначением захватчиков, вторгающихся с севера, то есть китайцев. Здесь имеется в виду 1428 г., когда китайские войска были разгромлены и отступили.

Красногребенчатые утки — птицы из семейства утиных с пестрым оперением и мясистым красным гребнем.

Стр. 136... *вредят шести бессловесным тварям* — то есть шести «главным» домашним животным: лошади, корове, курице, козе, собаке, свинье.

Стр. 137. Гора *Кротчайшего родителя* (Ан-фу). — В «Описании земель Великой державы Юга» сказано, что, когда смотришь на гору Ан-фу на фоне горы Кротчайшего чада, кажется, будто впереди стоит кряжистый, но сутулый от старости отец, а за ним — высокий и рослый сын.

Стр. 139. Ле — старинная мера объема, равна 1,036 л.

Стр. 140. ... *куда и тысяча канов спрячется*. — Кан — старинная мера веса, равна 604,5 г.

... *выдрать в саду сахарный тростник, подражая древнему Военачальнику Тигриной головы!* — В Китае при династии Цзинь жил полководец Гу Ци-чжи, имевший звание Военачальник Тигриной головы; он очень любил тростник.

Стр. 141. ...*изваянья обоих Стражей истинного пути*... — Имеются в виду статуи духов-хранителей, стоящие обычно по обе стороны входа в пагоду.

Стр. 142. ... *хаук ши по имени Су в правление дома Сун*... — Хаук ши (ученый муж) — звание, присваиваемое тем, кто входил в состав Королевской академии «Лес кистей»; здесь оно упомянуто в связи с именем китайского поэта Су Дин-по, дружившего с настоятелями буддийских храмов.

... *чанг нгуену из рода Лыонг у нас при государях Ле*. — Речь идет о Лыонг Тхе Вине (1441 — ?), вьетнамском государственном деятеле, дипломате и ученом, входившем в Собрание двадцати восьми светил словесности.

... *вроде Хань Чан-ли*. — См прим. к стр. 13.

Рассказ о девице по имени Туи Тиеу

Стр. 143. *Нгуен Чунг Нган* (1289 — 1370) — выдающийся государственный деятель, историк и поэт; занимал важные посты при дворе, был послом в Китае.

Стр. 145. ...*год, на котором в месяцеслове сошлись знаки Земли и Пса* — то есть 1358 г.

Квартал Мира и согласия. — Очевидно, один из старейших кварталов средневековой вьетнамской столицы — Тхай-хоа (Мир и согласие) в северо-западной части города.

... *в пагоду у башни Небесного воздаяния*... — Речь идет о пагоде Возвышенной радости (Шунг-Кхань), построенной Ли Тхай Тонгом (1057 г.) в ознаменование мира и процветания, наступивших после побед над Тямпой и уступок со стороны правившей в Китае династии Сун. Перед пагодой, посреди небольшого озера, была воздвигнута башня Небесного воздаяния.

Звание «Опора державы» — одно из высших придворных званий, дававшееся за особые заслуги.

Они любовались цветами... — Во Вьетнаме, как и в соседних странах, существовал обычай «любованья цветами», когда люди — порой издали — собирались поглядеть на распускавшиеся цветы дерева маи (весной), персиков (под Лунный Новый год) и т.д.

Стр. 147. *И тучи над землями Цинь небосклон застилают.* — Идиоматическое выражение для обозначения густых черных туч, восходящее, по-видимому, к творчеству средневекового китайского поэта Сыкун Ту.

Где храбрый Кун-но или Сюй Цзюнь знаменитый — Кун-но («куньлуньский раб») и Сюй Цзюнь — персонажи средневековой китайской литературы, которые помогали соединиться разлученным влюбленным.

... как же вернуть мне мою драгоценную яшму? — Намек на стихотворение китайского поэта Ду Му (803 — 852), где говорится о некоем Чжун Эре, вынужденном бежать из родных мест; друг подарил ему на прощанье поднос с рисом и дорогую яшму, Чжун Эр принял поднос, а яшму вернул. С тех пор слова «вернуть яшму» означают — возратить сокровище их владельцу.

Стр. 148. *... бумажный листок — на подобном когда-то писала Сюэ Тао...* — Поэтесса танской эпохи Сюэ Тао сочиняла короткие стихи и, сберегая бумагу, нарезала ее небольшими листками.

Кисть из Линьчуаня. — Так как известный каллиграф Ван Си-чжи служил в Линьчуане, то искусных каллиграфов стали называть кисть из Линьчуаня». См. прим. к стр. 25.

... напевы страны Хэси. — Хэси — область древнего Китая, расположенная к западу от Хуанхэ.

... как Мэн Гуан, я не поднимала до самых бровей поднос. — Во времена династии Хань некая Мэн Гуан из любви и почтения к мужу подавала ему еду не иначе,

как поднося поднос до самых бровей. Фразой этой Туи Тиеу намекает, что она, до встречи с Зи, ни к кому не испытывала сердечной склонности.

Игрою на камне, как древле Чан Цин знаменитый, никто еще сердце мое не сумел полонить. — Известный китайский поэт Сыма Сян-жу, по прозванию Чан Цин (179 — 117 гг. до н.э.), своей игрой на камне пленил красавицу Чжо Вэнь-цзюнь, и она вышла за него замуж.

Я чтю высокий талант стихотворца Ду Му... — Здесь, по мнению вьетнамского комментатора, речь идет о стихотворении, написанном поэтом Ду Му на пиру у знатного вельможи, где поэт, плененный красотой певиц, начал свой экспромт восхвалением распустившихся во дворце прекрасных цветов (то есть красавиц).

... как в давнее время другую, меня на дороге похитил злодей... — Туи Тиеу сравнивает себя с красавицей Лю, возлюбленной Хань Хэна, которую во времена династии Тан в Китае похитил на дороге знатный вельможа.

Стр. 150. *Хань Хэн написал, что поломаны ветки у ивы и ствол...* — Туи Тиеу ссылается на стихотворение, посланное Хань Хэном его возлюбленной, построенное на игре слов, так как имя «Лю» означает «ива»; поэт намекает, что кто-то мог силой овладеть его любимой.

Но снова жемчужницы к старым прибеют берегам. — По преданию, у берегов Хоп-фо, где жили предки вьетнамцев, обитали раковины-жемчужницы, которые при дурных правителях уходили в глубь моря, а с воцарениемл доброго возвращались обратно к берегу.

...увы, как говорится, над землею Чу дождь, а в Яне — солнце... — Чу и Янь — государства, находившиеся на крайнем юге и севере Китая.

...горевала о бедном лепешнике... — Танский принц Кэнь Ван похитил жену бедного лепешника, но она, прожив долгие годы во дворце, все горевала о муже. Тогда Нин

Ван призвал лепешника и отпустил их обоих восвояси.

...бросилась с *галереи наземь*. — Чжао Ван-лунь, прельщенный красотой Люй Чжу, чтоб овладеть ею, убил ее мужа; но Люй Чжу, храня верность супругу, бросилась вниз с дворцовой галереи и разбилась.

Стр. 154. ... *скорее, как говорится, обмерю пядью великую гору У*... — Здесь, вероятно, намек на известный з китайской словесности символический образ духа горы "У, который является во сне влюбленным и сводит их друг с другом. Само же выражение означает: взяться за безнадежное дело.

... *заводить речь о возвращении жемчуга*... — Некогда Линь Си, будучи еще отроком, отправился в столицу и по дороге на постоялом дворе нашел сумку, полную жемчужин. Он расспросил о бывшем до него постояльце и, узнав, что того звали Чжоу Чжу-цзинь, назвал свое имя и дом. Когда Чжу-цзинь отыскал его, Линь Си вернул жемчуг и отказался от награды.

Стр. 155. ... *или Чан-ли, который отпустил прекрасную Лючжи*. — См. прим. к стр. 14.

Стр. 156. *Кто же, ища дорогую жемчужину, уляжется перед пастью Черного дракона?* — В давние времена в Китае юноша-бедняк достал со дна реки огромную жемчужину. Отец объяснил ему, что такие жемчужины бывают лишь в пасти у Черного дракона и что дракон, к счастью, заснув, выронил жемчуг, — иначе бы юноше несдобровать. Выражение это означает бессмысленное, заранее обреченное предприятие.

Стр. 157. ... *как некогда Вэй или Хо*...—Вэй Цин и Хо Цюй — знаменитые китайские полководцы династии Хань.

... *спустились е округ Небесной вечности*...—Вьетнамцы обычно говорят не «ехать с севера на юг», а «спу-

скается », соответственно с юга на север — « подниматься ». Округ Небесной вечности — родина первых чанских государей.

...*седьмой год Великого правления*... — дезиз царствования короля Чан Зу Тонга (1358 — 1369); здесь—1365г.

Стр. 158. ... *едва перестав быть супругой Чыонга, стала соложницей Ли*. — Чыонг (китайск. « Чжан ») и Ли — наиболее распространенные фамилии ; фраза эта означает женскую неверность, непостоянство.

...*стоит покончить с сомнениями в Сяцае, вновь заблуждаешься в Янчене*. — Сячай и Янчен — уезды в древнем китайском царстве Чу, где, по преданию, было множество красивых девиц и куда съезжались якобы титулованные и чиновные мужи из разных мест. Нгуен Зи почти дословно повторяет здесь фразу из оды китайского поэта Сун Юя.

Рассказ о ночном пире у реки
Полноводный Проток

Стр. 160. ...*год, на котором в месяцеслове сошлись знаки Огня и Тигра* — то есть 1386 г.

Государь Чан Фе Де — один из последних королей династии Чан (царствовал в 1377 — 1388 гг., девиз—Великолепное согласие).

Стр. 161. ...*давний случай с деревянным столпом у могилы и лисом-оборотнем?* — См. прим. к стр. 112.

Стр. 162. ... *вымыв голову, стянуть волосы тугим кругом*...— Мудрый советник чжоуского У-вана (XII в. до н.э.) Чжоу-гун, чтобы достойно встретить праведников, мыл голову и стягивал волосы в тугое кольцо.

... *взойдя на колесницу, уступить место по левую руку?* — Вэйский принц, встретив мудрого отшельника Хоу Ина, уступил ему слева от себя место в колеснице.

Канцлер Куй Ли — то есть Хо Куй Ли (см. прим. к стр. 73).

На полевание в Вэйян выезжали ради старца... — Вэнь-ван, выехав на полевание (охоту) в Вэйян, встретил мудреца Люй Вана (см. прим. к стр. 124).

... великий лов в Юйжэне задуман был для обозрения войск... — Луский государь Чжао-гун (541 — 510 гг. до н. э.) устроил великий лов (охоту) в Юйжэне, чтоб провести смотр своих войск.

... стрельбу в Чжаняне учинили единственно для искоренения хищного зверя. — Ханьский государь Пин-ди (1 — 5 гг.) устроил большую охоту в Чжакяне, где хищники, расплодившись, вредили людям.

Стр. 164. *... на юге бешеный пес Бонг Нга...* — Имеется в виду король Тямпы, имя которого во вьетнамской транслитерации — Те Бонг Нга (1360 — 1360). Во второй половине XIV в. войска его неоднократно вторгались во Вьетнам, нанося поражения чанским военачальникам.

... на северо-западе изголодавшийся тигр Ли Ин ревет громоподобно... — Ли Ин — китайский военачальник, посланный в 1386г. императором в поход против Тямпы через Вьетнам.

... безумец Нго Бе покорен... — Нго Бе — вождь крестьянского восстания. В 1360 г. восстание было подавлено королевскими войсками, а Нго Бе и другие его вожди казнены.

Небесный конь все еще где-то таится в тиши. — «Высокородным и всеведущим Небесным конем» называл себя Нгуен Бо — руководитель восстания 1379 г. В том же 1379 г. восстание было подавлено, а Нгуен Бо казнен.

Стр. 165. *... изогнув туловище дракона Великого южного моря... ускорить бег Пан Тунова «Скакуна Тысячи ли»...*

— Выражение это означает: совершить небывалые дела, прославиться. Во времена Троецарствия у Пан Туна, известного своими талантами, был конь, за резвость прозванный «Скакуном Тысячи ли».

Стр. 167. *... когда над рекой Сяосян горестным криком исходит...* — Имеется в виду старинное китайское стихотворение о гиббоне, который печально кричит у берега реки Сяосян.

... кто хогда-то рыдал, глядя, как целит стрелок. — В царстве Чу жил диковинный белый гиббон, которого никому не удавалось подстрелить. Государь Чжуан-ван (613 — 580 гг. до н.э.) послал искусного лучника Ян Ю-дзи; едва тот наложил стрелу, гиббон обнял ствол и зарыдал, а когда лучник выстрелил, сам кинулся навстречу стреле и рухнул наземь.

...единорог—милосердное существо... — Единорог—мифическое животное, которому якобы свойственны доброта и благородство.

Стр. 168. *Будь он правдив, как Вэй Юань-чжун...* — Вэй Юань-чжун (см. прим. к стр. 110) славился своей правдивостью и прямоотой.

... веря, как Чжан Мао-сянь... — Чжан Мао-сянь — прозвание мудреца Чжан Хуа (см. прим. к стр. 112.).

... когда воды реки Цанлан прозрачны... — Пересказ песни из «Отца-рыбака» в «Чуских строфах» великого китайского поэта Цюй Юаня (340 — 278 гг. до н. э.).

Рассказ о девице из уезда Южного благоденствия

Стр. 171. *Ланг* — старинная мера веса, равна 37,301 г.

Стр. 175. *... близко не подходила к ивовым улочкам и дорогам в цветах.* — Так называли кварталы «увеселительных домов».

Стр. 176.... *ваза упала, и сломана напрочь заколка...* — Перефразированная строка на стихотворения Ли Бе означающая окончательный разрыв между возлюбленными или супругами.

... *взойти мне снова на гору Ваунг-фу.* — По мнению вьетнамского комментатора, здесь намек на то, как в давние времена в Китае чиновник по имени Янь взял в жены урожденную Пи, но, после того как десять лет она оставалась бесплодной, решил с ней расстаться. В прощальных стихах Пи поклялась вечно ждать встречи с любимым, даже став камнем. Ожидания супруга; растроганный Янь оставил ее в своем доме. Сюжет о верной жене, обернувшейся камнем от бесконечного ожидания мужа, распространен в китайском и вьетнамском фольклоре, в обеих странах есть горы Ожидания супруга.

... *пусть, как Ми Ньонг, в воде обернусь я жемчужиной...* — Ми Ньонг — дочь Ан Зыонга, короля государства Ау-лак, находившегося на территории Северного Вьетнама (III в. до н. э.). Отданная замуж за сына соседнего государя, она была обманута мужем и, выдав ему невольно тайну волшебного арбалета, стала причиной гибели родной страны. Ан Зыонг, узнав об этом, отрубил дочери голову. Но в доказательство ее невиновности капли крови Ми Ньонг, стекавшие в море, стали чистыми жемчужинами.

... *на земле стану травой Мэй-жэнь.* — Когда претендент на престол Сян Юй, преследуемый основателем Ханьской династии Лю Баном, оказался в безвыходном положении, жена его Юй Мэй-жэнь, не желая попасть в руки врагов, пронзила себя мечом. По преданию, дух ее воплотился в два кустика травы, выросшей на ее могиле и названной «травой Мэй-жэнь».

Стр. 179. ... *не похожи на Цао Э...* — Во времена династии Хань в Китае жила девочка Цао Э. Когда отец ее

утонул в реке, она тоже бросилась в реку. Через три дня она, мертвая, всплыла на поверхность, держа в объятиях труп отца. Люди построили в честь Цао Э храм.

... *не уподобились птице цзинвэй.* — В древней китайской книге «Шаньхайцзин» записано предание о дочери императора Янь-ди, утонувшей в Восточном море. Душа ее якобы воплотилась в птицу цзинвэй, которая день за днем бросает в море камни и ветки, пытаясь засыпать его, чтобы больше никто не мог утонуть.

Стр. 180 ... *кони племен ху ржут, чуя северный ветер...* — Кочевые племена ху жили к северу от Китая, по преданию, знаменитые кони их ржали, почуяв ветер с севера (то есть из родных мест).

... *птицы земли Виет садятся на южные ветви.* — Земля Виет — территория, где в древности жили виеты, предки современных вьетнамцев. Считалось, что птицы земли Виет, привычные к теплу и солнцу, предпочитают садиться на южные ветви деревьев.

... *алтарь очищенья от клеветы...* — Древний обряд очищения покойника от клеветы был довольно сложен, сочетая буддийские и даосские верования. На алтарь ставились статуи Будды и повелителей трех царств — небесного, земного, подземного. Перед алтарем зажигали светильники, курили благовония и читали молитвы.

Стр. 181 ...*мать всеблагого мудреца впала в сомнение...* — Однажды матери Цзэн Цаня, ученика Конфуция, славившегося своими добродетелями, сказали, будто он убил человека, она не поверила и продолжала ткать полотно. Но когда ей повторили это трижды, она усомнилась в сыне и, вскочив, отбросила прочь челнок...

... *после пропажи топора трудно было соседскому чаду отпереться от обвиненья?* — В древнем философском

трактате «Ле-цзы» есть притча о человеке, у которого пропал топор и он решил, что Бор — соседский сын. На другой день топор нашелся, и человек, глядя на мальчика, пришел к мысли, что тот ничуть не похож на вора.

... за колесницу, полную сорго, Великий Полководец-сокрушитель взял на подозрение старого военачальника... — Великий Полководец-сокрушитель — звание Лю Сю, основавшего в 25 г. династию Восточная Хань и принявшего титул Гуаньфу-ди. Старый военачальник — Ма Юань, полководец, утопивший в крови восстание против китайского владычества, поднятое в Зиао-тяу сестрами Чынг (40 г.). Ма Юань, будучи в Зиао-тяу, якобы пристрастился к сорго и, возвращаясь в Китай, наполнил им доверху колесницу. Однако Гуаньфу-ди донесли, будто в колеснице Ма Юаня не сорго, а жемчуг и носорожьи шкуры, и он разгневался.

... из-за слов «поначалу надо связать, потом зарезать» Цао Цао убил своего благодетеля? — Цао Цао — полководец и крупный феодал эпохи Троецарствия, один из главных персонажей классического китайского романа «Троецарствие» (XIV в.). Здесь Нгуен Зы имеет в виду эпизод романа, когда Цао Цао и его друг Чэнь Гун укрылись от врагов в доме у приятеля отца Цао Цао. Услышав, как кто-то за стеною сказал: «Поначалу надо связать, потом зарезать», — Цао Цао решил, что его хотят убить, и вместе с Чэнь Гуном перебил всех людей в доме. Обыскав дом, они нашли на кухне приготовленную на убой свинью и поняли свою ошибку.

Рассказ о военачальнике Ли

Стр. Сиятельный князь Данг Тат. — Данг Тат был при Хо Куи Ли правителем области Хоа-тяу и сохранил

свой пост в начале китайской оккупации; узнав о восстании Зиан Диня, перебил китайцев в Хоа-тяу и с сильным войском присоединился к Зиан Диню, пожаловавшему ему титул князя. Он возглавил боевые действия повстанцев, наибольшим успехом которых был разгром крупных китайских сил при Бо-ко (1408 г.). Вскоре, однако, Зиан Динь по ложному навету приказал убить Данг Тэа.

Стр. 188. Прошу почтительно царский суд... — Речь идет о суде Повелителя Неба, который был как бы высшей инстанцией, определяя воздаяние за добро.

Судилище Южного созвездия. — Во вьетнамской мифологии упоминаются два брата-близнеца, духи Южного созвездия (Южного Креста) и Полярной звезды. Они родились на свет от земной женщины, зачавшей их уже в преклонном возрасте и носившей во чреве шестьдесят девять месяцев. За великую мудрость и добронравие Повелитель Неба (император нефрита) взял братьев на небеса и поставил одного (духа Южного созвездия) ведать рождениями, а другого — смертями.

Стр. 189. Государев суд — здесь: суд Повелителя Подземного царства Зиен-выонга.

... Не спутают здесь жеребца вороного с гнедою кобылой. — В древнем Китае циньский государь Му-гун (659 — 621 гг. до н.э.) послал Цзю Фан-чао выбрать для него доброго коня. Вернувшись, тот сообщил, что купил государю гнедую кобылу. Однако конь, когда его привели, оказался вороным жеребцом.

Стр. 191... пашни присваивал, был он Хун Яну подобен. — Имеется в виду вельможа ханьского государя Чэнди (32 — 7 гг. до н.э.) по имени Хун Ян, который захватывал чужие земли и продавал их ради наживы.

Словно Ян Су, он убийствами тешился... — Ян Су — военачальник династии Суй, прославился жестокостью не только по отношению к неприятелю, но и к собственным воинам: по его приказам убивали безвинно сотни и тысячи людей.

Стр. 194. *Девятая темница* — метафорическое обозначение Подземного царства.

Рассказ о беседе стихотворцев в уезде Золотых цветов

Стр. 196... *Женищина из семьи Нго по имени Ти Лан...* — Нго Ти Лан (XV — XVI вв.), согласно ряду источников, была женой Фу Тхук Хоаня, родилась в уезде Золотых цветов (Ким-хоа) и является автором стихов, цитируемых Нгуен Зы.

Мудрец из рода Фу. — Фу Тхук Хоань (XV — XVI вв.) — знаменитый ученый и поэт, настолько прославился познаниями и талантами, что вопреки правилам, не сдав экзаменов, получил должность преподавателя канонического конфуцианского пятикнижия в Королевском училище, а затем звание хаук ши в Королевской академии «Лес кистей».

Святой и благодетельный государь из дома Ле... — Имеется в виду король Ле Тхань Тонг (1442—1497. царствовал с 1460 г.)

Стр. 196. *На исходе лет Изначального блаженства* — девиз правления короля Уи Мука (1505 — 1509). При нем государство пришло в полный упадок. Был убит заговорщиками.

Стр. 198... *как Фэнь Лао, прервать чтение стихов на середине.* — Китайский поэт эпохи Сун Фань Дай-линь, по прозванию Фэнь Лао, однажды ночью, слагал стихи для гостей, суливших ему награду, но вдохновение покинуло его на середине стиха.

Стр. 202. ... *близ трона Одухотворенного повелителя* — то есть короля Ле Тхань Тонга.

Гора *Духа-заступника* (Ве-линь) — часто упоминается во Вьетнамском фольклоре и старой литературе, отсюда, по преданию, вознесся на небо герой (Святой владетельный князь-небожитель), разгромивший во времена государей Хунг войска китайских завоевателей.

Стр. 202. Ворота *Раскрывшегося озарения* (кыа Тхань-зыонг) — Восточные ворота в Дворцовой стене вьетнамской столицы, название их олицетворяло приход весны.

Стр. 204 ... *И вдалеке от горы. Цяошань вытираю слезы со щек.* — Цяошань — название горы в Китае, где якобы погребен мифический император Хуан-ди. Здесь, вероятно, гора Цяошань уподобляется горе Лям-шон, где находится гробница Ле Тхань Тонга.

... в оде о *Гаотане очернена небожительница...* — Имеется в виду ода китайского поэта Сун Юя, где описаны похождения феи в Гаотане (см. прим. к стр. 82).

... в песне о *Седьмом дне Седьмого месяца осмеян Тай-цзун* — Речь идет о сочинении поэта Чжан Ляя, где автор насмехается над танским императором Тайцзуном. Седьмой день седьмого месяца — день встречи Ткачихи и Волопаса (см. прим. к стр. 82).

...поклонялась я *святому Тхань Тонгу... чтילה святого Хиен Тонга.* — Имеются в виду король Ле Тхань Тонг и его старший сын и преемник Ле Хиен Тонг (1461 — 1504), также известный поэт.

Стр. 205. *Но раскается он, во дворец пригласив поэтессу из Ким-хоа* — то есть Нго Ти Лан (см. прим. к стр. 196)

Ханг Нга, живущую в лунных чертогах... — По преданию, Ханг Нга (китайск. «Чан-э») похитила у мужа напиток бессмертия, подаренный ему Хозяйкой Запада

Сиванму, и вознеслась на луну. Однако в Лунном дворце она оказалась в одиночестве и тосковала, раскаиваясь в содеянном.

... *высокородную Лун Юй кто-то уважил другим стихом...* — Лун Юй, дочь цзиньского правителя Му-гуна (811 — 785 гг. до н.э.): она и ее муж Сяо Ши стали, по преданию, духами и вознеслись на небеса.

Стр. 206. *Ступив за ворота дворцов, мы припоминаем Лю Чжоу...* — Здесь имеются в виду стихи ЦуйЦзяо, где говорится, что Лю Чжоу утирала горькие слезы платком тончайшего шелка. Смысл их в том, что богатство и роскошь не исцеляют сердечного горя.

... *урожденную У решаемся осмеять лишь в обличье Богини земли.* — Речь идет о жене танского императора Гаоцзуна (650 — 683), которую звали У Цзэ-тян. Она свергла с престола своего сына и находилась у власти с 684 по 704 г. Не смея открыто обличать ее развратный нрав, современники выводили У Цзэ-тян под видом мифической богини земли Хоу Ту.

Непросторная молешня — прозвание вьетнамского поэта и ученого Ли Ты Тана (XV в.); он участвовал в освободительной войне, закончившейся изгнанием китайских войск (1418 — 1428 гг.), а затем служил в Королевской академии «Лес кистей»; Ли Ты Тан едва ли не первым во вьетнамской поэзии воспел вдохновение и труд поэта, независимо от превратностей времени.

Надежный наставник — прозвание поэта, ученого и государственного деятеля Нгуен Чыка (1417 — 1474), который с юности прославился литературным талантом, рано сдал экзамены и занимал важные посты в академии «Лес кистей» и Королевском училище, ездил послом в Китай.

Приречная сосна — прозвание неизвестного вьетнамского поэта.

Хризантема с холма — прозвание поэта и военачальника Нгуен Монг Туана (XI в.); участвовал в освободительной войне против китайских войск и походах на Тямпу.

До из уезда Золотых цветов. — Имеется в виду знаменитый поэт и ученый До Нюан (1446 - ?); был в ближайшем окружении короля Ле Тхань Тонга, занимал важные посты при дворе, в академии «Лес кистей» и Собрании двадцати восьми светил словесности.

Чан из Нефритовой крепости — неизвестный нам вьетнамский поэт.

Дам из деревни Безмятежная тишина — то есть Дам Тхэн Хюи (1462 — 1527), известный поэт, государственный деятель и дипломат.

Ву из уезда Дорога умиротворения — то есть Ву Куинь (1452 — 1516), известный историк, писатель и математик; один из авторов знаменитого сборника новелл «Дивные повествования земли Линь-нам».

Нгуен Ык Чай — то есть Нгуен Чай (1380 — 1442), великий вьетнамский поэт и мыслитель, государственный деятель и военачальник, автор первой дошедшей до нас книги стихов на вьетнамском языке, ему принадлежат также книги стихов и прозы, трактаты по истории и географии; был одним из главных руководителей освободительной борьбы против китайских завоевателей.

...*достоин войти во врата Ду Шао-лина.* — Ду Шао-лин — одно из прозваний великого китайского поэта Ду Фу (712 — 770). Фраза означает: достиг высшей степени поэтического искусства.

Стр. 208. *«Собрание стихов Прибрежного созвучия».* — Прибрежное созвучие — прозвание поэта и государственного деятеля Шай (Тхай) Тхуана (1440 — ?). В молодости был «учителем» боевых слонов; при Ле Тхань Тонге служил в академии «Лес кистей», назначался намест-

ником в Хай-зыонг. Его стихи отличались эмоциональностью, совершенством формы и ясностью мироощущения.

Стр. 208. Высокий *наставник из рода Фу и его супруга* — то есть Фу Тхук Хоанг и Нго Ти Лан (см. прим. к стр. 196).

Рассказ о Повелителе демонов ночи

Стр. 213. *Многократное сияние* — девиз царствования принца Чан Куй Кхоанга (1409—1413), он, объявив себя государем, поднял восстание против захвативших страну китайских войск. Потерпев поражение, был захвачен в плен и покончил с собой. В эти годы погибло очень много людей. Вымирали целые деревни; некому было похоронить умерших, совершить положенные обряды на могилах и у алтарей предков. Поэтому тени усопших, лишенные приюта и пищи, искали пропитания среди людей. Бесчинства их и разбой — аллегорическое изображение царивших в стране беспорядков.

Стр. 214 ... *попирая права Небесного творца*... — Здесь имеется в виду Повелитель превращений (Хоа конг), определявший людские судьбы; демоны, убивая людей, нарушали его установления.

Стр. 219. *Янь Хуэй* — См. прим. к стр. 96.

Чан-цзи — прозвание китайского поэта Ли Хэ (790 — 816). Он с детства преуспел в стихосложении и науках; каждое утро брал он мешок с книгами, садился на коня и уезжал из дома, возвращаясь поздним вечером. Мать бранила его за то, что он не бережет здоровья. Ли Хэ и впрямь рано умер.

Стр. 221 ... *умер от голода* Дэн... — Дэн (Дэн Тун) жил в Китае во II в. до н.э. и был любимцем императора Вэньди. Узнав, что Дэну предсказана голодная смерть, император решил изменить судьбу и подарил ему медную гору, разрешив лить монеты. Вскоре Дэн стал богачом. Но новый император невзлюбил его, отобрал у него медную гору и все добро, и Дэн умер с голоду.

... *лишил достояния Чжу*. — Чжу (Чжу Шу) — бедняк, по преданию, услышавший во сне от духа, что ему на время могут достаться деньги некоего Чэ. Вскоре Чжу разбогател; но потом засуха погубила весь его урожай, и Чжу, собрав остатки добра, бежал куда глаза глядят. Вечером чужая женщина, бывшая на сносях, попросилась переночевать под его колесницей. Ночью она родила сына и назвала его Чэ (Колесница). Затем все деньги Чжу достались этому мальчику, а сам он так и остался бедняком.

Гора Маяк — гора на берегу реки Янцзы, в Китае. Существует преданье о том, что поэт Ван Бо (647 — 675) на пути в Наньян причалил у этой горы свою лодку. Дух-повелитель вод во сне обещал ему помощь. Тотчас попутный ветер наполнил парус, и к утру Ван Бо уже был в Наньяне, поспев на состязание стихотворцев, и поразил всех своими стихами.

... *молния расколола плиту с письменами у пагоды Цзиньфу* ? — Говорят, что к вельможе Фань Чжунь-яню (989 — 1052) пришел школяр, жалуясь на нужду и голод. Фань Чжунь-янь, выдав ему бумагу и тушь, велел идти в древнюю пагоду Цзиньфу, снять тысячу копий с надписи, начертанной знаменитым каллиграфом, и продать их в столице. Но не успел тот начать работу, как поднялась буря и плиту разбила молния.

Янь или Минь...—Янь Хуэй и Минь Цзы-цян, прославившиеся своей сыновней почтительностью, — ученики Конфуция.

... вроде Ло или Лу... — Имеются в виду известные-китайские литераторы Ло Бинь-ван (? — 684) и Лу Чжао-линь (ок. 641 — 680 гг.) ; они стремились к « естественной жизни », презирая мирскую суету и не заискивая перед властью имущими. Правитель танской столицы бранил их за то, что они посвятили себя литературе, а не служебной карьере, предрекая им печальный конец. Лу Чжао-линь, заболев, утопился в реке, а Ло Бинь-ван, примкнувший к мятежникам, был казнен.

Заключая книгу, переводчик и авторы комментария приносят искреннюю благодарность вьетнамским ученым Данг Тхай Маю и Хоай Тханю и писателям Нгуен Туану и Доан Зиою за помощь в работе над этой книгой.

СОДЕРЖАНИЕ

Рассказ о дереве гао	7
Рассказ о земном воплощении Разливателя чая . . .	21
Рассказ о тяжбе в Драконьих чертогах	37
Рассказ о злых делах девицы Дао.	53
Рассказ о свадьбе Ты Тхыка и феи	73
Рассказ о прогулке Фам Ты Хы среди Звездных па- лат.	91
Рассказ о кознях нечистой силы у Изобильной реки	102
Рассказ о словопрениях с дровосеком на горе Уеди- нения.	116
Рассказ о покинутой пагоде в уезде Восточных при- ливов	133
Рассказ о девице по имени Туи Тиеу.	143
Рассказ о ночном пире у реки Полноводный проток	160
Рассказ о девице из уезда Южного благоденствия	171
Рассказ о военачальнике Ли.	183
Рассказ о беседе стихотворцев в уезде Золотых цве- тов.	196
Рассказ о Повелителе демонов ночи.	213
<i>М. Ткачев.</i> Мастер рукотворных чудес из края Свет- лого моря.	226
Комментарии.	261